

МЭРИ
СТЮАРТ

Последнее волшебство
Недобрый день
Принц и паломница

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Мэри Стюарт

**Последнее волшебство.
Недобрый день. Принц
и паломница (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1979, 1983, 1995

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Стюарт М.

Последнее волшебство. Недобрый день. Принц и паломница (сборник) / М. Стюарт — «Азбука-Аттикус», 1979, 1983, 1995 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-14496-5

Мэри Стюарт (1916–2014) еще в юные годы дала зарок посвятить свою жизнь литературе. И фортуна встала на ее сторону. Первый роман («Мадам, вы будете говорить?») пришелся читателям по душе, и почти каждое новое произведение английской писательницы становилось бестселлером. Но настоящий успех пришел к ней в 1970-е годы, когда увидела свет трилогия о волшебнике Мерлине и короле Артуре («Хрустальный грот», «Полые холмы», «Последнее волшебство»), соединившая в себе историю и фантастику и впоследствии переросшая в пенталогию (добавились романы «Недобрый день» и «Принц и паломница»). Сама писательница свою задачу определяет просто: «Если голос преданий так настойчив, если мотивы так живучи и возрождаются вновь и вновь, значит в них содержится реальное зерно, даже в самых фантастических историях, которые нагромодились вокруг сердцевины скудных фактов Артурова существования. Увлекательное занятие – осмысливать эти подчас дикие и нелогичные сюжеты, придавать им характер более или менее связных и правдоподобных рассказов о человеческих поступках и мире воображения».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-14496-5

© Стюарт М., 1979, 1983, 1995

© Азбука-Аттикус, 1979, 1983, 1995

Содержание

Последнее волшебство	8
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	50
Глава 7	57
Глава 8	62
Глава 9	69
Глава 10	76
Глава 11	81
Глава 12	91
Часть вторая	99
Глава 1	99
Глава 2	106
Глава 3	109
Глава 4	116
Глава 5	121
Глава 6	126
Глава 7	130
Глава 8	136
Глава 9	141
Глава 10	144
Часть третья	150
Глава 1	150
Глава 2	154
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Мэри Стюарт
Последнее волшебство. Недобрый
день. Принц и паломница

© И. Бернштейн (наследник), перевод, 2018

© С. Лихачева, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Последнее волшебство

*Тому, кто умер, но снова жив, кто был потерян, но все-таки
нашелся*

Часть первая Дунпелдир

Глава 1

Не всякий бы король согласился, чтобы его восшествие на престол ознаменовалось избиением младенцев. Но именно это говорят про Артура, хотя во всем прочем он почитается как образец благородного правителя, заступник равно и великих, и малых.

Ядовитый шепот пресечь труднее, чем громогласную клевету. К тому же в глазах простых людей, для которых верховный король – владыка жизни и вершитель судеб, Артур и в самом деле несет ответ за все происходящее в его королевстве, и доброе и дурное, от громкой победы на поле брани до градобития нив или бесплодия овец.

Вот почему, хотя убийство детей было задумано колдуньей и осуществлено по слову другого короля и хотя я сам попытался взять вину на себя, все же в стране не утихает ропот, что якобы Артур, верховный король, в первый год своего правления повелел воинам разыскать и убить двадцать новорожденных младенцев, надеясь, что в этот кровавый невод попадетс я единственное дитя, его сын бастард, кровосмесительно рожденный единокровной его сестрой Моргаузой.

«Клевета», – всегда говорил я и рад был бы открыто провозгласить эти обвинения облыжными. Но в них не все ложь. Ложь, что он распорядился об убийстве, но первопричиной всему был его грех, и, хотя у него в мыслях не было обрекать на избиение невинных младенцев, правда, что он хотел смерти своего ребенка. Так что по справедливости вина отчасти лежит и на нем. А отчасти и на мне, ибо я, Мерлин, всеми признанный маг и провидец, стоял в стороне и бездействовал и допустил, чтобы опасный ребенок был зачат и поставлен был горестный предел миру и свободе, которые Артуру предстояло подарить своим подданным. Впрочем, что до меня, то я могу снести бремя вины, я уже недоступен людскому суду, а вот Артур еще молод и чувствителен к укорам, которые могут толкнуть его на поиски искупления; тогда же был и того моложе, в бело-золотом расцвете победного мужества и королевской славы, высоко вознесенный народной любовью и восхищением воинов и окруженный отсветами тайны чудесного меча.

А было дело так. Король Утер Пендрагон стоял со своим войском под Лугуваллиумом, что в северном королевстве Регед, и готовился отразить нападение саксов под водительством Колгрима и Бадульфа, Хенгистовых внуков. Сюда, на первое поле брани, привез Артура, почти еще отрока, приемный отец, граф Эктор из Галавы, и представил королю. Артур рос незаметно, в неведении о своем королевском рождении. Утер же, хотя и получал известия о воспитании и успехах сына, ни разу его не видел с тех пор, как тот появился на свет. А все потому, что в ночь, когда Утер впервые возлежал с Игрейной, в ту пору герцогиней Корнуэльской, сам герцог Корнуолла Горлойс, супруг ее, был убит. И смерть эта, происшедшая не по вине Утера, так, однако же, подействовала на короля, что он дал клятву не признавать ребенка, которому, быть может, суждено будет родиться от той ночи беззаконной любви. И потому, когда пришел срок, новорожденный Артур был передан для воспитания мне, и я позаботился, чтобы он вырос и возмужал вдали и от короля, и от королевы. Но другой сын у короля с королевой не родился, и наконец занемогший король Утер, перед лицом саксонской угрозы, принужден был под Лугуваллиумом послать за мальчиком, дабы признать его открыто своим наследником в собрании королей и лордов.

Но прежде чем он успел осуществить это намерение, саксы напали. Утера, который не в силах был ехать на битву верхом, несли во главе войска в кресле, и с ним командующими были на правом фланге Кадор, герцог Корнуолла, а на левом – Коэль, король Регеда, и Кау

из Стрэтклайда, и другие вожди севера. Только Лот, король Лотиана и Оркнеев, не явился на поле сражения. Король Лот, могучий властитель, но ненадежный союзник, оставался со своей ратью в резерве, чтобы бросить ее в бой в том месте и в тот миг, как понадобится. Про него говорили, что он нарочно медлил, в надежде, что Утерово войско будет разгромлено, и в этом случае королевство досталось бы ему, Лоту. Если так, то надежды его не оправдались. В разгар схватки вокруг королевских носилок, когда в руке у Артура сломался меч, король Утер передал ему свой, королевский, а с ним, как понимали все, и свое королевство, а сам откинулся на спинку и смотрел, как юный Артур, словно огненная комета победы, возглавил наступление и разбил саксов наголову.

Позднее, на праздничном пиру, Лот выступил от лица лордов, которые оспорили Утеров выбор наследника. И в самый тот миг, когда разгорелись страсти и готова была завязаться драка, король Утер умер прямо на пиру, оставив юношу под моим покровительством самого справляться с противниками и склонять их на свою сторону.

То, что случилось затем, вошло в песни и в сказания. Здесь довольно будет напомнить, что Артур своей королевской статью и повадкой, а также благодаря знамени, ниспосланному божеством, сумел выказать себя истинным и неоспоримым королем.

Но уже было посеяно злое семя. Накануне, еще не ведая тайны своего рождения, Артур встретился с Моргаузой, внебрачной дочерью Утера и своей единокровной сестрой. Она была прелестна, а он молод и в пылу своей первой военной победы, и, когда она прислала за ним девушку, он с готовностью пошел на ее зов, не задумываясь о последствиях, которые должна была принести эта ночь наслаждений сверх того, что охладила огонь в его крови и лишила его девства.

Красавица-то давно уже утратила невинность, в этом можно не сомневаться. Утратила она невинность и в другом отношении. Она знала, кем ей приходится Артур, и согрешила с ним сознательно, из стремления к власти. На брак она, конечно, надеяться не могла, но бастард, рожденный от кровосмесительной связи, должен был стать могучим оружием в ее руках, как только старый король, ее отец, умрет и взойдет на трон молодой.

Артур, когда узнал, какой грех содеял, готов был его еще усугубить, и убил бы эту женщину, если бы я не вмешался. Но я изгнал ее прочь, повелев ей ехать в город Йорк, где находилась в ту пору законная Утерова дочь Моргана со свитой в ожидании свадьбы с королем Лотиана. Моргауза, как и все в те дни трепетавшая передо мной, повиновалась и уехала, чтобы в изгнании совершенствоваться в своем женском чародействе и носить под сердцем сына-бастарда. И преуспела, как вы вскоре узнаете, за счет сестры Морганы.

Но об этом – позже. А сейчас лучше вернуться к утру того нового и счастливого дня, когда, забыв об отъехавшей Моргаузе, Артур Пендрагон сидел в регедском городе Лугуваллиуме, принимая поклонение подданных, и сияло солнце.

Меня там не было. Я уже поклонился ему ранним утром, в час между луной и рассветом, и было это в лесной часовне, где Артур поднял с каменного алтаря меч Максима и тем выказал себя по праву королем бриттов. И когда он в сопровождении королей и лордов удалился оттуда во всем блеске и упоении торжества, я один остался в святилище. За мной был еще долг местным богам.

Теперь это была часовня. Гиблой часовней нарек ее Артур, но здесь находилось святилище еще задолго до того, как люди уложили камень на камень и возвели алтарь. Изначально оно было посвящено местным божествам, духам, населяющим холмы, ручьи и дубравы, а с ними и более могущественным силам воздуха, что живут в дыхании туч и стуж и в посвисте ветра. В чью честь возведена была первоначально часовня, не знал ни один человек. Позже, с римлянами, пришел Митра, солдатский бог, и ему был сложен внутри часовни каменный алтарь. Но и древняя святость минувших веков по-прежнему витала в этом месте, старым богам приносились жертвы, и девять светочей все так же сияли под темными сводами.

В те годы, что Артур для безопасности тайно жил у графа Эктора в Диком лесу, я находился поблизости, и знали меня только как хранителя храма, отшельника Зеленой часовни. В ней я спрятал меч Максима (или Максена, как называли его валлийцы) до того срока, пока мальчик не вырастет и не сможет его поднять, чтобы разбить и изгнать врагов королевства, как за сто лет до него это сделал сам император Максим. Со времен Максима люди почитали его тяжелый меч волшебным талисманом, магическим оружием, всегда приносящим победу тому, кто по праву возьмет его в руки. Я, Мерлин Амброзий, один из потомков Максима, своей рукой добыл этот меч из подземного тайника, где хранился он несчетные годы, и отложил для того, кто придет после меня и будет более достоин им владеть. Я спрятал меч сначала в подводном гроте посреди лесного озера, но впоследствии перенес в часовню и уложил на алтаре, заперев в камне, словно барельеф, и скрыв от непосвященных взглядов и прикосновений холодным бледным пламенем, которое я своим искусством вызвал с неба.

И из этого нездешнего огня, к ужасу и восхищению всех, кто при сем присутствовал, Артур извлек и поднял Максимов меч. А потом, когда молодой король со своими лордами и военачальниками уехал, я был свидетелем того, как молния, ниспосланная свыше, испепелила в часовне все, что считалось в ней свято, оставив только алтарь, отныне посвященный одному лишь новому богу.

А я уже давно знал, что этот бог не терпит других рядом с собой. Он не был моим богом, и Артуровым, как я подозревал, ему тоже не быть никогда, но со всех трех концов милой Англии он продвигался вглубь страны, опустошая древние святилища и преображая богослужебные обряды. С трепетом и болью наблюдал я, как его огнем уничтожались черты более древней веры, но Гиблую часовню – и, кажется, меч тоже – он пометил своим знаком, тут не приходится спорить.

Весь тот день я прибирался в часовне, готовя ее для нового обитателя. На эту работу ушло много времени; все тело у меня болело от ран и ссадин, и ночь, проведенная без сна, лишила меня последних сил. И вообще, есть такие вещи, которые надо делать без спешки, благопристойно и по порядку. Но вот наконец все было готово, и когда на закате приехал из города новый служитель при часовне, я сел на приведенного им коня и поехал по примолкшему лесу.

Было поздно, когда я подъехал к воротам, но створки стояли распахнутые, и никто не окликнул меня при въезде. В городе все еще буйствовал праздник, небо рдело отсветами костров, воздух дрожал от песен, сквозь дым ощущался запах жареного мяса и вина. Даже присутствие усопшего короля, чье тело лежало в монастырской церкви, окруженное почетной стражей, не могло заставить людей придержать языки: время было слишком полно событий, а городские стены чересчур тесны. Лишь самые старые да малые спали в городе в ту ночь.

На месте я не нашел никого. Только за полночь появился мой слуга, а за ним и Ральф.

Входя, он пригнул голову, чтобы не задеть притолоку при своем саженном росте, и, пока за ним затворялась дверь, молча смотрел на меня с такой же опаской, как в прежние годы, когда прислуживал мне и трепетал перед моей волшебной силой.

– Ты еще не лег?

– Как видишь.

Я сидел у окна в кресле с высокой спинкой. Против холода сентябрьской ночи слуга принес мне жаровню с тлеющими углями. Я обмылся, еще раз осмотрел и смазал свои раны и, облачившись с помощью слуги в просторные ночные одежды, отослал его прочь, а сам приготовился вкушать ночной отдых. После блеска пламени и боли ран, после ослепительного торжества, принесшего Артуру корону, я, всю жизнь посвятивший тому, чтобы это свершилось, испытывал теперь потребность в тишине и одиночестве. Сон еще не шел, но я сидел умиротворенный, расслабившийся и задумчиво глядел на лениво светящиеся угли.

Ральф, в дорогих парадных доспехах, каким я видел его еще утром в часовне при Артуре, тоже выглядел осунувшимся и усталым, но он был молод, и свершение минувшей ночи было для него не концом, а новым началом. Он проговорил чуть-чуть ворчливо:

– Тебе бы следовало лежать в постели. Я слышал, на тебя ночью по пути в часовню было совершено нападение. Ты серьезно ранен?

– Не смертельно, хотя достаточно чувствительно. Да нет, не беспокойся, больше ссадин, чем ран, и я принял необходимые меры. Но боюсь, твой конь из-за меня охромел, и об этом весьма сожалею.

– Я осмотрел его. Ничего страшного. Через неделю, самое большее, поправится. Но ты... у тебя измученный вид, Мерлин. Надо бы, чтобы тебе дали довольно времени для отдыха.

– А что же может теперь помешать моему отдыху? – удивился я. И, видя, что он замылся, спросил настойчивее: – Ну, что еще? О чем ты норовишь умолчать?

Он перестал хмуриться и даже почти ухмыльнулся. Но голос, которым он мне ответил, прозвучал, вопреки обыкновению, чопорно и равнодушно – голос придворного, еще не разобравшегося, как говорится, откуда дует ветер:

– Принц Мерлин, король повелел, чтобы я пригласил тебя в его покои. Он желает видеть тебя, как только это будет для тебя удобно.

Говоря это, Ральф задержал взгляд на двери в стене против окна. До вчерашнего дня Артур спал в этой комнате позади моей спальни и являлся ко мне по моему слову. Ральф встретился со мной взглядом и на этот раз ухмыльнулся по-настоящему.

– Иначе говоря, немедленно. Ты уж не сердись, Мерлин, но именно таково было повеление короля, переданное мне через распорядителя двора. Могли бы, кажется, и повременить до утра. Я-то думал, ты спишь.

– Сердиться? За что же? И королям надо с чего-то начинать. Сам-то он хоть отдохнул?

– Куда там. Но он отделался от свиты, и ему приготовили королевские покои, покуда мы ездили в часовню.

– И с ним никого?

– Один Бедуир.

Но это, как я знал, означало, что помимо верного Бедуира при нем была целая рота слуг и постельничих и кое-кто, наверно, еще в передних покоях.

– В таком случае проси его дать мне сроку несколько минут. Я прибуду, как только оденусь. И пошли ко мне Ллу, сделай милость.

Но с этим Ральф согласиться не мог. Слугу отослали с ответом к королю, а Ральф как ни в чем не бывало, словно и не прошло стольких лет с тех пор, как он мальчиком служил у меня, принялся сам мне помогать. Снял с моих плеч ночной балахон, сложил и убрал, а затем осторожно, щадя мои разбитые члены, облачил меня в дневные одежды. И опустился на колени, чтобы обуть мне ноги и застегнуть сандалии.

– Ну, как прошел день? – спросил я его.

– Прекрасно. Ни тени, ни облачка.

– Что Лот Лотианский?

Он задрал голову и усмехнулся:

– Знает свое место. На том, что произошло в лесной часовне, он сильно ожегся.

Последние слова он добавил, опустив голову к пряжке на сандалии и словно бы говоря с самим собой.

– И я тоже, Ральф, – сказал я. – И я не защищен от небесного огня. Сам видишь. Как там Артур?

– Все еще витает в ослепительных облаках. – На этот раз тон был не только насмешливый, но и любящий. Ральф поднялся с колен. – Но все же мне кажется, он уже готов к бурям. Теперь пояс. Вот этот?

– Да, можно и этот. Спасибо. К бурям, ты говоришь? Уже? Пожалуй, ты прав. – Я принял пояс у него из рук и сам завязал узел. – А ты, Ральф, намерен ли остаться при нем и помочь ему выстоять в непогоду или же считаешь свой долг выполненным?

Последние девять лет Ральф прожил в Галаве – отдаленном углу регедского королевства, где безымянным воспитывался Артур в качестве приемыша у графа Эктора. Ральф женился на местной девушке, и у него были малые дети.

– Признаться по правде, я еще об этом не думал, – ответил он. – Слишком много всяких событий за слишком короткое время. – Он засмеялся. – Одно ясно: если я и останусь с ним, то еще буду вздыхать о тех безмятежных днях, когда у меня только и было забот, что охранять этих дьяволят... то есть, я хочу сказать, сопровождать в поездках Бедуира и короля. А ты? Ты ведь больше не будешь жить на севере отшельником Зеленой часовни? Тебе придется оставить свое убежище и последовать за королем?

– Да, придется. Я дал обещание. К тому же подле короля мое законное место, но не твоё – если ты сам того не захочешь. Мы с тобой возвели Артура на престол, и здесь кончается первая часть этой истории. Дальше ты должен выбирать. Впрочем, у тебя еще будет время обдумать свой выбор.

Он распахнул дверь и пропустил меня вперед. Я перешагнул порог и обернулся:

– Мы высвистели сильный ветер, Ральф. Посмотрим, куда он нас отнесет.

– И ты ему покоришься?

Я засмеялся:

– У меня вещая душа, и она предсказывает мне, что, быть может, придется покориться.

Ну пошли, для начала явимся по его призыву.

В передних королевских покоях еще были люди, но главным образом слуги, они сновали взад-вперед, убирая остатки трапезы, как видно только что законченной королем. У дверей во внутренние покои, застыв как деревянные, стояли стражники. На скамье под окном крепким сном спал юный паж. Я вспомнил его: он был здесь три дня назад, когда я приходил для разговора с умирающим Утером. А Ульфина, телохранителя и главного королевского постельничего, я сегодня не увидел. Где он, догадаться было нетрудно. Он будет служить новому королю так же преданно, как служил Утеру, но нынешнюю ночь он проведет подле своего старого господина, в монастырской церкви. Воин, стоявший на страже у королевской двери, был мне незнаком, и многие из слуг – тоже; это все была челядь из Регедского королевского замка, призванная на подмогу по такому торжественному случаю ввиду пребывания в городе верховного короля.

Но они-то меня знали. Когда я вошел, все сразу смолкли и остановились кто где стоял, словно околдованные. Слуга со стопкой тарелок на согнутой руке замер, будто увидел голову Горгоны, и со всех сторон ко мне оборотились бледные лица с выпученными глазами и разинутыми ртами, застывшие гримасы ужаса. Я встретил любящий и насмешливый взгляд Ральфа. «Вот видишь?» – одним движением бровей сказал он мне, и я яснее понял, почему он так замялся, передавая мне властный вызов короля. В прошлом, как мой товарищ и слуга, он был близок ко мне и не раз, когда я творил прорицание или то, что люди называют колдовством, оказывался свидетелем и почитателем моей силы. Но магическая сила, воссиявшая в Гиблой часовне, была явлением иного порядка. Я мог лишь догадываться, какие дивные рассказы распространились с молниеносностью небесного пожара по всему Лугуваллиуму, но несомненно, что простой люд вот уже сутки ни о чем другом не говорил. И как всякие удивительные рассказы, при передаче они будут только еще прирастать и украшаться.

Так они стояли и взирали на меня с ужасом. К этому ужасу, леденящему, будто холод, который ощущается в воздухе перед появлением призрака, я привык издавна. Сквозь недвиж-

ную толпу я прошел к королевской двери, и стража без единого слова расступилась, но слуга не успел открыть передо мной дверь – она распахнулась изнутри, и мне навстречу вышел Бедуир.

Бедуир, тихий темноволосый юноша, несколькими месяцами моложе Артура, был сыном Бана, короля Бенойкского, и племянником короля Бретани. Они с Артуром дружили с детства, когда Бедуир был прислан в Галаву обучаться военным искусствам у прославленного учителя фехтования в доме сэра Эктора и вдвоем с Эмрисом (как именовался тогда Артур) проходить науки под моим началом в часовне посреди Дикого леса. В нем уже тогда проявлялась противоречивая натура прирожденного воина и в то же время поэта, одинаково свободно чувствующего себя как в действии, так и в мире музыки и мечты. Чистый кельтский тип, если можно так выразиться, тогда как Артур, подобно моему отцу, верховному королю Амброзию, принадлежал к римскому типу. Может быть, я и ожидал увидеть в лице Бедуира после чудес минувшей ночи тот же священный трепет, что и у людей более простого звания вокруг, но оно выражало лишь торжество недавней победы, чистую радость за друга и мужественную веру в будущее.

Он уступил мне дорогу и с улыбкой сказал:

– Теперь он один.

– Где ты будешь спать?

– Мой отец ночует в западной башне.

– В таком случае покойной ночи, Бедуир.

Я шагнул к порогу, но Бедуир задержал меня: быстро склонившись, он схватил мою руку и поцеловал.

– Мне следовало знать, что твоими заботами все кончится хорошо. А я переполошился – те несколько мгновений, когда Лот и его прихвостни предательски затеяли в зале смуту...

– Тсс, – остановил я его. Он говорил тихо, но вокруг было много ушей. – Это уже дело прошлое. Забудем пока о нем. Ступай прямо к отцу в западную башню. Ты меня понял?

Темные его глаза блеснули.

– Король Лот, как я слышал, ночует в восточной башне?

– Вот именно.

– Не беспокойся. Я уже получил такое же предупреждение от Эмриса. Доброй ночи, Мерлин.

– Доброй ночи и мирного сна нам всем. Мы в нем нуждаемся.

Он ухмыльнулся, отвесил торопливый полупоклон и убежал. Я кивнул слуге и вошел к королю. Дверь за мной затворилась.

Из королевских покоев успели вынести все, что было связано с уходом за недужным. С высокого ложа сняли алые покровы. Половицы вымыли и навозили, постель застелили новыми простынями сурового полотна и сверху положили одеяло из волчьих шкур. Только красное кресло с изображением дракона на высокой спинке и со скамеечкой в подножии и светильник на высокой треноге стояли на прежнем месте. В открытые окна лилась прохлада сентябрьской ночи, заставляя трепетать пламя светильников, и от этого по стенам пробежали причудливые тени.

Артур был один. Он стоял у окна, опершись коленом на табурет и облокотившись о подоконник. Окно выходило не в город, а на берег реки, где был разбит сад. И, глядя в темноту, он глубоко вдыхал свежий ночной воздух, словно пил и все не мог напиться из целительной воздушной реки. Волосы у него были влажные после умывания, но торжественные одежды он не сменил и так и остался в серебряно-белой тунике, перепоясанной поясом валлийского золота с бирюзой, застегнутым эмалевой пряжкой. Снял только перевязь с мечом, и могучий Калибурн в ножнах висел теперь на стене над королевским ложем. В отблесках света жарко играли драгоценные камни на рукояти: изумруды, топазы, сапфиры. И на руке у Артура тоже сверкал и лучился бесценный Утеров перстень с вырезанным в камне драконом.

Артур услышал, как я вошел, и обернулся. Вид у него был какой-то особенный: возвышенный и легкий, словно ветры минувшего дня продули его насквозь и оставили невесомым. Лицо побледнело и осунулось от усталости, но глаза горели и были полны жизни. Не прошло и суток, а его уже зримо окружала тайна, которая, словно мантия, одевает королей. Она была во всем: в гордом взгляде, в повороте головы. Никогда уже больше не сможет Эмрис прятаться в тени. Я только лишний раз подивился, как нам удалось уберечь его в безвестности все эти годы среди тех, над кем он так явно возвышался.

– Я тебе нужен? – спросил я.

– Ты был нужен мне весь день. Разве ты не обещал находиться рядом все это время, что я возился с восшествием на престол и вылупился наконец в короли? Где ты пропадал?

– Неподалеку, если и не рядом. Я пробыл в святилище – в часовне – почти дотемна. Мне казалось, ты должен быть занят.

Он коротко рассмеялся:

– Занят, говоришь? У меня было такое чувство, будто меня живьем съедают... или будто я рождаюсь на свет и роды не из легких. Я сказал, что я «вылупился». Жить, жить и вдруг оказаться принцем – дело нелегкое, но и принц отличается от короля, как яйцо от свежесвыпившегося птенца.

– По крайней мере, будем надеяться, что вылупился орленок.

– Время покажет. И в этом как раз вся трудность. Времени в запасе нет нисколько. Только что был ты никто, неизвестно чей незаконный отпрыск, который рад случаю хотя бы издали взглянуть на поле боя и, может быть, мельком увидеть самого короля, а в следующую минуту, не успев перевести дух в качестве принца и наследника, ты уже сам угодил на верховный престол, да еще с такой помпой, что никому до тебя и не снилась. Мне все чудится, будто я стоял коленопреклоненный у подножия трона, а меня закинули вверх пинком в зад.

Я улыбнулся:

– Представляю себе твои ощущения. Правда, меня самого пинком закинули и вполтину не так высоко, но ведь исходное положение мое тоже было гораздо ниже. Ну ладно, а теперь не можешь ли ты немного успокоиться и заснуть? Завтрашний день не за горами. Дать тебе снотворного зелья?

– Нет-нет, зачем оно мне? Я усну, как только ты уйдешь. Мне очень жаль, Мерлин, что пришлось призвать тебя в столь поздний час, но я должен поговорить с тобой, а до этой минуты у меня не было времени. И завтра не будет.

С этими словами он отошел от окна и приблизился к столу, где лежали бумаги и восковые дощечки. Взяв стиль, он тупым концом в задумчивости разгладил восковую поверхность. Голову он при этом опустил, темные волосы свесились на лоб, и свет лампы, обрисовав его скулу, коснулся опущенных густых ресниц. В глазах у меня помутилось. Время побежало вспять. Я увидел перед собой моего отца Амброзия, он стоял, задумчиво теребя стиль, и говорил мне: «Король, рядом с которым будешь ты, сможет управлять хоть целым миром...»

И вот мечта его сбылась, время наступило. Я сморгнул и прогнал видение памяти. И стал ждать, чтобы заговорил однодневный король.

– Я думаю вот о чем, – вдруг сказал Артур. – Саксонское войско разгромлено не полностью, верных сведений о самом Колгриме, да и о Бадульфе, я до сих пор не имею. Полагаю, что они оба бежали и спаслись. Возможно, через несколько дней мы услышим, что они погрузились на корабли и отплыли либо за море к себе на родину, либо в саксонские владения на южном побережье. А может статься, что они затаились в пустынных землях где-то к северу от Амброзиева вала и надеются, собравшись с силами, выступить снова. – Он поднял голову и посмотрел мне в глаза. – Перед тобой мне не надо притворяться, Мерлин. Ты знаешь, что у меня нет военного опыта и я не умею верно определить, насколько сокрушительно поражение саксов и могут ли они от него быстро оправиться. Я советовался, конечно. На закате, покончив

с остальными делами, я устроил летучий военный совет, пригласил к себе... разумеется, мне хотелось, чтобы и ты присутствовал, но ты еще не вернулся из часовни. И Коэль тоже не мог быть... Ты ведь, конечно, знаешь, что он ранен, ты, наверно, даже осматривал его после боя? Каковы его шансы?

– Невелики. Сам понимаешь, он уже стар, а рана его глубока, и он потерял много крови, прежде чем получил помощь.

– Я так и предполагал, увы. Я сходил в лазарет навестить его, но мне сказали, что он лежит без памяти и что опасаются воспаления легких... Вместо него явился принц Урбген, его наследник, а с ним Кадор и Кау из Стрэтклайда. Эктор и Бан Бенойкский тоже были. Я совещался с ними, и они все говорят одно: кому-то надо пойти вслед за Колгримом. Кау должен как можно скорее вернуться к себе, ему надо охранять свои границы. Урбгену необходимо оставаться здесь, в Регеде, у него отец на пороге смерти. Стало быть, выбирать придется между Кадором и Лотом. Лота посылать нельзя, ты согласен со мной? Хотя он в часовне и давал мне клятву вассальной верности, я пока еще не очень склонен ему доверять, и уж во всяком случае, не там, где дело касается Колгрима.

– Согласен. Значит, ты отправишь Кадора? В нем, я надеюсь, ты больше не сомневался?

Герцог Корнуэльский Кадор действительно вполне подходил для такого поручения. То был муж в расцвете сил, закаленный боец и рыцарь безупречной преданности. Когда-то я ошибочно считал его врагом Артура, ибо у него была на то веская причина, но Кадор оказался человеком умным, рассудительным и дальновидным, ненависть к Утеру не застила ему свет и не мешала понимать необходимость объединения Британии перед лицом саксонской опасности. Поэтому он поддержал Артура. А юный Артур в Гиблой часовне провозгласил Кадора и его сыновей наследниками своего трона.

Артур задержал взгляд на восковой дощечке у себя в руке и только сказал мне в ответ:

– Еще бы! – Потом положил ее обратно на стол и распрямил спину. – Беда в том, что такой малоопытный военачальник, как я...

Тут он встретился взглядом со мной и увидел, что я улыбаюсь. И сразу хмурь сошла с его лба и на лице появилось с детства знакомое мне выражение мальчишеского озорного упрямства, но теперь еще к этому присоединилась мужская пламенная воля, которая прожжет себе дорогу к цели сквозь все преграды. В глазах его заплескали огоньки.

– Ну да, ты, как всегда, прав. Поеду я сам.

– И Кадор с тобой?

– Нет. Я должен отправиться без него. После всего, после смерти моего отца и... – он замаялся, – и того, что было в часовне, я считаю, что должен сам принять участие в походе и сражениях, которые будут, чтобы возглавить наше войско и довести до конца начатое дело.

Он замолчал, как видно по старой памяти ожидая от меня вопросов и возражений. Но я безмолвствовал.

– Я думал, ты будешь меня отговаривать.

– Нет. Зачем же? Я согласен с тобой. Тебе надо доказать людям, что твоя доблесть выше случайной удачи.

– Именно так. – Он помолчал. – Не умею выразить это словами, но только все время с тех пор, как ты привез меня в Лугуваллиум и представил королю, я был не то чтобы как во сне, а словно что-то вело меня, вело всех нас...

– Да. Задул могучий ветер и повлек нас по воле своей...

– Но теперь этот ветер стих, – подхватил Артур печально, – и мы предоставлены самим себе и должны полагаться лишь на собственные силы. Словно бы все это было волшебство и чудеса, а теперь они кончились. Ты заметил, Мерлин, ведь никто словом не упоминает того,

что было в лесной часовне, можно подумать, будто это события глубокой древности, из какой-нибудь песни или сказания.

– Это легко понять. Волшебство волшебством, но оно было на самом деле и оказалось непосильно для сознания тех, кто был ему свидетелем. Однако оно запечатлелось в памяти людей и в памяти народной, откуда произрастают песни и легенды. Ну да это дело будущего. Мы же находимся здесь и сейчас, и перед нами сложная задача. Одно несомненно: только ты можешь ее выполнить. А потому – ступай и сделай все так, как сам сочтешь правильным.

Молодое его чело разгладилось. Растопырив ладони по столешнице, он всей тяжестью оперся на них, и впервые стало видно, как он измучен и какое облегчение для него – просто уступить своей усталости, чтобы скорее отдать себя сну.

– Надо было мне знать, что ты меня поймешь. Тебя незачем убеждать в том, что я должен отправиться один, без Кадора. Он-то, признаюсь тебе, рассердился сначала, но в конце концов понял тоже. А сказать по чести, мне и самому хотелось бы иметь его рядом с собою... Но на это дело я должен пойти в одиночку. Чтобы придать веры не только народу, но и самому себе, если угодно. Тебе я не постесняюсь в этом признаться.

– Тебе не хватает веры?

Он слегка улыбнулся:

– Да не сказал бы. Завтра утром я, пожалуй, поверю во все, что произошло на поле боя, и буду знать, что это было на самом деле, но сейчас мне еще кажется, будто я где-то на грани сна. Скажи, Мерлин, а правильно будет, если я попрошу Кадора отправиться на юг, сопровождать из Корнуолла мою мать, королеву Игрейну?

– К этому нет никаких препятствий. Кадор – герцог Корнуолла, так что после смерти Утера ее дом в Тинтагеле находится под его защитой. И если Кадор сумел переступить через свою вражду к Утеру ради общего блага, он, уж конечно, давно простил Игрейне неверность его отцу. К тому же ты объявил его сыновей твоими наследниками, так что все квиты. Разумеется, ты можешь послать Кадора.

Он улыбнулся с облегчением:

– Ну, тогда все в порядке. Я уже, понятно, отправил к ней гонца с известиями. Кадор поедет ей навстречу. И они вместе прибудут в Эймсбери к тому времени, когда туда доставят для похорон тело моего отца.

– А сопровождать тело в Эймсбери, если я правильно понял, ты поручаешь мне?

– Да, если ты не против. Надлежало бы мне, но я поехать никак не смогу, а почести должны быть королевские. Да и лучше, чтобы его сопровождал ты, ты знал его, а я так недавно принадлежу к королевскому дому. К тому же если хоронить его подле Амброзия в Хороводе Висячих Камней, то, кроме тебя, некому распорядиться, как сдвинуть королевский камень и где вырыть могилу. Ты поедешь?

– Разумеется. Дорога, если двигаться с приличествующей неспешностью, отнимет девять дней.

– А к этому времени я, глядишь, уже и сам туда прибуду. – Внезапно весь осветясь: – Только б не сглазить, я с минуты на минуту ожидаю вестей о Колгриме. И выхожу в поход за ним через четыре часа, как только совсем рассветет. Со мной поедет Бедуир, – прибавил он как бы для моего утешения и спокойствия.

– А что будет делать пока король Лот, если он, как я понял, тебя не сопровождает?

На что он ответил мне с хитрым видом многоопытного политика:

– О, король Лот тоже выезжает с первым светом. Но не в свои владения... то есть покуда я не разую точно, куда направляется Колгрим. Я попросил короля Лота поспешить прямо в Йорк. Королева Игрейна, я полагаю, тоже после похорон прибудет туда, так что Лот сможет оказать ей там надлежащий прием. А потом, когда его брак с моей сестрой Морганой будет

наконец заключен, он волей или неволей станет мне надежным союзником. Ну а пока, до Рождества, если случится сражаться, я как-нибудь управлюсь без Лота.

– Стало быть, мы свидимся с тобой в Эймсбери. А потом что?

– Потом в Каэрлеон, – без заминки ответил Артур. – Если позволят военные дела, я отправлюсь туда. Я никогда там не был, но по рассказу Кадора выходит, что моя ставка должна находиться в Каэрлеоне.

– До тех пор, пока саксы не нарушат договора и не двинутся с юга.

– Что рано или поздно неизбежно произойдет. Но до тех пор – да. Пошли нам Бог хоть краткое время для передышки.

– И для того, чтобы возвести еще одну крепость.

Он быстро поднял глаза:

– Да. И для этого. Ты будешь там? Ты построишь мне крепость? Мерлин, поклянись, что будешь со мной всегда, – вдруг горячо попросил он.

– Всегда, куда буду нужен, – ответил я ему. – Хотя сдается мне, – шутливо добавил я, – что орленок довольно быстро опереяется. – И, понимая, что кроется за его внезапным волнением, заключил: – Итак, до встречи в Эймсбери, где я буду ждать, дабы представить тебя твоей матери.

Глава 2

Городок Эймсбери немногим больше обыкновенной деревни, но со времен Амброзия он приобрел некое величие, ибо здесь родился великий король и здесь же неподалеку, на открытой ветрам Сарумской равнине, находится знаменитое сооружение – Висячие Камни. Это расположенные замкнутым кольцом огромные каменные глыбы, Хоровод Великанов, возведенный еще в незапамятные времена. Когда-то я восстановил и обновил его (в чем люди усмотрели опять же волшебство), и он стал памятником британской славы и местом захоронения британских королей. Здесь, рядом с братом своим Амброзием, надлежало теперь упокоиться Утеру.

Мы без приключений привезли тело в Эймсбери и поставили в местном монастыре перед алтарем в монастырской часовне, обернутое в пропитанные благовонием пелены, уложенное в выдолбленный дубовый ствол и прикрытое сверху лиловым покрывалом. У гроба, сменяясь, круглые сутки стояла в почетном карауле королевская стража, сопровождавшая тело из северных пределов, и молились денно и нощно монахи и монахини города Эймсбери. Поскольку королева Игрейна принадлежала к христианской вере, Утера должны были похоронить по христианскому обряду и канону, хотя при жизни он даже на словах не особенно-то поклонялся христианскому Богу. И сейчас на глазах у него поблескивали две тяжелые золотые монеты, предназначенные для уплаты перевозчику, сбиравшему эту дань с мертвых за многие столетия до святого привратника Петра. И сама часовня, в которой стоял гроб, была возведена, как можно было судить, на месте римского храма – невысокое продолговатое строение из прутьев, обмазанных глиной, под тростниковой кровлей, покоящейся на бревенчатых балках, а чисто вымытый пол выложен искусной каменной мозаикой – он, как видно, сохранился от прошлых времен. Завитки аканта и виноградные лозы не могли оскорблять души верующих христиан, а посреди пола лежал грубоотканый ковер, предназначенный скрывать от глаз изображение языческого бога или богини, которые там, должно быть, парили нагими среди винограда.

Новое благосостояние города Эймсбери отразилось и на монастыре. Правда, он представлял собой всего лишь собрание разномастных хижин, сгрудившихся вокруг мощеного двора, но хижины все были исправные, а дом аббата, который освободили для королевы и ее свиты, имел крепкие каменные стены, деревянные полы и в дальнем конце большой очаг с дымоходом над крышей.

У городского старосты тоже был добротный дом, который он поспешил предложить мне, но я объяснил ему, что вскоре вслед за мною прибудет сам король, и, оставив его в заполошнных хлопотах по дальнейшему благоустройству жилища, расположился с моими слугами в таверне. Таверна была маленькая и скромная, без новомодных излишеств, зато чистая, и в очагах жарко пылал огонь, прогоняя осенние холода. Хозяин помнил меня еще с тех времен, когда я приезжал сюда перестраивать каменный Хоровод и останавливался у него. Все так же трепеща передо мною, как и тогда, когда оказался свидетелем моего искусства, он поспешил предоставить мне лучшую комнату и посулил к ужину курицу и пирог с бараниной. Однако, узнав, что со мной двое слуг и что они будут сами прислуживать мне в отдельных покоях, заметно обрадовался и тут же отослал своих любопытных поварят обратно, раздувать кухонные мехи.

Слуги, которых я привез с собой, были из Артуровой челяди. Последние годы, живя один в Диком лесу, я все для себя делал сам и собственных слуг не имел. Из этих двоих один был низкорослый, подвижный уроженец валлийских холмов, а вторым был Ульфин, приближенный слуга покойного короля Утера. Утер взял его к себе из тяжелого рабства и обращался с ним ласково, и Ульфин за то платил ему безграничной преданностью. Эта преданность теперь причиталась Артуру, но было бы жестокостью отказать Ульфину в праве сопровождать в последний путь тело его господина, поэтому я попросил, чтобы его отрядили со мной. Теперь я велел ему отправиться в часовню вслед за гробом и полагал, что до окончания похорон больше его не увижу. Тем временем валлиец Ллу распаковал мою поклажу, позаботился о горячей воде и послал пару хозяйских мальчишек посмышленнее в монастырь – передать от меня послание для ожидавшейся королевы. Я приветствовал ее в Эймсбери и сообщил, что готов явиться к ней с поклоном, как только она отдохнет с дороги и пришлет за мной. О том, что произошло в Лугуваллиуме, она уже знала, и я прибавил только, что Артура пока еще в Эймсбери нет, но что к похоронам он будет.

Самого меня не было в городе, когда прибыл поезд королевы. Я выехал к Хороводу Великанов посмотреть, все ли подготовлено к похоронной церемонии, а когда вернулся, мне сообщили, что приехала королева со свитой и что она со своими дамами уже расположилась в доме аббата. Игрейна прислала за мной, когда осенний день начал клониться к вечеру.

Черные тучи скрыли заход солнца, и когда я, отказавшись от эскорта, шел один недалеко от дороги к монастырю, было уже почти темно. Ночь легла тяжелым гробовым покровом, в траурном небе не светила ни одна звезда. Я вспомнил огромную король-звезду, которая вспыхнула на смерть Амброзия, и мысли мои обратились к тому королю, что лежал сейчас мертвым в часовне, и плакальщиками у его гроба были монахи, и стояли над гробом торжественным караулом недвижные, как статуи, его верные слуги. Но из всех, кто присутствовал при его смерти, лишь один Ульфин оплакал его.

У ворот меня встретил не монастырский привратник, а распорядитель двора, личный слуга королевы, я помнил его еще по Корнуоллу. Он, разумеется, был уведомлен о том, кто я таков, и низко мне поклонился, но я видел по его лицу, что он меня не узнает. А ведь это был поседевший и сгорбившийся под тяжестью лет, но все же тот самый рыцарь, что примерно за три месяца до Артурова рождения впустил меня к королеве, и она обещала поручить младенца моим заботам. В тот раз я изменил обличье, опасаясь вражды Утера, и вот теперь убедился, что рыцарь королевы не узнал в статном принце простого бородатого «лекаря», приглашенного когда-то к его госпоже.

Он провел меня через широкий зеленый двор к большому дому под тростниковой крышей, где остановилась королева. По обе стороны от дверей и дальше вдоль стен были вставлены в скобы полыхающие факелы, освещавшие это убогое жилище. За дождливое лето между булыжниками по всему мощеному двору густо разрослась трава, а по углам зеленела крапива чуть ли не с человеческий рост. В крапиве, прикрытые мешковиной, стояли деревянные плуги и сохи трудолюбивой братии. У задних дверей виднелась наковальня, над ней на крюке, вбитом

в столб, болталась связка готовых подков. Выводок черных худых поросят бросился, вереща, врассыпную у нас из-под ног, сквозь щелястую низкую дверцу сарая донеслось взволнованное призывное хрюканье их матки. Благочестивые братья и сестры в Эймсберийской обители вели жизнь простую – каково-то с ними королеве?

Но я напрасно за нее беспокоился. Игрейна всегда умела держаться с достоинством, а став женой Утера, она окружала себя всей возможной пышностью – быть может, именно потому, что брак этот был заключен при довольно сомнительных обстоятельствах. Когда я давеча осматривал дом аббата, это было простое скромное жилище, чистое и сухое, но лишенное какого-либо роскошества. И вот теперь, за несколько часов, слуги преобразили его в богатое королевское обиталище. Голые каменные стены были завешены алыми, зелеными и голубыми полотнищами, а на одной висел великолепный восточный ковер, привезенный мною в подарок из Византии. Дощатые полы белели, тщательно выскобленные, в камине полыхал жаркий огонь. По одну сторону от него стояло кресло с высокой спинкой и шитым разноцветной шерстью сиденьем, а у подножия – маленькая золоченая скамеечка. Против этого кресла, по другую сторону от очага, стояло второе, тоже с высокой спинкой и с резными подлокотниками в виде драконьих голов. Ярко горел светильник – бронзовый дракон о пяти головах. Дверь в строгую аббатскую опочивальню стояла распахнутая, и внутри виднелось высокое роскошное ложе под голубым покрывалом, мерцающим серебряными кистями. Несколько женщин, две из них совсем юные, еще хлопотали в опочивальне и возле стола в первой комнате, накрывая к ужину. Пажи в голубом сновали взад-вперед с блюдами и графинами. У камина, греясь, растянулись три белоснежные гончие.

Я переступил порог, и сразу замерли суета и разговоры. Все взгляды устремились в мою сторону. Юный паж с кувшином вина остановился, не добежав до двери, и выпучил глаза так, что сверкнули белки. У стола кто-то со стуком уронил деревянный поднос, и псы набросились на рассыпанные пироги. Стук когтистых лап по половицам и лязг жующих челюстей одни только слышались среди всеобщего молчания. Да еще в очаге гудел огонь.

– Добрый вечер, – приветливо произнес я, входя.

И, только ответив на реверансы дам и проследив за тем, чтобы мальчик-паж поднял с пола поднос и пинками прогнал псов, я позволил распорядителю с поклоном провести меня к очагу.

– Ее величество... – начал было он, но все глаза уже обратились к внутренней двери, и гончие, изогнув спины и виляя хвостами, засеменили к своей хозяйке, входившей в зал.

Если бы не эти три пса и не присевшие в низком поклоне придворные дамы, можно было бы подумать, что мне навстречу вышла аббатиса здешнего монастыря. Облик вошедшей являл такой же разительный контраст богатому убранству помещения, как самое это убранство – убогому монастырскому подворью. Вся с ног до головы в черном, лишь на голове белое покрывало, концы которого заброшены за плечи и мягкие складки обрамляют лицо. В разрезах пышных черных рукавов просвечивает серая атласная подкладка; на груди – сапфировый крест. И больше ничем не нарушалось единообразие ее сурового черно-белого траура.

Я давно не видел Игрейну и был готов обнаружить в ней перемену. И все же вид ее меня поразил. Красота оставалась при ней – в изящных линиях, в огромных темно-голубых глазах, в гордой царственной осанке. Но бывшая грация уступила место величавости, а кисти и запястья прискорбно истончились, и под глазами лежали тени чуть ли не синее самих глаз. И не меты возраста, а эти знаки, слишком очевидные для врача, – вот что меня в ней поразило.

Но я прибыл сюда как принц и посланец короля, а не как лекарь. Я ответил улыбкой на приветливую улыбку королевы, склонил голову к ее руке, а затем подвел ее к мягкому креслу. По знаку королевы пажи подбежали к псам, взяли их на поводки и увели. А она уселась в кресло и расправила складки платья. Одна из юных придворных дам подвинула ей под ноги скамеечку и, сложив ладони и опустив веки, осталась стоять за креслом госпожи.

Королева повелела мне сесть. Я повиновался. Принесли кубки с вином, и над ними мы обменялись обычными приветствиями и любезностями. Я справился о ее здоровье, но лишь из вежливости, хотя по моему лицу, я знал, она не могла догадаться о том, что мне открылось.

– А что... король? – спросила она наконец, произнесла это слово как бы через силу, со скрытой болью.

– Артур обещал приехать. Жду его завтра. Вести с севера последнее время не поступали, так что происходили ли там новые сражения – неизвестно. Но пусть отсутствие вестей тебя не беспокоит, оно означает лишь, что Артур сам явится сюда скорее, чем поспел бы гонец.

Она кивнула, не выказав ни малейшего беспокойства. Либо, кроме собственной потери, она ни о чем не могла сейчас думать, либо же мои слова восприняла как неоспоримое и надежное пророчество.

– А он предполагал, что будут еще сражения?

– Он задержался на севере из предосторожности, не более того. Войско Колгрима разгромлено полностью, но сам Колгрим, как я писал тебе, сумел скрыться. И сведений о его местонахождении мы не имели. Артур счел за благо удостовериться, что саксы не смогут собраться с силами и выступить снова, хотя бы пока он будет отсутствовать в связи с похоронами отца.

– Он еще молод для таких задач, – произнесла королева.

Я улыбнулся:

– Но уже готов к ним и вполне способен их выполнить. Поверь, он в своей стихии, как молодой сокол в поднебесье, как лебедь в волнах. Когда мы расстались, он не спал почти двое суток и был весел и совершенно бодр.

– Рада это слышать, – проговорила королева чопорно и без выражения, и я поспешил объяснить:

– Смерть отца была для него жестоким ударом, но ты сама понимаешь, Игрейна, что близко к сердцу он ее принять не мог, и притом у него сразу появилось много забот, которые вытеснили горе.

– Не то что у меня, – чуть слышно сказала королева и уронила взгляд на сложенные на коленях руки.

Я сочувственно молчал. Страсть, которая толкнула друг к другу Утера и эту женщину, страсть, едва не стоившая Утеру королевства, с годами не угасла. Утер был из тех мужчин, которые не могут обходиться без женщины, как другие – без пищи и сна; когда дела королевства удаляли его от ложа Игрейны, его походное ложе редко пустовало, но когда они бывали вместе, он ни на кого другого не смотрел, и у королевы не было причин для огорчений. Они любили друг друга, эти король и королева, любили старинной, возвышенной любовью, которая пережила и молодость, и здоровье, и политические соображения, и уступки, какими всегда расплачиваются за трон короли. Я давно уже пришел к выводу, что их сыну Артуру, который вопреки своему королевскому достоинству воспитывался в безвестности и ничтожестве, у приемного отца в Галаве жилось много лучше, чем жилось бы при дворе отца-короля, потому что ни для отца, ни для матери он никогда бы не был на первом месте.

Но вот королева овладела собой и подняла голову.

– Я получила письма, и твое, и Артура, – сказала она. – Но мне многое еще хотелось бы услышать. Расскажи мне обо всем, что произошло в Лугуваллиуме. Когда он собрался уехать на север против Колгрима, я знала, что этот поход ему не под силу. Но он клялся, что должен быть на поле брани, пусть даже его понесут на носилках. Так именно и произошло, насколько я понимаю?

Говоря «он», Игрейна сейчас, конечно, не имела в виду своего сына. Она хотела слышать о последних днях Утера, а не о чудесном воцарении Артура. Я удовлетворил ее интерес:

– Да. Под Лугуваллиумом произошла великая битва, его принесли туда в паланкине, и все время, пока кипел бой, слуги не выходили с ним из самой гущи сражения. Я привез ему из Галавы Артура, так он распорядился, он должен был назавтра объявить его наследником, но Колгрим напал неожиданно, и король принял бой, не успев осуществить свое намерение. Артур рубился, не отдаляясь от королевского паланкина, и когда король увидел, что у него сломался меч, то перебросил ему свой. В пылу битвы Артур едва ли понял все значение этого жеста, но все остальные, кто находился поблизости, оценили его по достоинству. То был великий жест великого мужа.

Она промолчала, но ее взгляд вознаградил меня. Уж кто-кто, а Игрейна знала, что мы с Утером не питали друг к другу взаимной любви. И хвала из моих уст стоила много больше, чем придворная лесть.

– После этого король откинулся на спинку паланкина и полулежа смотрел, как его сын продолжает бой, как он, совсем еще неопытный воин, врубился в гущу врагов и внес немалую долю в дело победы над саксами. Позже, на пиру, когда король все же объявил Артура наследником, ему не пришлось представлять его военачальникам и лордам: они видели, как юноша получил в руки королевский меч и сражался им доблестно и достойно. Однако кое-кто воспротивился воле короля и...

Я не договорил. Ведь именно это противодействие убило короля – всего на несколько часов прежде срока, но оборвало его жизнь как ударом топора. А между тем король Лот, первый среди тех, кто воспротивился воле Утера, был женихом королевской дочери Морганы.

Но Игрейна спокойно проговорила:

– Да, да. Король Лотиана. Я слышала об этом. Рассказывай.

Опять я недооценил ее. Я подробно рассказал ей, как было дело, не опустив ничего: про крики несогласия, про измену и про внезапную смерть короля, заставившую всех умолкнуть. Рассказал, как лорды в конце концов признали права Артура (не останавливаясь, впрочем, на своей роли во всей этой истории): «Если он вправду владеет мечом Максена, то, значит, получил его в дар от бога, и если еще и Мерлин с ним, то клянусь, каким бы богам он ни поклонялся, я пойду за ним». Не стал я останавливаться и на том, что произошло в лесной часовне, описал только, как все дали клятву верности, как смирился Лот и как Артур провозгласил Кадора, сына Горлойса, своим наследником.

В этом месте прекрасные глаза королевы в первый раз посветлели и улыбка озарила ее лицо. Как видно, про Кадора она еще не знала, ее это обрадовало как частичное искупление ее собственной вины за смерть Горлойса. Сам Кадор, то ли из деликатности, то ли так и не преодолев разделявшие их с Игрейной преграды, ничего ей не сказал. Она протянула руку за кубком и выслушала меня до конца, попивая вино мелкими глотками и не переставая улыбаться.

Но была еще одна подробность, еще одно очень важное обстоятельство, про которое она тоже не могла знать. Я о нем пока промолчал, но мысли мои были полностью заняты им, и, когда Игрейна заговорила, я так и подскочил, будто пес под арапником.

– А Моргауза? – спросила королева.

– Что – Моргауза?

– Ты о ней не упомянул. Должно быть, она очень убивалась по отцу. Хорошо, что она была рядом с ним. И король, и я – мы оба всегда благодарили бога за ее искусство.

Я ответил сдержанно:

– Да, она неусыпно ухаживала за ним. И несомненно, горько оплакивает его кончину.

– Она тоже приедет с Артуром?

– Нет. Она отправилась в Йорк к сестре своей Моргане.

К счастью, королева больше не стала расспрашивать про Моргаузу, а обратилась к другим темам и поинтересовалась, где я остановился.

– В таверне, – ответил я, – которая знакома мне по прошлым временам, когда я здесь работал. Это скромное заведение, но хозяева приложили старания к тому, чтобы устроить меня с удобством. Я ведь здесь ненадолго. – Я обвел глазами окружающую нас ослепительную роскошь. – А ты, госпожа, долго ли предполагаешь здесь пробыть?

– Всего несколько дней.

Если она и заметила мой взгляд, то не показала виду. И я, чьей мудрости обычно не хватало для понимания женщин, вдруг догадался, что блеск и роскошь вокруг нас предназначены не для удовольствия самой Игрейны, они должны создать подобающую обстановку для предстоящей встречи королевы с сыном. Багрец и золото, благовония и восковые свечи – это ее доспехи, это щит и волшебный меч стареющей женщины.

– Скажи, – вдруг заговорила она о том, что более всего неотступно ее занимало, – он осуждает меня?

Я слишком уважал Игрейну и потому ответил ей прямо, без обиняков, не прикидываясь, будто сам не придаю этому особого значения.

– Я полагаю, что ты можешь без страха ожидать вашей встречи. Конечно, узнав тайну своего рождения и наследственного права, он недоумевал, почему вы с королем сочли нужным лишить его всего этого. И мудрено ли, если сначала он и чувствовал себя обиженным. Дело в том, что он уже догадывался о своем высоком происхождении, только думал, что принадлежит к королевскому роду, как я, по побочной линии... А когда узнал правду, то вместе с радостью пришло и недоумение. Но клянусь, ни горечи, ни злобы, он только хотел знать: почему? Когда же я поведал ему историю его рождения и воспитания, он сказал мне – я приведу тебе его доподлинные слова: «Я понимаю все так же, как, по твоим словам, понимала и она: что быть принцем – значит всегда подчиняться необходимости. Она не просто так отдала меня».

Воцарилась тишина. И сквозь нее я услышал прозвучавшие только в моей памяти слова, которыми он тогда заключил свою речь: «Мне гораздо лучше было жить в Диком лесу, считая себя внебрачным сыном умершей матери и твоим, Мерлин, чем если бы я рос при дворе отца с мыслью, что королева раньше или позже родит другого сына, который займет мое место».

Королева разжала стиснутые губы и перевела дух. Ее нежные веки слегка трепетали, но теперь трепет их пресекался, словно палец придавил поющую струну, щеки снова порозовели, и она взглянула на меня так же, как тогда, много лет назад, когда просила увести младенца и спрятать от Утерова гнева.

– Скажи мне... каков он собой?

Я улыбнулся:

– Разве тебе не рассказывали, когда сообщали вести о битве?

– О да, рассказывали, конечно. Он высок, как дуб, и могуч, как Фионн, и собственными руками поразил девятьсот врагов. Он – Амброзий, явившийся из мертвых, или же сам Максим, в руке у него меч, молнии подобный, а в бою его окружало колдовское сияние, как на изображениях богов при осаде Трои. Он – тень Мерлина, и, куда он ни пойдет, за ним всюду следует огромная собака, с которой он разговаривает, как с человеком. – Глаза ее смеялись. – Из чего ты можешь понять, что рассказчиками были темные жители Корнуолла из Кадорова войска. Они всегда охотнее пропоют вам возвышенную песнь, чем расскажут о виденном своими глазами. А я хочу знать, как было на самом деле.

Это предпочтение действительности, какая она на самом деле, было свойственно королеве всегда. И Артур тоже, подобно ей, интересовался тем, что было и есть, а поэзию предоставлял Бедуиру. Я ответил на ее вопрос:

– Последнее в их рассказе – почти что правда. Только они все перевернули наоборот. Это Мерлин – тень Артура и следует за ним повсюду, как огромная собака, которая, кстати сказать, тоже существует на самом деле. Это его пес Кабаль, подарок друга, Бедуира. А в остальном... что тебе сказать? Завтра сама увидишь. Он высок ростом и походит более на Утера, чем на

тебя, хотя мастью в моего отца, цвет волос и глаз у него такой же темный, как мой. Он силен, храбр и вынослив – все так, как описывали тебе твои земляки корнуэльцы, только если убрать преувеличения. Нрава горячего, может по молодости лет вспылить, бывает заносчив и резок, но при всем том отличается здравым смыслом и успешно учится владеть собой, как ему и подобает по его возрасту. И еще у него есть одно, на мой взгляд, большое достоинство: он прислушивается к моим словам.

Этим я снова вызвал у нее улыбку, теперь уже совсем теплую.

– Ты шутишь, а я тоже считаю это большим достоинством. Его счастье, что у него есть ты. Как христианке, мне нельзя верить в твою волшебную силу, да я и не верю – так, как в нее верит простой народ. Но откуда бы ни взялась твоя сила, я видела ее в действии и знаю, что это сила добрая и что ты мудр. Тобою, я верю, движет и владеет то, что на моем языке я зову Бог. Будь и впредь с моим сыном.

– Я останусь с ним до тех пор, пока буду ему нужен.

И снова между нами воцарилось молчание. Прекрасные глаза Игрейны задумчиво глядели из-под темных век на огонь, черты ее выражали спокойствие, умиротворенность. Но мне почудилось в этом спокойствии чуткое ожидание, как под густыми сводами леса, когда вверху гудит и воет буря, а внизу ее порывы угадываются лишь по дрожи, пробегающей по стволам деревьев до самых корней.

Беззвучно ступая, приблизился паж, опустился на колени перед очагом и подбросил в огонь поленьев. Пламя занялось, затрещало и взметнулось светлыми языками. Я молча любовался ими. Для меня тоже в безмолвии таилось ожидание, и огонь был просто огонь, не более того.

Мальчик-паж так же неслышно отошел. Юная дама приняла из руки королевы пустой кубок и робко протянула руку за моим. Она была прелестна, тонка, как тростинка, сероглазая и русоволосая. На меня она глядела боязливо и, беря мой кубок, постаралась, чтобы наши пальцы не соприкоснулись. Взяв пустые сосуды, она поспешно удалилась. Я тихо спросил:

– Игрейна, с тобою ли твой придворный врач?

Веки ее дрогнули, но она не посмотрела на меня и ответила так же тихо:

– Да, он всюду ездит со мной.

– Кто он?

– Его имя – Мельхиор. Он говорит, что знает тебя.

– Мельхиор? Тот юноша, который был со мной в Пергаме, когда я обучался там медицине?

– Он самый. Хотя уже не юноша. Он находился при мне, когда родилась Моргана.

– Это надежный человек, – удовлетворенно кивнул я.

Игрейна взглянула на меня искоса. Юная фрейлина еще не вернулась, остальные дамы сгрудились в дальнем конце зала.

– Мне бы следовало знать, что от тебя ничего не скроешь. Ты не скажешь моему сыну?

Я с готовностью обещал. Что она смертельно больна, я знал с той минуты, как ее увидел, но Артур, не выдавший ее прежде и не обученный медицине, пожалуй, ничего и не заметит. Успеется. Сейчас – время для начала, а не для концов.

Вернулась маленькая фрейлина и что-то шепнула королеве, та кивнула и встала с кресла. Встал и я. К нам церемонными шагами, совсем как в королевском замке, приблизился распорядитель двора. Королева уже полуобернулась ко мне, жестом приглашая к столу, как вдруг возникло замешательство. Снаружи донесся звук трубы, повторился еще раз, ближе, и вот уже где-то рядом, за монастырскими стенами, послышался оживленный шум и лязг прискакавшей кавалькады.

Игрейна остановилась и вскинула голову, совсем как в молодости, движением, исполненным отваги и изящества.

– Король?

Голос ее взволнованно зазвенел. И по всей притихшей комнате, будто эхо, пробежал шелест и говор придворных дам. Юная фрейлина подле королевы тоже замерла, как натянутая тетива, жаркий восторженный румянец залил ей лицо и шею.

– Он скоро добрался, – заметил я как ни в чем не бывало, на самом деле стараясь унять биение своей крови, которое усиливалось и учащалось вместе со стуком приближающихся копыт.

«Глупец, – говорил я себе, – глупец. У него теперь свои дела. Ты выпустил его на волю и потерял. Этот сокол не вернется под колпак. Отныне держись в тени, королевский прорицатель, один на один со своими грезами и видениями. А ему предоставь свободу и жди, пока будет в тебе нужда».

Застучали у дверей, отозвался торопливый голос слуги. Распорядитель сорвался с места, но тут в комнату влетел паж и, задыхаясь, произнес повеление короля, переданное в спешке и без придворных обиняков:

– С изволения королевы... Король прибыл, и ему нужен принц Мерлин. Безотлагательно, он сказал.

Выходя, я слышал, как у меня за спиной ожил замерший зал, пажи бросились со всех ног – накрывать новые столы, нести вина, благовония, свечи, а дамы, суется и квохча, как целый птичий двор, засеменили вслед за своей госпожой в королевскую опочивальню.

Глава 3

– Она уже здесь, мне сказали?

Артур больше мешал, чем помогал слуге стаскивать с него грязные сапоги. Оказывается, и Ульфин все же пришел из часовни: в соседней комнате слышался его голос, он распоряжался слугами, вносившими и распаковывавшими королевские одежды. А снаружи тихий город словно вдруг раскололся – шум, факелы, конский топот, громкие команды. И время от времени сквозь общий гул отчетливо раздавался визгливый женский смех: не все в Эймсбери блюли траур.

Сам король тоже не очень-то о нем помнил. Он избавился наконец от сапог, сбросил с плеч тяжелый дорожный плащ. И посмотрел на меня точь-в-точь как Игрейна, искося и выжидательно.

– Ты разговаривал с ней?

– Да. Я сейчас от нее. Она собиралась угощать меня ужином, но теперь, я думаю, готовится накормить тебя. Она прибыла только сегодня, ты найдешь ее уставшей, но она успела немного отдохнуть и отдохнет еще лучше после того, как повидается с тобой. Мы не ждали тебя раньше утра.

– «Доблесть цезаря – в скорости», – улыбнулся он, произнеся любимое выражение моего отца; по-видимому, я как наставник несколько злоупотреблял им. – Разумеется, только я сам и маленький отряд. Вырвались вперед. Остальные придут позже. К похоронам, надеюсь, успеют.

– Кто же эти остальные?

– Маэлгон Гвинеддский с сыном, тоже Маэлгоном. Брат Урбена Регедского, третий сын старого Коэля, его зовут Мориен, я не ошибся? Кау сам тоже не может приехать, послал вместо себя Ридерха, а не Хевилия, заметь, чему я рад, терпеть не могу этого ругателя и хвастуна. Затем, постой, постой, Инир и Гвилим, Борс... И еще, мне сказали, Серетик Элметский уже в пути.

Он назвал еще кое-кого. Большинство северных королей послали вместо себя сыновей или приближенных, и это понятно, ведь остатки саксонских армий все еще угрожали их вла-

дениям и им надо было охранять свои границы. Все это Артур рассказал мне, плеща водой, которую слуга налил ему для умывания.

– И отец Бедуира тоже уехал домой. Сослался на какие-то дела, но, между нами говоря, я думаю, он хочет присмотреть за действиями короля Лота.

– А Лот?

– Отправился в Йорк. Я на всякий случай распорядился, чтобы за ним следили. Так что он в пути, это мне известно точно. Но там ли Моргана? Не поехала ли навстречу королеве?

– Моргана в Йорке. Но есть еще один король, о котором ты ничего не сказал.

Слуга протянул полотенце, и Артур спрятал голову, растирая мокрые волосы.

– Кто же это? – глухо прозвучал его вопрос.

– Колгрим, – ответил я вкрадчиво.

Он выглянул из-под полотенца. Лицо его пылало, глаза сверкали. Десятилетний мальчик, да и только, подумалось мне.

– И ты еще спрашиваешь?

Это был голос не мальчика, а взрослого мужа, и в нем звучало самодовольство, словно бы шуточное, но на самом деле вполне искреннее. О боги, подумал я, вы же сами вознесли его, так не усмотрите в его ответе предосудительной гордыни! И поймал себя на том, что на всякий случай делаю пальцами оберегающий знак.

– Спрашиваю, хотя мог бы догадаться.

Он вдруг стал совершенно серьезен:

– Это оказалось потруднее, чем мы думали. Можно сказать, что под Лугуваллиумом мы сделали полдела, только сломили их силу, и Бадульф умер от ран, но Колгрим остался невредим, отошел к востоку и собрал остатки своего войска. Мы не беглецов преследовали – у них накопились большие силы, и битва велась не на жизнь, а на смерть. Окажись мы там меньшим числом, они, глядишь, еще взяли бы над нами верх. Сами они, по-моему, больше нападать не думали, они продвигались к восточному побережью – верно, хотели убраться восвояси. Но мы настигли их на полдороге, и они встали против нас на реке Глейн. Тебе знакома та местность?

– Не слишком.

– Она дикая и гористая, с густыми лесами и узкими речными долинами, которые змеятся, спускаясь с гор. Неудобные для боя места, но им тоже там было не развернуться, как и нам. Колгрим опять спасся, но теперь уже нет угрозы, что он задержится и соберет на севере новую рать. Он поскакал к морю. Не только из-за Лота, но и из-за Колгрима тоже король Бан не поехал сюда, хотя и был так любезен, что отпустил со мной Бедуира.

Он стоял теперь смиренно, послушный рукам одевавшего его слуги. Но вот на него накинута новая плащ и пряжка застегнута на плече.

– Я рад, – коротко сказал он в заключение.

– Что Бедуир здесь? Понимаю.

– Нет. Что Колгрим опять спасся.

– Вот как?

– Он храбрый воин.

– Но все равно тебе придется его убить.

– Знаю. Ну а теперь...

Слуга отступил в сторону. Король стоял, облаченный в темно-серые одежды, плащ его был подбит роскошными мехами, меховой ворот обнимал шею. Из внутреннего покоя вышел Ульфин, в руках у него был резной ларец, где на вышитой подушке, переливаясь рубинами, покоился Утеров королевский венец. Такие же рубины искрились красным огнем на плече и груди Артура. Но когда Ульфин протянул ему ларец, Артур покачал головой.

– Сейчас не надо, мне кажется, – сказал он.

Ульфин захлопнул крышку ларца и вышел из комнаты вместе с облачавшим Артура слугой. Дверь затворилась. Артур еще раз нерешительно покосился на меня, опять напомнив мне Игрейну.

– Должен ли я так понимать, что она ожидает меня прямо вот сейчас?

– Да.

Он потрогал фибулу у себя на плече, уколол палец, чертыхнулся. И сказал с полуулыбкой:

– В таких делах ритуал, я думаю, еще не разработан? Как полагается себя вести, когда встречаешься с матерью, которая отказалась от тебя при рождении?

– А как ты встретился с отцом?

– Это другое дело, согласишься.

– Да. Хочешь, я тебя ей представлю?

– Я как раз собирался об этом просить. Ну что ж, не будем откладывать. В некоторых случаях промедление ничего хорошего не сулит... А ты уверен насчет ужина? Я с рассвета ничего не ел.

– Уверен. Когда я выходил, как раз послали за новыми кушаньями.

Он набрал полную грудь воздуха, словно пловец перед тем, как прыгнуть в воду.

– Тогда пошли?

Она ожидала его, стоя у кресла в кругу света, падавшего от очага. Румянец прихлынул к ее щекам, и отблески пламени перебежали по лицу, окрашивая розовым даже белые складки покрывала. Сейчас, когда не видно было теней под сияющими глазами, она снова казалась молодой и прекрасной.

Артур остановился у порога. На груди у Игрейны голубыми искрами затрепетал сапфировый крест. Она приоткрыла губы, но так и не произнесла ни звука. Артур медленными шагами двинулся к ней, храня по-детски важный, напыщенный вид. Я шел рядом, мысленно повторяя слова, которые должен был сказать королеве, но в конце концов обошлось вообще без моего вмешательства. Королева Игрейна, не раз выходившая с честью и из более трудных положений, все взяла в свои руки. Она устремила ему навстречу пронзительный взгляд, словно заглядывая в самую его душу, а затем присела до полу в реверансе и кротко произнесла:

– Милорд.

Он поспешно протянул руку, потом обе, поднял королеву на ноги. И, запечатлев на ее щеке короткий вежливый приветственный поцелуй, только задержал на мгновение в своих ее руки.

– Матушка, – произнес он как бы на пробу. Так называл он одну лишь Друзиллу, жену графа Эктора. И тут же с облегчением поправился: – Госпожа. Я весьма сожалею, что не имел возможности быть здесь, в Эймсбери, дабы приветствовать тебя по прибытии. Но с севера еще грозила опасность, Мерлин ведь объяснил тебе? Я прибыл, как только смог.

– Ты прибыл скорее, чем мы ожидали. Надеюсь, ты преуспел? И опасность от Колгримова войска миновала?

– Пока да. Во всяком случае, у нас есть время для передышки. И для того, чтобы сделать, что надо, здесь, в Эймсбери. Я сочувствую твоему горю и твоей потере, госпожа. – Он замолчал в минутной нерешительности, потом договорил с той безыскусной простотой, от которой, я видел, у нее полегчало на душе, а к нему вернулись уверенность и присутствие духа: – Я не стану притворяться, что сам я тоже горюю, как, может быть, полагается. Я ведь почти не знал его как отца, зато я всю жизнь знал о нем как о короле, и притом могучем. Подданные будут его оплакивать, и я как один из них – тоже.

– В твоих руках теперь их защита, как прежде была в его руках.

В наступившем молчании они смирли друг друга взглядом. Королева ростом чуть-чуть превосходила сына. Она, наверно, тоже заметила это, потому что сразу же пригласила его

жестом занять кресло, где недавно сидел я, и сама тоже расположилась на вышитых подушках. Подбежал паж с вином, и все в зале зашуршали платьем, переводя дух. Королева заговорила о завтрашней церемонии; он отвечал ей уже свободнее, и скоро они разговаривали почти непринужденно. Но все-таки за этой придворной беседой чувствовался такой накал невысказанных чувств, самый воздух между ними был так полон напряжения, что, занятые друг другом, они совсем забыли обо мне, и я стоял, словно слуга наготове у накрытого стола. Я взглянул на слуг, на фрейлин королевы: все глаза были устремлены на Артура. Мужчины смотрели с любопытством, кое-кто и со страхом (слухи уже достигли их ушей), у женщин к любопытству добавлялось еще что-то, а две юные фрейлины застыли, пламенея, как околдованные.

В дверях нерешительно переминался с ноги на ногу распорядитель двора. Встретившись со мною взглядом, он вопросительно поднял брови. Я кивнул. Тогда он приблизился к королеве и что-то прошептал ей, склонясь к ее уху, а она с облегчением кивнула и поднялась с кресла. Король тоже встал. Я заметил, что стол накрыт на троих, но когда распорядитель с поклоном подошел ко мне, я только покачал головой. После ужина им будет проще разговаривать, и, может быть, они захотят отослать слуг. Пусть лучше побудут одни. Поэтому я простился, хотя Артур и смотрел на меня чуть ли не с мольбой, и пошел назад в свою таверну, гадая по пути, оставили ли мне что-нибудь на ужин другие постояльцы.

Назавтра день был ясный, солнечный, облака разошлись и громоздились лишь у самого горизонта, а в вышине, совсем как весною, звенела песнь жаворонка. Ясная погода на исходе сентября часто приносит с собой заморозки и пронзительный ветер – а на свете не бывает более пронзительных ветров, чем на просторах Великой равнины, – но день Утеровых похорон словно прислала в подарок весна: веял теплый ветерок, голубело безоблачное небо и солнце золотило щедрыми лучами Хоровод Висячих Камней.

Обряд, свершаемый у могилы, занял много времени, гигантские тени Хоровода перемещались по земле, послушные передвижению солнца на небосводе, покуда наконец золотые лучи не упали точно в середину, и тогда смотри хоть себе под ноги, на зияющую могилу, хоть вдаль, где по краю равнины скользили, как воинские рати, тени облаков, но только не было сил смотреть внутрь Хоровода – там в лучах солнца столпились священники в богатых ризах и лорды в белых траурных одеждах, и все ослепительно сверкали драгоценностями. Для королевы был разбит шатер, и она стояла в его тени, окруженная придворными дамами, собранная и бледная, но без признаков болезни и усталости в лице. Мы с Артуром стояли в изножье могилы.

Но вот наконец все было кончено. Медленной процессией тронулись с места священники. Следом двинулся король со своими приближенными. Подходя к лошадям и паланкинам, мы слышали у себя за спиной глухой стук комьев земли по дереву. Но тут же, заглушая его, сверху раздались другие звуки. Я задрал голову: высоко в сентябрьском небе, свистя и перекликаясь, вереницей тянулись к югу быстрые черные птицы. Последняя стая ласточек, уносящих с собою лето.

– Будем надеяться, – негромко проговорил Артур, стоя рядом со мною, – что саксы возьмут с них пример. Мне и моим людям ох как нужна была бы эта зима, прежде чем возобновятся сражения. А потом еще столько дел в Каэрлеоне. Я бы сегодня же туда отправился, если бы только было можно.

Но уезжать ему – и всем нам с ним – было, конечно, нельзя до тех пор, покуда в Эймсбери оставалась королева.

Сразу после похорон она возвратилась в монастырь и больше на людях не показывалась, проводя дни в отдыхе или в обществе сына. Он бывал с ней, сколько позволяли дела, а тем временем в ее свите шли сборы для путешествия в Йорк, куда ее двор должен был выехать, как только королева почувствует себя в силах.

Артур прятал нетерпение, занимаясь учением солдат и подолгу совещаясь с друзьями и военачальниками. День ото дня он все более погружался в текущие и предстоящие заботы. Я почти не виделся ни с ним, ни с Игрейной, а все дни проводил у Хоровода Великанов, где под моим началом велись работы по установлению главного камня над королевской могилой.

Наконец на восьмой день после погребения Утера поезд королевы двинулся на север по Кунеционской дороге. Артур почтительно глядел ей вслед, пока ее паланкин не скрылся из виду, а затем глубоко, с облегчением вздохнул и сразу же вывел свои войска из Эймсбери, проделав это так гладко и быстро, точно вытащил пробку из бутылки. Был пятый день месяца октября, лили дожди. Мы направлялись, как я сразу понял, к эстуарию Северна, чтобы, перебравшись через него, оказаться в Каэрлеоне, городе Легионов.

Глава 4

Ложе Северна в месте переправы широкое, от устья вверх по красным глинистым отмелям набегают мощные потоки приливов. Мальчишки денно и ночью стерегут скот, потому что в красной глинистой топи в отлив может безвозвратно кануть целое стадо. Когда же по весне или осени полые воды реки сталкиваются с водами высоких приливов, по эстуарию стеной идет волна, подобная той, что я наблюдал в Пергаме после землетрясения. Южный берег каменист и обрывист, северный заболочен, но на расстоянии полета стрелы от верхнего уреза вод начинается сухой галечник, отлого подымающийся к дубовому и каштановому редколесью.

Здесь, на склоне между деревьями, стали мы лагерем. Пока устраивали бивак, Артур в сопровождении Инира и Гвилима, королей Гвента и Дифеда, ходил в дозор, а после трапезы принимал у себя в шатре старейшин окрестных поселений. В лагерь во множестве наехали местные жители, желая увидеть нового молодого короля, среди них были и обитатели побережья – рыболовы, не знающие другого дома, кроме приморских гротов и утлых, обтянутых кожей плетеных челнов. И он говорил со всеми, от каждого принимая и жалобы, и поклонение. Послушав час или два эти беседы, я взглядом испросил позволения и вышел на волю. Давно уже не вдыхал я ароматный воздух родных холмов, к тому же поблизости находилось место, которое мне давно хотелось посетить. Это было знаменитое некогда святилище Ноденса, иначе – Нуаты Серебряной Руки, который у меня на родине известен как Ллуд или Билис, владыка Загробного царства, куда вратами служат полые холмы. Это он охранял меч, прежде так долго пролежавший в подземелье под храмом Митры в Сегонтиуме. Я достал тот меч и поручил его попечению, поместив посреди озера в подводном гроте, от века, как я знал, ему посвященном, и только потом перенес в Зеленую часовню. Я был перед Ллудом в долгу.

Святилище над Северном много древнее и храма Митры, и лесной часовни. Память о его закладке давно затерялась в веках, не сохранившись даже в песнях и сказаниях. Когда-то это была крепость на холме, и в ее стенах, наверно, был камень или ключ, посвященный божеству – покровителю духов умерших. Потом было открыто железо, и все римские века по окрестным склонам рыли железную руду. Должно быть, римляне первыми назвали этот крепостной холм Холмом Маленьких Человечков – по низкорослым смуглым жителям запада, которые добывали здесь железо. Рудники давно уже заброшены, но имя сохранилось, как сохранились и легенды о древнем народе, который скрытно обитает среди местных дубрав или же выходит толпой прямо из земли в те ночи, когда разыгрываются бури под звездными небесами и из полых холмов вырывается на волю черный король с бешеной свитой призраков и заколдованных душ.

Я поднялся позади лагеря на гребень холма и меж редких дубов побрел вниз к ручью, струящемуся по дну долины. Полная осенняя луна освещала мне путь. С каштанов уже опадали листья, плавно кружась и беззвучно опускаясь здесь и там на траву, но дубы сохраняли осенний убор, и воздух наполнился шорохами и вздохами пожухлой листвы. Земля после дождя мягко

пружинила и пряно пахла – было время осенней пахоты, время сбора орехов в лесу, время беличьих забот на пороге зимы.

Внизу на затененном склоне возникло какое-то движение. Зашуршали травы, послышался дробный стук, и – словно буря с градом пронеслась мимо – пробежало стадо оленей. Пробежало совсем близко от меня, я увидел, как луна высветила пятнистые бока и костяные кончики рогов. Как сверкнули влагой большие глаза. Среди оленей были и пестрые, и белые, точно пятнистые и серебряные призраки, и с ними летели их лунные тени. Олени пронеслись мимо меня, будто порыв ветра, свернули вниз, мелькнули между округлыми боками двух холмов, обогнули дубраву и пропали.

Белый олень почитается существом волшебным. Я верю в это. Я видел их дважды в своей жизни, и оба раза они были провозвестниками чудес. И эти, что промчались сейчас в лунном свете и скрылись в древесной тьме, тоже показались мне волшебными. Быть может, вместе с древним народом они сторожили холм, внутри которого спрятаны ворота в Загробное царство.

Я перешел ручей и поднялся по высокому склону к древним развалинам, которые чернели в вышине, венчая вершину холма. Тропа моя извивалась, обходя руины бывших бастионов, потом взяла круто вверх и подвела меня к воротам в высокой, поросшей плющом стене. Они были открыты. Я вошел.

Я очутился на просторном продолговатом крепостном дворе, занимавшем всю плоскую верхушку холма. В одном его конце разгоравшаяся луна высветила развороченные плиты, которыми некогда был вымощен двор, сквозь их трещины густо топорщилось черное былье. По обе длинные стороны двор ограждали высокие стены с обрушенными зубцами, короткие стороны замыкались некогда внушительными строениями, на их развалинах и сейчас еще кое-где держалась кровля. Ночью в лунном свете постройки по-прежнему дышали мощью, колонны и крыши казались целыми. Лишь сова, бесшумно вылетевшая из верхнего окна, свидетельствовала о том, что они давно уже брошены человеком и разрушаются, чтобы снова стать землей.

А посередине двора стояло еще одно здание. Черный конек его крыши высоко поднимался в ночное небо, но окна слепо сквозили лунным светом. Это, я знал, был храм. А строения по краям – все, что осталось от древнего странноприимного дома, от ночлежных покоев, предназначенных для молельщиков и пилигримов; там были отдельные каморки без окон, знакомые мне по Пергаму, и в них люди спали, уповая на целительные сны и вещие видения.

Я пошел вперед, осторожно ступая по разбитым плитам. Что я найду в храме, мне было известно заранее: пыль, сор и стылые стены, как в Сегонтиуме в заброшенном святилище Митры. Но ведь может же быть и так, говорил я себе, поднимаясь по ступеням и входя в некогда грандиозный срединный портал, ведь может быть, что древние боги, родившиеся, как дубы и травы, как здешние реки, из земли, воздуха и вод нашей милой родины, окажутся цепче заезжих богов Рима. Вот, например, мой бог, как долгие годы верилось мне. А вдруг он все еще здесь, в этом бывшем храме, где гуляет ночной ветер да слышно шуршание леса?

Луна сквозь верхние окна и прорехи в крыше лила внутрь ослепительный холодный свет. Высоко вверх из стены выросло чахлое деревце, оно колыхалось под сквозняком, и от этого в темных глубинах шевелились лунные блики и резкие тени. Я словно попал в подводное царство: воздух, исполосованный теньями, холодил и гладил кожу, как вода. Мозаичный пол, покореженный сдвигами почвы, неровно мерцал наподобие морского дна, дивные морские твари на нем прихотливо извивались. А из-за разбитых стен доносился шелест леса – словно шипение пенных волн по песку.

Долго стоял я там немой и неподвижный. Сова на бесшумных крылах возвратилась на свой насест под кровлей. Сник ночной ветер, перестали колыхаться текучие тени. Луна, плывя по небу, зашла за угол крыши, и дельфинов у меня под ногами скрыла темнота.

Ни звука, ни движения. Никто как будто бы не обитал здесь. Конечно, это ничего не значит, говорил я себе. Я, прежде могущественный волшебник и прорицатель, выброшен силой

прилива к божьему порогу и оставлен отхлынувшей волной на голом песке. Если бы тут и звучали голоса, мне их сейчас не услышать. Я такой же смертный, как те призрачные олени.

Я повернулся к выходу. И почуял запах дыма.

Не от жертвенных возжиганий, а от обыкновенного очага. И с ним еще слабые запахи варева. Они долетали с дальнего конца двора, из-за стены бывшего странноприимного дома. Я пересек двор, вошел под сохранившуюся высокую арку. И побрел на запах, а затем и на отдаленный свет пламени, покуда не очутился в небольшой комнатке, где бодрствующий пес встретил меня лаем, а двое спавших у огня людей спросонья вскочили на ноги.

Это были мужчина и мальчик – отец и сын, судя по внешнему сходству; бедняки, если верить их нищенским, рваным одеждам, но притом видно, что свободные люди, сами себе хозяева. Впрочем, в последнем я, как оказалось, ошибся.

Они действовали с быстротою страха. Рычащий пес – старый и дряхлый, сивомордый и с бельмом на глазу – не набросился, но и не отступил. Мужчина изготовился к бою, занеся руку с длинным ножом, наточенным и блестящим, как жертвенное орудие. А мальчик со всей отвагой своих двенадцати лет пошел на непрошеного гостя с поленом.

– Мир вам, – произнес я и повторил приветствие на их языке. – Я явился сюда, чтобы сотворить молитву, но никто мне не ответил, и тогда, почуяв дым, я пошел посмотреть, остались ли еще здесь божьи слуги.

Мужчина опустил нож, но по-прежнему сжимал его в руке, и пес не перестал рычать.

– Кто ты? – спросил мужчина.

– Всего лишь странник, – ответил я. – Мне много приходилось слышать про славное святилище Ноденса, вот я и воспользовался случаем его посетить. А ты – его хранитель, господин?

– Да. Ты ищешь, где переночевать?

– Нет, не ищу. А разве здесь по-прежнему можно получить ночлег?

– Иногда.

Он все еще смотрел с опаской. А мальчик, более доверчивый или просто разглядевший, что я безоружен, отвернулся и бережно положил полено в огонь. Пес же, умолкнув наконец, приблизился и ткнул сивой мордой мне в ладонь. Кончик хвоста у него задергался.

– Он хороший пес и очень злой, только он старый и глухой, – сказал мужчина уже без враждебности.

Глядя на пса, он тоже убрал с глаз свой нож.

– И мудрый, – добавил я и погладил задранную собачью голову. – Он видит ветер.

Мальчик обернулся и посмотрел на меня расширенными глазами.

– Видит ветер? – удивленно переспросил мужчина.

– Разве ты не слышал этого про собак с бельмом? Хотя старый и неповоротливый, но он видит, что я пришел без злого умысла. Мое имя – Мирддин Эмрис, и я живу к западу отсюда, близ Маридунума, что в Дифеде. Я был в странствии и сейчас на пути домой. – Я назвался ему на валлийский лад: имя волшебника Мерлина он, конечно, слышал и трепетал перед ним, а страх – плохой товарищ. – Можно мне разделить с вами тепло вашего очага и не расскажешь ли ты мне о святилище, которое охраняешь?

Они потеснились у огня, мальчик принес из какого-то угла табурет. Я стал задавать вопросы, и постепенно мужчина совсем успокоился и разговорился. Его звали Мог, на самом деле это не имя, поскольку означает просто «слуга», но был некогда даже король, не гнушавшийся называться Мог Нуата, а сын моего собеседника получил имя и вовсе в честь императора. «Констант будет здесь слугой после меня», – сказал Мог и стал с гордостью и грустью повествовать о славном прошлом заброшенного святилища: последний раз его перестроили и обновили по велению императора-язычника всего за полстолетия до ухода из Британии римских легионов. Исстари так повелось, что при святилище состоял хранителем Мог Нуата, и не

один, а со всем своим семейством. Но сейчас здесь только он, Мог, и его сын, а жена в отъезде: поехала с утра в город на базар и заночует у больной сестры.

– Ежели, конечно, еще найдется там место для ночлега, – добавил он ворчливо. – У нас тут со стены видать реку, я, как заприметил ладьи на переправе, послал мальчишку доглядеть. Целое войско, он говорит, прибыло, и молодой король с ними... – Он осекся и оглядел мой простой балахон и плащ. – А ты сам-то не солдат? Не с ними прибыл?

– Отвечаю «да» на твой второй вопрос и «нет» на первый. Что я не солдат, ты и сам видишь. Но состою при короле.

– Кем же? Писцом?

– Вроде того.

Он закивал головой. Его сын сидел скрестив ноги на полу рядом с собакой и слушал затаив дыхание. А отец продолжал расспрашивать меня:

– Ну и каков же он, этот юнец, которому король Утер передал, как говорят, свой меч?

– Он молод, но уже мужчина и доблестный воин. У него есть талант вести людей и довольно смысла, чтобы прислушиваться к речам старших.

Мог снова кивнул.

Не для этих людей легенды и прорицания, былая слава и светлое будущее. Они живут у себя на холме, отрезанные от мира вековыми дубами, и заняты лишь одной заботой. А что происходит где-то там, внизу, об этом они знают только понаслышке. Их холм от начала времен никогда не подвергался вражьи́м набегам. И Мог задал мне единственный вопрос, который имел для них значение:

– А он не христианин, этот молодой Артур? Не вздумает ли он порушить здешний храм во имя новомодного бога. Или же он умеет уважать старину?

Я ответил ему успокоительно и от чистого сердца:

– Он будет коронован христианскими епископами и преклонит колени перед богом своих родителей. Но он – сын этой земли и знает ее богов и тех людей, что все еще служат прежним божествам на вершинах холмов, у источников и бродов.

Краем глаза я заметил на полке за очагом аккуратно расставленные фигурки, такие же приходилось мне видеть в Пергаме и в иных местах, где свершаются чудесные исцеления, – дары богам: маленькие слепки частей человеческого тела или образы животных и рыб, знаки мольбы или признательности.

– Вот увидишь, – заверил я Мога, – его рати пройдут здешними землями, не причинив разора; если же он сам сюда заглянет, то уйдет не прежде, чем сотворит молитву и оставит приношение божеству. Как делал в свое время я и сделаю нынче опять.

– Вот это разговор! – воскликнул мальчик с белозубой улыбкой.

Я тоже улыбнулся в ответ и опустил в его протянутую ладонь две монеты:

– На храм и для служителей его.

Мог что-то буркнул, мальчик Констант одним гибким движением поднялся на ноги и отошел к шкафчику в глубине комнаты. К огню он возвратился, держа в руках кожаный бурдюк и щербатую кружку. Мог поднял с пола свою кружку, и мальчик налил ему и мне.

– Твое здоровье, – сказал мне Мог.

Я ответил ему тем же, и мы выпили. Это был мед, крепкий и сладкий.

Потом Мог выпил еще и утерся рукавом.

– Ты спрашивал про стародавние времена, и мы ответили тебе как сумели. Теперь и ты, господин, поведай нам о недавних событиях на севере. Мы тут слышали только рассказы о битвах, о гибели королей и о воцарении новых. Верно ли, что саксы бежали? Верно ли, что король Утер Пендрагон долгие годы скрывал от всех юного принца и вдруг явил его на поле боя как гром среди ясного неба, и тот перебил один четыре сотни саксонских зверей волшебным мечом, который поет и пьет кровь?

И снова я стал рассказывать о том, как и что было, а мальчик подкладывал дрова, пламя вспыхивало с треском и заливало светом навощенные фигурки за очагом. Пес опять задремал, нежась у огня и положив старую голову мне на ногу. Я рассказывал, а бурдюк переходил из рук в руки, меду в нем все убавлялось, покуда наконец языки пламени не опали, угли не рассыпались золой, и я кончил рассказ похоронами Утера и намерением Артура подготовить Каэрлеон к весенним боям.

Мой хозяин перевернул бурдюк, потряс его и сказал:

– Пуст. Никогда еще не случалось ему сослужить лучшей службы. Спасибо тебе, господин, за добрые вести. Мы здесь живем своей замкнутой жизнью, но ты ведь находишься в самой гуще дел и, конечно, знаешь, что события даже далеко в Британии, – он сказал это так, будто речь шла о чужой стране за сотни миль от его укромного обиталища, – могут и в глухих углах отозваться иной раз бедами и страданиями. Будем молиться, чтобы ты был прав насчет нового короля. Ты же можешь передать ему, ежели когда доведется тебе к нему приблизиться для беседы, что, покуда он будет верен нашей земле, здесь он найдет двоих, которые готовы быть и его слугами тоже.

– Передам. – Я встал. – Благодарю тебя за дружеский прием и питье. Прости, что потревожил твой сон. Теперь я ухожу, и ты сможешь к нему вернуться.

– Уходишь? Да ведь скоро уж рассвет. Двери твоего постоянного двора давно заперты, можешь не сомневаться. Или ты ночуешь в лагере? Но в таком случае дозорные тебя не пропустят, потребуют показать особый королевский знак. Лучше заночуй здесь. Нет, нет, – остановил он меня, когда я попробовал возразить. – У нас есть одна комната, она содержится в порядке, как в прежние времена, когда сюда съезжались люди со всего света, дабы переночевать и увидеть вещие сны. Там тепло и сухо и удобная постель, не во всякой таверне найдешь такой ночлег. Окажи нам благосклонность, останься.

Я стоял в нерешительности. Мальчик кивком подтвердил приглашение отца, глядя на меня сияющими глазами. И даже пес, который проснулся, когда я встал, приветливо завилял хвостом, зевая во всю пасть и потягивая затекшие лапы.

– Да-да, останься, – попросил мальчик.

Я понял, как для них важно, чтобы я согласился. Если я останусь, старому храму как бы возвратится толика былой святости – в бережно ухоженном покое, где давно уже никто не ночует, снова, как исстари, расположится на ночь заезжий человек.

– С радостью, – ответил я.

Констант, сияя, сунул в очаг палку, подождал, покуда конец ее займется, и позвал:

– Ступай за мной!

А отец его, снова укладываясь перед очагом, произнес мне вдогонку слова, которыми испокон веку провожали в этом священном месте ищущих исцеления:

– Спи крепко, друг, и да пошлет тебе бог сновидение.

Кто бы ни послал мне его, но сон я видел, и был этот сон вещий.

Мне приснилась Моргауза, которую я отослал из Лугуваллиума, от Утерова двора, наказав эскорту переправить ее через высокие Пеннины и невредимой доставить с почетом в Йорк, где находилась в то время ее единокровная сестра Моргана.

Сон мой был прерывистый – так в пасмурный день то проглядывают, то прячутся в бегущих облаках вершины гор. День, который мне снился, и был пасмурным. Мне привиделся отряд, скачущий по усыпанной гравием дороге сквозь ветер и дождь, и лошади оскользались на мокрых камешках, будто на глине. Вот кавалькада остановилась на берегу реки, взбухшей от обильных дождей. Место показалось мне незнакомым. Дорога спускалась к воде там, где должен быть мелкий брод, но вместо брода сейчас по реке мчались, бурля, пенные потоки, обтекающая островок, который разрезал воду, точно нос плывущего корабля. И вокруг не видно было

ни человеческого жилища, ни даже пещеры. А на том берегу дорога сворачивала к востоку и уходила, петляя среди мокрых деревьев, к предгорьям и отдаленным вершинам.

Сумерки быстро сгущались, похоже было на то, что отряду придется заночевать прямо на берегу в ожидании, пока спадет вода. Командир отряда, как видно, попытался объяснить это Моргаузе; я не слышал его речей, но вид у него был раздосадованный, и лошадь под ним, хоть и усталая, все время переступала ногами и взмахивала гривой. Я понял, что путь выбирал не он: из Лугуваллиума правильнее всего ехать по плоскогорью; от Брокавума на восток отходит прямая дорога, которая пересекает горный хребет под Вертерами. Крепость в Вертерах содержится в исправности и порядке, там отряд мог бы остановиться и переночевать, так что военный человек, уж конечно, избрал бы именно этот маршрут. Но они почему-то свернули на старую дорогу, которая отходит по взгорьям на юго-восток от перепутья пяти дорог у переправы через реку Льюн. Я там никогда не ездил. Эта дорога давно запущена, она идет вверх по долине реки Дубглас, потом через горные отроги и через главный пеннинский хребет по перевалу, который образуют реки Изара и Трибуит. Люди называют этот перевал Пеннинским проходом. Когда-то в прежние времена римляне его охраняли и дороги к нему содержали в исправности. Местность там дикая, необитаемая, но среди скал и голых вершин выше линии лесов есть пещеры, и в них живут древние люди. И если правда, что эту дорогу выбрала сама Моргауза, то интересно было бы узнать почему.

Тучи, туман; серые струи дождя; взбухшая река накатывает пенную волну с щепками на прибрежный песок под ивами вокруг островка. Потом тьма и разрыв во времени скрыли эту картину от моих глаз.

Когда я снова их увидел, они стояли вблизи перевала на горной тропе, справа от них вздымались отвесные скалы, слева открывался широкий вид на уходящие вниз леса, выходящую по дну долины речку и туманные холмы на той стороне. Отряд остановился у дорожного столба. Здесь тропа раздваивалась: одна уходила через перевал, а другая косо спускалась в долину, и там, в отдалении, мерцали огни жилья. Моргауза указывала на них рукой, и видно было по всему, что у них идет спор.

Слышать я по-прежнему ничего не слышал, но о чем спорят, было ясно и без слов. Командир отряда подъехал к Моргаузе и, весь подавшись вперед, яростно толковал ей что-то, указывая на дорожный знак и на путь к перевалу. В позднем закатном свете обозначилось выбитое в камне и обведенное тенью слово: ОЛИКАНА. Цифр я разглядеть не мог, но смысл речей командира был ясен: глупо отказываться от верного приюта, который ждет их в Оликане, ради одинокого дома в долине (если огни и означают дом), где еще неизвестно, сможет ли расположиться весь отряд. Солдаты сгрудились у командира за спиной, и видно было, что они его поддерживают. А женщины, сопровождавшие Моргаузу, бросали на госпожу тревожные, даже можно сказать, умоляющие взоры.

Наконец Моргауза пожала плечами и уступила. Кавалькада перестроилась. Дамы, радостно улыбаясь, заняли свое место рядом с госпожой, и отряд пустился вскачь. Но не проскакали они и нескольких шагов, как вдруг одна из дам громко вскрикнула: Моргауза, уронив поводья на шею лошади, покачнулась и томно выставила перед собой руку, словно ища в воздухе опору. Снова раздались возгласы. Дамы подъехали к Моргаузе вплотную, поддерживая ее в седле. Командир повернул коня, поскакал назад к дамам, встал рядом с Моргаузой и обхватил ее одной рукой за талию, чтобы она не упала. Она привалилась ему на грудь и поникла, недвижимая.

Тут уж ничего не оставалось, как признать свое поражение. Повернули лошадей и, оскользаясь по глинистой тропе, стали спускаться к далекому огоньку в долине. Моргаузу, плотно закутанную в меховой плащ, недвижимую и чуть ли не бездыханную, командир отряда вез на руках.

Но я, знакомый с повадками ведьм, знал, что под меховой опушкой плаща на лице ее играет усмешка торжества, ведь люди Артура везли ее прямо туда, куда ей по тайным соображениям во что бы то ни стало хотелось попасть и где она теперь сможет провести ночь.

Когда завеса тумана снова раздвинулась, я увидел богато убранные спальные покои, золоченое ложе под багряным покрывалом и докрасна раскаленную жаровню, отбрасывающую алые блики на лицо женщины, возлежащей на подушках. Моргаузу окружали те же дамы, что прислуживали ей и в Лугуваллиуме: молоденькая служанка по имени Линд, которая привела тогда Артура к ложу своей госпожи, и старуха, проспавшая ту ночь тяжелым дурманным сном. Девушка Линд казалась понурой и бледной; я вспомнил, что Моргауза со зла на меня приказала бить ее кнутом. Она прислуживала госпоже, опасливо поджав губы и опустив глаза долу, а старуха делала свое дело, едва переступая затекшими от долгой езды ногами, потирая застуженную поясницу и что-то беспрерывно ворча под нос, однако все время косилась через плечо: не слышит ли хозяйка? У Моргаузы же, как я и думал, не видно было ни малейших признаков недуга, ни даже усталости. Она лежала, откинувшись на алых подушках, шуря свои зеленые очи на что-то далекое и приятное за стенами покоев и улыбаясь той же самой улыбкой, что и тогда, рядом со спящим Артуром.

Должно быть, я проснулся здесь, разбуженный всплеском ненависти и печали, но, верно, рука божества все еще была на мне, потому что я снова уснул и очутился в тех же покоях. Прошло уже какое-то время, часы, даже дни – сколько потребовалось Лоту, королю Лотиана, чтобы принять участие в торжествах в Лугуваллиуме, собрать свое войско и отправиться той же кружной дорогой на юго-восток – в Йорк. Главные-то его силы, конечно, двинулись напрямую, но сам король с небольшим передовым отрядом свернул и поспешил к месту встречи с Моргаузой.

Что о встрече этой было условлено заранее, не вызывало теперь у меня никаких сомнений. Видно, принцесса известила Лота перед тем, как покинуть двор, а в пути медлила, принуждая свой эскорт продвигаться короткими переходами, и наконец, прикинувшись недужной, хитростью заставила остановиться в доме у верного человека. Я разгадал ее замысел. Не сумев получить власть через Артура, она заманила к себе на свидание Лота, надеясь ведьмовскими своими чарами завоевать его сердце, а заодно и положение при дворе своей сестры, его будущей супруги.

А еще минуту спустя я разглядел и те чары, что она пускала в ход: ведьмовские, бесспорно, но доступные каждой женщине. Снова передо мной были спальные покои, раскаленная жаровня отсвечивала теплом, а рядом на низком столике были расставлены яства и вина в серебряной посуде. Моргауза стояла у жаровни, и розовые блики скользили по ее белым одеждам и сливочной коже и искрились на длинных золотых волосах, ниспадавших до пояса блестящими оранжевыми струями. Даже я, глядевший на нее с отвращением, не мог не видеть, как она хороша. Продолговатые золотисто-зеленые очи, опущенные золотыми ресницами, смотрели на дверь. Моргауза была одна.

Вдруг дверь распахнулась и вошел Лот. Король Лотиана был крупный темноволосый мужчина с горящим взором и могучими плечами. При этом он питал слабость к украшениям и весь искрился драгоценностями – перстни, браслеты, на груди цепь, усаженная желтыми топазами и аметистами. У плеча, где длинные черные волосы соприкасались с узлом плаща, сверкала драгоценная булавка витого золота с гранатом – похоже, что саксонской работы, – превосходная вещь, уж не подарок ли от Колгрима дорогому гостю? Волосы и плащ Лота были влажными от дождя.

Моргауза обратилась к нему с речью. Но я ничего не слышал. Мое видение открывало мне лишь жесты и краски. Она не кланялась, приветствуя Лота, и он, судя по всему, не ожидал от нее поклона. Он не выказал удивления от этой встречи, а только что-то коротко проговорил и, нагнувшись над столом, плеснул из серебряного кувшина вина в кубок, да так торопливо

и неосторожно, что алая влага пролилась на стол и стекла на пол. Моргауза засмеялась. Но Лот в ответ даже не усмехнулся. Он залпом выпил вино, словно сгорал от жажды, отшвырнул кубок на пол и, решительным шагом обойдя вокруг жаровни, протянул свои большие, грязные с дороги руки и, ухватив с двух сторон ворот ее платья, одним рывком разодрал его и оголил ее тело до пояса. А потом заключил ее в объятия и прижался ртом ко рту, словно голодный к пище. Он даже не потрудился затворить дверь: я увидел, как внутрь заглянула девушка Линд, привлеченная, должно быть, стуком брошенного кубка. Она, как и Лот, не выказала ни малейшего удивления, но остановилась в нерешительности, не сразу поняв, что происходит и не требуется ли госпоже защита от насильника. Но еще через мгновение она увидела – и вместе с ней увидел я, – как Моргауза разнеженно прижалась к Лоту полуобнаженным телом и, закинув ему за плечи голые руки, запустила пальцы во влажную черную гриву. Разодранное платье сползло вниз и упало бесформенной грудой к ее ногам. Моргауза что-то сказала, рассмеялась. Мужские руки скользнули по ее бокам. Линд отпрянула и закрыла дверь. А Лот поднял Моргаузу на руки и в четыре могучих шага очутился у ложа.

Вот это чары! Когда же они успели подействовать? За одну минуту возможно овладеть насильно женщиной, но соблазнить мужчину?.. Пусть я наивный глупец или кто угодно, но поначалу, окутанный туманами сна, я и в самом деле готов был предположить тут какое-то колдовство. У меня мелькнула мысль о любовном зелье, добавленном в вино, о кубке Цирцеи и мужах, обращенных в свиное стадо. И только позже, когда рука мужчины, протянувшись из постели, выкрутила фитиль в лампе и женщина, разомлевшая, улыбающаяся, приподнялась на алых подушках, натягивая на себя меховое одеяло, начал я подозревать правду. Он прошел босой к столику, ступая по своей разбросанной, изорванной одежде, налил себе еще кубок вина и сразу же осушил, а затем снова наполнил и отнес Моргаузе. А сам взгромоздился на ложе, сел рядом с нею, прислонившись к изголовью, и заговорил. И она, полусидя-полулежа у него на груди, слушала серьезно, кивала и пространно отвечала. Разговаривая, Лот рассеянно поглаживал одной рукой ее грудь жестом мужчины, которому довелось ласкать многих женщин. Но она-то, Моргауза, невинная дева с распущенными по плечам волосами и нежным, скромным голоском? Моргауза тоже не обращала внимания на его руку у своей груди. И только тогда, как удар стрелы в середину щита, мне открылась истина. Эти двое уже бывали здесь прежде. Им такая встреча не внове. Еще до того, как с ней возлежал Артур, она побывала в объятиях Лота, и неоднократно. Для них все это было так привычно, что они могли лежать вместе в постели и деловито, озабоченно рассуждать... О чем?

Об измене верховному королю, которого и он, и она имели свои причины ненавидеть. Моргауза издавна питала зависть к своей единокровной сестре, которой во всем должна была уступать, тайно соблазнила Лота и привлекла на свое ложе. Были у нее, надо полагать, и другие любовники. Потом Лот в Лугуваллиуме сделал попытку захватить власть и потерпел поражение, и Моргауза, не предполагавшая, что Артур по снисходительности своей и силе снова примет Лота в союзники, бросилась укреплять свое положение через самого Артура.

Что же получилось? Владея магией, Моргауза, должно быть, знала, как и я, что в ту кровосмесительную ночь она зачала. Теперь ей нужен был супруг, а кто лучше Лота подходил для этой роли? Если бы ей удалось убедить его, что она носит его дитя, она бы еще, глядишь, отняла обманно у ненавистной младшей сестры и мужа, и королевство и успела свить надежное гнездо для своего будущего кукушонка.

И похоже было на то, что дело у нее ладилось. Когда сквозь дымную пелену сна я снова ее увидел, она смеялась чему-то вместе с Лотом. Сбросив покровы, она уселась нагая на грудь мехов, спиной к алому изголовью кровати. Розово-золотистые волосы окутывали ее наподобие шелковой мантии, а на голове красовалась корона Лота из белого золота, изукрашенная желтыми топазами и молочно-голубым жемчугом северных рек. Узкие ее глаза горели, как у мурлычущей кошки, а Лот, смеясь, поднимал кубок с вином, чтобы выпить, как можно было

понять, за ее здоровье. Но рука его дрогнула, вино выплеснулось и потекло меж ее грудей, как красная кровь. Моргауза не пошевелилась, улыбка не сошла с ее лица, и король, наклонясь со смехом, стал слизывать языком кроваво-красную струю.

Дым стусился. Я чуял его запах, словно находился там, где чадила горячая жаровня. А потом я с облегчением проснулся – вокруг стояла прохладная, тихая ночь, но отвратительный сон еще лип к коже, как болезненный пот.

На посторонний взгляд, в том, что я видел, словно бы и не было ничего отталкивающего. Женщина в расцвете красоты, мужчина ладен и могуч, и если король Лот и принцесса Моргауза оказались любовниками, значит она вправе ожидать, что станет королевой, и тянуться за его короной. Обыкновенная картина, каких много видишь летним вечером в кустах у дороги или за полночь в замковом зале. Но корона, даже корона такого короля, как Лот, – предмет священный, это мистический символ связи между богом и королем, королем и народом. И вид короны на этой распутной голове, в то время как обнаженная голова короля склоняется перед нею в скотском ничтожестве, был мне мерзок, как осквернение святыни.

Вот почему я поспешил встать, погрузил лицо в воду и смыл тягостное видение.

Глава 5

Когда к полудню следующего дня мы прискакали в Каэрлеон, ясное октябрьское солнце сушило землю, а в тени домов и заборов синел хрупкий иней. Над речкой, увешанные золотыми монетами листьев, застыли черные ветки ольшаника, словно стежки вышивки на бледно-голубом небе. Под копытами лошадей шуршала прихваченная изморозью листва. От лагерных кухонь уже тянуло свежесдобитым хлебом и жарящимся мясом, и, вдыхая эти запахи, плывущие по воздуху, я вспомнил, как приезжал сюда когда-то вместе с мастером-строителем Трёморином, который перестраивал лагерь по велению Амброзия и, хвала богам, предусмотрел в своих планах самые совершенные кухни.

Я поделился этими мыслями с моим спутником – им был Кай Валерий, мой давний знакомец, – а он согласился со мною и только проворчал:

– Будем надеяться, что король выберет время пообедать, прежде чем приступит к смотру.

– Ну, я думаю, в этом на него можно положиться.

– А как же, он ведь у нас еще растет.

Это было сказано любовно и без тени высокомерия и особенно трогательно прозвучало в устах Валерия, ветерана, сражавшегося в войске Амброзия при Каэрконане, потом в войске Утера и, наконец, бывшего вместе с Артуром на реке Глейн. Если такие люди, как Валерий, относились к юному королю с уважением и принимали его верховенство, значит цель моей жизни уже достигнута. Мысль эта явилась мне, не принеся ни горечи, ни печали, но лишь спокойное чувство облегчения, мне прежде незнакомое. И я подумал: значит, старею.

Я спохватился, что Валерий задал мне какой-то вопрос.

– Прости, – сказал я. – Задумался. О чем ты спрашивал?

– Я спросил, пробудешь ли ты здесь до коронации?

– Едва ли. Какое-то время я ему буду нужен, раз он затевает перестройку. Но после Рождества надеюсь, что смогу уехать. Впрочем, на коронацию я возвращусь.

– Если, конечно, саксы не помешают нам ее отпраздновать.

– Правда твоя. Откладывать до Пятидесятницы, казалось бы, рискованно, но таково решение епископов, и король правильно делает, что не вступает с ними в спор.

Валерий усмехнулся:

– Кто знает, может быть, если они очень напрягутся и помолятся получше, Господь пойдёт им навстречу и задержит весеннее наступление саксов. До Пятидесятницы, ты говоришь?

Они что же, надеются опять на небесный огонь? И на то, что в этот раз он падет по их слову? – Он искоса взглянул на меня. – Как полагаешь?

Я знал легенду, на которую он намекал. После того как в Гиблую часовню снизошло белое пламя, христиане стали рассказывать, что будто бы однажды в день Пятидесятницы с неба упал огонь и испепелил служителей прежнего бога. Я не считал нужным опровергать такое истолкование событий в Гиблой часовне, важно было, чтобы христиане, чья сила постоянно росла, признали в Артуре богоизбранника. К тому же кто знает, может быть, они и правы.

Валерий все еще ждал моего ответа. Я улыбнулся:

– Полагаю только, что если им известно, от чьей руки пало то пламя, значит они знают более, нежели я.

– Да уж бесспорно так, – с легкой насмешкой в голосе сказал Валерий.

В ту ночь, когда Артур в Гиблой часовне поднял из пламени меч, Валерий нес дозорную службу в Лугуваллиуме, но о том, что там произошло, как и все в городе, конечно, слышал. И, как и все, предпочитал об этом не распространяться.

– Так ты, стало быть, после Рождества от нас уезжаешь? И куда же, если дозволительно знать?

– Поеду к себе в Маридунум. Я не был там пять... нет, шесть лет. Слишком много времени прошло. Посмотрю, как там дела, приведу все в порядок.

– Смотри только возвратись ко дню коронации. Тут на Пятидесятницу такое будет, обидно пропустить.

На Пятидесятницу, подумал я, уже подойдет ее время. И вслух сказал:

– Что верно, то верно. С саксонской помощью или без нее, но будут жаркие дела.

После этого мы разговаривали о других предметах, пока не достигли отведенных нам покоев, где нам было передано повеление короля присоединиться к нему за трапезой.

Каэрлеон, римский город Легионов, последний раз был перестроен Амброзием, и с тех пор в нем стоял гарнизон и поддерживался исправный порядок. Теперь Артур вознамерился расширить его чуть ли не до первоначальных размеров и сделать его не только крепостью, но одновременно еще и королевским замком. Дело в том, что город Винчестер, старая резиденция королей, теперь оказался в чересчур близком соседстве с землями союзных саксов и занимал весьма уязвимое положение на реке Итчен, по которой и в прежние годы уже не раз поднимались саксонские ладьи. Правда, у британцев был еще Лондон, расположенный так высоко по течению Темзы, что саксы до сих пор не появлялись под его стенами, но в Утеровы времена их ладьи проникали до самых Вагниаций, а Рутупии и остров Танет уже давно находились в их руках. Так что и Лондон был под угрозой, год от года все растущей, и после воцарения Утера стал постепенно – сначала незаметно, а потом все быстрее – приходить в запустение. Теперь этот город переживал черные дни: многие дома разрушились от старости и небрежения, повсюду царила нищета, рынки переместились в другие города и люди, кто побогаче, перебрались тоже. Никогда больше этому городу не бывать столицей, говорили в народе.

И вот, впредь до того времени, когда будет возведена новая твердыня, способная противостоять вторжению с саксонского берега, Артур решил обосноваться в Каэрлеоне. Такое решение само напрашивалось. Крепость Каэрлеон находилась в восьми милях от столицы Инира Гвентского, в излучине реки, но выше уровня паводков, с тыла ее надежно прикрывали горы, а с востока простиралась болота – там проходил водораздел между реками Иска и Авон-Луид. Правда, сила Каэрлеона оказывалась в то же время и его слабостью: отрезанный со всех сторон, он мог защищать лишь малый кусок Артуровых владений. Однако в качестве временного опорного пункта в стратегии подвижной обороны, принятой Артуром, он годился как нельзя лучше.

Всю ту зиму я провел рядом с Артуром. Раз как-то он у меня спросил, шутливо вздернув бровь, не собираюсь ли я его покинуть ради своих полых холмов, но я только ответил: «Позже», и больше мы к этому не возвращались.

О сне, который мне привиделся в храме Ноденса, я ему не рассказывал. У него и без того было много забот, и я радовался, что он как будто бы забыл о возможных последствиях той ночи с Моргаузой. Будет еще время вернуться к этому, после того как придут из Йорка вести о бракосочетании.

И вести пришли, когда при дворе в самом разгаре были сборы к отъезду в Йорк на свадебные торжества. Королю прибыло длинное письмо от королевы Игрейны и с этим же гонцом – письмо ко мне, но я был на берегу, и мне принесли его туда. С утра я был занят тем, что надзирал за прокладкой будущего подземного хода, потом работы были прерваны для полуденной трапезы, солдат, проходивших учение на плацу рядом с древним амфитеатром, тоже распустили, и солнечный зимний день, подернутый жемчужной дымкой, наполнился тишиной.

Я поблагодарил гонца, подождал, держа письмо в руке, покуда он ушел. И только тогда сломал печать.

Мой сон сбылся. Лот и Моргауза сочетались браком. Королева Игрейна еще не доехала до Йорка, когда получила известие, что любовники вступили в брачный союз. Я прочел между строк о том, как Моргауза въехала в город вместе с Лотом, распаленная своей победой и украшенная его драгоценностями; как город, раз уже все равно были сделаны приготовления к королевской свадьбе и приезду самого верховного короля, проглотив разочарование, все же устроил от своих северных щедрот свадебный пир. Король Лотиана, писала Игрейна, был с нею кроток, он всем влиятельным городским мужам преподнес подарки, так что прием ему был оказан достаточно теплый. А Моргана (с удовлетворением сообщала королева), Моргана не выказала ни малейшей обиды или досады. Она рассмеялась в голос, а потом поплакала от явного облегчения. И на свадебный пир явилась в ярко-алом платье и веселилась больше всех, а ведь Моргауза (с памятной мне язвительностью заключала Игрейна) не снимала своей новенькой короны с утра и до самого сна.

Сама королева, как я почувствовал, тоже была скорее рада такому повороту событий. К Моргаузе она, по понятным причинам, любви не питала, а Моргана была ее родной дочерью, ее она растила и пестовала, и, хотя подчинилась выбору короля Утера, этот брак с черным волком севера был им с Морганой обоим очень не по душе. А Моргане, может быть, было известно про жениха даже больше, чем матери. Зная Моргаузу, я бы не удивился, если бы оказалось, что та успела похвастаться перед сестрой своей близостью с королем Лотом.

Игрейна об этом, похоже, не подозревала – как и о беременности невесты, возможно послужившей причиной столь поспешного бракосочетания. Оставалось надеяться, что и в письме к Артуру про это тоже не было речи. Ему сейчас и так хватало хлопот, для распрей и бед еще придет время в будущем. Прежде ему следовало короноваться и иметь свободные руки, чтобы заняться грандиозной задачей войны, нельзя было связывать его тем, что является заботой женщин – и что должно было в скором времени стать также моей заботой.

Артур швырнул письмо на стол. Он гневался, это было видно, однако старался сдерживаться.

– Ну? Ты, конечно, об этом знаешь?

– Да.

– И давно ли?

– Королева, твоя мать, прислала мне письмо. Я его только что прочел. Полагаю, в нем сообщается то же, что и в твоём.

– Я не об этом спрашиваю.

Я мягко сказал:

– Если ты спрашиваешь, знал ли я, что это должно случиться, я отвечу: да. Нахмуренные, злые глаза вспыхнули.

– Ах вот как! Почему же не сказал мне?

– По двум причинам. Потому, что ты был занят более важными делами, и потому, что я не был полностью уверен.

– Ты? Не был уверен? Что ты такое говоришь, Мерлин?

– Артур, все, что я про это знал или подозревал, открылось мне во сне несколько недель назад. То не был волшебный или вещий сон, а как бы смутный ночной морок, вызванный избытком выпитого вина или слишком упорными, неожиданными мыслями об этой ведьме, ее хитростях и чарах. И не только она не шла у меня из головы, но и король Лот тоже. Вот мне и привиделись они вместе, и она примеряла его корону. Достаточно ли это основание, как ты полагаешь, чтобы явиться к тебе с докладом, от которого при дворе начался бы переполох, а ты бы сорвался с места и бросился на север, ища с ним ссоры?

– Раньше было бы достаточным.

Его рот был растянут в упрямую, гневную линию. Я понимал, что этот гнев порожден беспокойством, не ко времени пришли к нему сомнения в верности Лота.

– То раньше, – ответил я, – когда я был прорицателем короля. Нет, нет, – добавил я, увидев его быстрый жест, – я твой по-прежнему. Но только я уже больше не прорицатель, Артур. Я думал, ты понимаешь.

– Откуда? И что вообще это значит?

– Это значит, что в ту ночь под Лугуваллиумом, когда ты поднял меч, который я для тебя одел белым пламенем, моя сила снизошла на меня в последний раз. Ты не видел часовню потом, когда пламя погасло и все разошлись. Камень, на котором покоился меч, разбился, все священные реликвии погибли. Сам я уцелел, но сила во мне выгорела, и думаю, что навсегда. Огонь выгорает, и остается прах, Артур. Возможно ли, что ты этого не понял?

– Откуда мне было понять? – повторил он, но уже совсем иным голосом: не зло, не резко, а медленно и задумчиво. Подобно тому как я после Лугуваллиума почувствовал себя постаревшим, так Артур вдруг раз и навсегда повзрослел. – По виду ты ничуть не изменился. Так же ясно все понимаешь и выражаешься уверенно, ну прямо оракул.

Я засмеялся:

– А ведь оракулам ясность вовсе не свойственна. Вещие старухи или безумные девственницы, бормочущие что-то в клубах дыма. Если я выражался ясно и уверенно, то лишь потому, что ко мне обращались за советом по делам, в которых я знаю толк, не более того.

– Не более того? Казалось бы, довольно и этого для любого короля, даже если иной мудрости он бы от тебя не услышал... Но теперь я, кажется, понял. С тобой произошло то же, что и со мной: грезам и видениям пришел конец и дальше надо жить по простым людским законам. Мне бы следовало это понять, ты вот меня понял, когда я сам отправился преследовать Колгрима.

Он подошел к столу, на котором лежало письмо Игрейны, и оперся кулаком на мраморную столешницу. Нахмуренные его глаза, ничего не видя, смотрели вниз. Но вот он поднял голову:

– А как же все эти годы, которые у нас впереди? Война предстоит нешуточная, и конца ей не будет ни в этом году, ни в следующем. Не хочешь же ты сказать, что от тебя мне больше помощи ждать нечего? И я имею в виду не военные машины и не твои познания во врачебном искусстве. Я спрашиваю тебя, будет ли мне помощь от твоей магии, о которой рассказывают мои солдаты, помощь, которую получали от тебя Амброзий и мой отец?

Я улыбнулся:

– А, это. Конечно. – Я понял, что он думал о том воздействии, какое оказывали мои пророчества и подчас самое мое присутствие на боевые полки. – В армии что думали обо мне

раньше, то будут думать и впредь. И нет нужды в дальнейших пророчествах по поводу войн, которые ты теперь начинаешь. Ни тебе, ни твоим солдатам не понадобятся напоминания. Все помнят мои слова. На просторах Британии тебя и твоих воинов ждет слава, добытая в боях. Ты одержишь победу и раз, и два и в конце концов – далеко ли до этого конца, мне неизвестно – восторжествуешь. Вот что я сказал тебе, и это правда. Для побед тебя взрастили и обучили – ступай же и делай свое дело, а мне предоставь заниматься моим делом.

– Что же это за дело теперь, когда ты выпустил в небо своего орленка, а сам остался на земле? Ждать, пока я восторжествую, чтобы потом помогать мне в строительстве?

– Да, со временем и это. Но пока что я должен распорядиться делами иного свойства. – Я указал на смятое письмо королевы. – После Пятидесятницы я, с твоего позволения, отправлюсь на север, в Лотиан.

Я увидел у него на щеках легкий румянец облегчения. Что я там намерен делать, он не стал спрашивать, а только проговорил, помолчав:

– Буду рад. Ты сам знаешь. Нам с тобой ведь незачем обсуждать причины того, что произошло?

– Незачем.

– Ты был, конечно, прав. Как всегда. Она искала власти, а как ее получить, ей было безразлично. И как, и где. Теперь мне это ясно. И я могу только радоваться, что свободен ныне от ее притязаний. – Легким мановением руки он отмел Моргазу с ее происками. – Но две вещи остаются. Главное – что я все еще нуждаюсь в Лоте как в союзнике. Ты был прав – в который раз! – что не рассказал мне свой сон. Я бы тогда с ним поссорился. А теперь...

Он не договорил и только пожал плечами. Я кивнул:

– А теперь ты признаешь его брак с твоей единокровной сестрой и будешь считать его залогом верности Лота твоему знамени. Королева Игрейна, сколько можно судить, повела себя мудро, и твоя сестра Моргана, как кажется, тоже. В конце концов, сначала-то король Утер задумал именно этот брак. А как да почему он осуществился, теперь уже не важно.

– Тем более, – подхватил Артур, – что Моргана, оказывается, вовсе не огорчена. Вот если бы она оскорбилась... И это второй вопрос, который я хотел с тобой обсудить. Впрочем, и вопроса-то никакого нет. Королева намекала тебе, что Моргана не выказала иных чувств, кроме облегчения?

– Да. И я допросил гонца, привезшего письма из Йорка. Он говорит, что в Йорке находился Урбген Регедский, прибывший на королевскую свадьбу, и Моргане было не до Лота, она не спускала глаз с Урбгена.

Урбген был теперь королем Регеда, старый король, Коэль Регедский, умер вскорости после битвы у Лугуваллиума. Его наследник был мужчина лет под пятьдесят, но славный воин и все еще могуч и хорош собой. Он года три как овдовел.

Артур оживился:

– Урбген Регедский? А что, это было бы дело! Я бы с самого начала остановил свой выбор на нем, да только, когда сговаривали Моргану за Лота, Урбгенова жена была еще жива. Так, значит, Урбген... Он да Маэлгон Гвинеддский – это доблестнейшие бойцы севера, а что до его верности, то в ней никогда не возникало сомнения. За этими двумя королями север будет как за каменной стеной, и тогда...

Я договорил за него:

– Тогда Лот и его королева пусть делают все, что им вздумается?

– Вот именно. Но возьмет ли ее Урбген, как ты полагаешь?

– Он почтет себя счастливым. И думается мне, ей будет за ним лучше, чем было бы за тем, другим. Так что жди в скором времени нового гонца. Я не пророчествую, а просто умозаключаю.

– И тебе не обидно, Мерлин?

То был вопрос короля, человека, как и я, умудренного жизнью, умеющего видеть дальше своих собственных ближайших забот и способного понять, каково мне дышится в безжизненном пространстве на месте сада, где прежде обитали божества.

Я ответил ему, немного подумав:

– Сам не знаю. Так уже бывало и раньше, приходили сонные времена, приливы сменялись отливами, но не на пороге великих событий. Я не привык чувствовать себя бессильным и признаю, что это мне не по душе. Но один урок я крепко усвоил, пока бог был со мной, урок доверия, – я научился полагаться на его волю. Я уже стар и могу жить в покое, а при взгляде на тебя я вижу, что выполнил свое предназначение. Чего мне грустить? Буду сидеть на холме и поглядывать сверху на то, как ты продолжаешь мое дело. Такова награда старости.

– Старости? Ты говоришь, как седобородый дед. Сколько тебе сравнялось?

– Немало. Скоро сорок.

– Ну, знаешь ли...

И так, со смехом, мы обогнули этот острый угол. Потом он подвел меня к столу под окном, где стоял изготовленный мною макет нового Каэрлеона, и начал обсуждать со мной его. О Моргаузе больше не было сказано ни слова, и я подумал: вот мы говорили о доверии, но как же он безоглядно полагается на меня! Если я не оправдаю этого доверия, то воистину останусь только тенью, только именем, а меч Британии у меня в руке – всего лишь горькой насмешкой.

Когда я попросил его соизволения на поездку в Маридунум после Крещения, он ответил рассеянным согласием, мысли его уже были заняты насущными заботами завтрашнего дня.

Пещера, которую я получил в наследство от отшельника Галапаса, находилась в шести милях к востоку от Маридунума, города, охраняющего устье реки Тиви. В нем некогда жил мой дед, король Дифеда, и мне, незаконному королевскому отпрыску, росшему в небрежении при его дворе, позволялось бродить на свободе по окрестным холмам. Так я познакомился и подружился с мудрым старым отшельником, который жил в пещере на холме Брин-Мирддин, посвященном богу небес Мирддину, владыке света и воздушных пространств. Галапас давно уже умер, но я со временем сам поселился в его пещере, и люди, как повелось исстари, приходили к целительному источнику Мирддина и получали от меня лечебные снадобья и наставления. Скоро я превзошел в лекарском искусстве моего старого учителя, и одновременно пошла слава о моей силе, которую люди зовут волшебной, а холм стал называться в народе Холмом Мерлина. Простые люди, кажется, даже считали, что я и есть сам Мирддин, хранитель целебного источника.

На реке Тиви, в том месте, где от проезжей дороги отходит тропа на Брин-Мирддин, стоит водяная мельница. Подъехав к реке, я увидел причаленную к берегу большую баржу. Ее притащила вверх по течению здоровая гнедая лошадь, которая теперь паслась на скудной зимней траве, а молодой крепкий мужчина тем временем сгружал на пристань тяжелые мешки. Он работал в одиночку, хозяин баржи, должно быть, находился на мельнице, где утолял жажду с дороги, но там и было работы всего на одного: перетаскать дюжину мешков с зерном, присланных на мельницу для помола. Под ногами у мужчины вертелся малыш лет пяти и неумолчно болтал на смеси наречий – валлийского и еще какого-то, знакомого мне, но искаженного, да еще дитя шепелявило, так что я сначала не мог разобрать, что это за язык. Но вот мужчина ответил ему на том же языке, и тогда я узнал и язык, и его самого. Я натянул поводья.

– Стилико! – окликнул я его.

Он опустил мешок на землю и обернулся, а я добавил на его родном языке:

– Мне бы следовало предупредить тебя загодя, но не было времени, я не предполагал, что так скоро попаду сюда. Как живешь?

– Господин!

Минуту он стоял в растерянности, потом бросился со всех ног через заросший мельничный двор, выбежал на дорогу, обтер ладони о штанины, схватил мою руку и поцеловал. В глазах у него блеснули слезы, и это меня растрогало. Стилико родился на Сицилии и был моим рабом, когда я путешествовал за морем. В Константинополе я дал ему свободу, но он по своей воле остался со мной, приехал вместе со мной в Британию и прислуживал мне, пока я жил в Брин-Мирддине. Когда же я уехал на север, он женился на мельниковой дочери Мэй и поселился с ней в долине на мельнице.

Он высказал свое приветствие на той же смеси языков, на какой лопотал ребенок, видно от волнения разучившись говорить на языке здешних валлийцев. А малыш подошел за ним следом и уставился на меня, держа палец во рту.

– Твой? – спросил я. – Славный мальчик.

– Старшенький, – ответил он гордо. – Они у меня все мальчики.

Я удивленно поднял брови:

– Все?

– Только трое, – ответил он с простодушием, так хорошо мне знакомым, – и четвертый на подходе.

Я засмеялся и поздравил его, пожелав ему еще одного крепыша-мальчугана. Эти сицилийцы плодовиты, как мыши, но, по крайней мере, Стилико не придется, как вынужден был его отец, продавать в рабство кого-то из своих детей, чтобы прокормить остальных. Мэй была у мельника единственной дочерью и должна была получить неплохое наследство.

Уже получила, как я тут же узнал. Мельник два года как умер, он страдал от камней и не хотел ни лежать, ни лечиться. Теперь, после его смерти, мельником стал Стилико.

– Но твоё жилище содержится в порядке, господин. Либо я, либо паренек, мой работник, что ни день ездим туда, доглядываем, все ли на месте. Никто, понятно, ничего не тронул, лихой человек не осмелится туда войти, все, как ты оставил, так и есть, вот увидишь, чисто, проветрено... только вот еды там, конечно, сейчас нет. Так что, если ты хотел ехать прямо туда... – Он замаялся, и я понял, что он опасается оказаться навязчивым. – Не окажешь ли нам честь, милорд, провести эту ночь у нас? В пещере тебе сегодня будет холодно, да и сыро, хоть мы и разжигали раз в неделю, как ты велел, угли в жаровне, чтобы не заплесневели книги. Переночуй здесь, милорд, а парень съездит, разведет огонь, утром же и мы с Мэй можем поехать...

– Ты очень любезен, – ответил я, – но холода я не боюсь, да и огонь разведу сам, и, может быть, даже скорее, чем твой работник, как ты думаешь?

У него стало такое лицо, что я не сдержал улыбки: он не забыл того, что повидал, пока состоял в услужении у колдуна.

– Так что спасибо тебе, но я не буду обременять Мэй, разве только прихвачу у нее немного еды. Я бы отдохнул здесь, потолковал с тобой, познакомился бы с твоим семейством и засветло уехал бы к себе наверх. Что мне с собою понадобится, я захвачу сам, а завтра вы приедете и привезете остальное.

– Да, да, конечно... Пойду скажу Мэй. Она будет очень рада... польщена...

Я уже успел заметить в окне бледное лицо с расширенными глазами. Она будет очень рада, я знал, когда страшный принц Мерлин уберется наконец подобру-поздорову. Но я устал с дороги и к тому же уловил носом аппетитный запах кипящей похлебки, которой, уж конечно, достанет на одного лишнего едока. Простодушный Стилико между тем и сам заверял меня:

– В горшке как раз варится жирная курица, так что все очень удачно. Войди же в дом, погрейся и отдохни до ужина. Бран позаботится о твоей лошади, а я пока перетаскаю с баржи последние мешки и отпущу ее обратно в город. Входи, милорд, добро тебе пожаловать обратно в Брин-Мирддин.

Сколько раз я подымался из долины к себе в Брин-Мирддин, но почему-то особенно ясно запомнил именно эту вечернюю поездку. В ней не было ничего сверх обычного, просто возвращение домой, и только.

Но и до сего мига, когда я пишу эти строки, каждая черточка живо сохранилась у меня в памяти. Гулкие удары лошадиных копыт по стылой зимней тропе, шорох сухой листвы и треск хрупких сучков под ногами, полет вальдшнепа, хлопки крыльев вспугнутого голубя. Вот солнце, низкое и спелое, каким оно бывает перед приходом тьмы, осветило палый дубовый лист под деревом, присыпанный изморозью, точно алмазной крошкой; из кустов остролиста с шумом и щебетом выпорхнула птичья стайка, кормившаяся терпкими ягодами; пахло влажным можжевельником, золоченная лучом заката, блестит запоздалая ветка цветущего дрока, а чистый и прозрачный воздух уже звенит ночным морозцем, как тонкий хрусталь, и на землю ложится иней.

Я привязал лошадь под навесом у подножия скалы и взобрался ко входу в пещеру по крутому травянистому склону. Вот она, моя пещера, в ней царит глубокое безмолвие, и так знакомо пахнет, и неподвижный воздух лишь чуть-чуть колыхнется в такт бархатному трепету под каменным куполом потолка, где летучие мыши, признав мои шаги, остались висеть невидимыми гроздьями, ожидая наступления темноты.

Стилико сказал правду: здесь чувствовался постоянный пригляд, было сухо и проветрено, правда сейчас холоднее даже, чем снаружи, но это дело поправимое. Жаровня стояла готовая – только разжечь, а у самого входа, в открытом очаге, были сложены сухие дрова. С обычного места на полке я взял трут и кремень. В прежние годы я редко прибегал к их помощи, но теперь высек огонь, и скоро в очаге уже полыхало жаркое пламя. Не знаю, может быть, помня печальный прошлый опыт, я побоялся испытывать даже эту, простейшую свою силу. Но, по-моему, я руководствовался осторожностью, а не страхом: если еще осталась у меня чудесная сила, то лучше сберечь ее на более важные дела, чем разжигание огня для собственного согрева. Проще вызвать бурю с ясного неба, чем управлять сердцами людей, мне же, если меня не обманывало внутреннее предчувствие, в скором времени понадобятся все мои силы для единоборства с женщиной, а тягаться с женщиной настолько же труднее, чем с мужчиной, насколько увидеть воочию воздух труднее, чем гору. И потому я разжег жаровню возле своего ложа и растопил очаг у входа, затем разобрал седельные сумки и вышел с кувшином к источнику за водой. Тонкая струйка, журча, выбегала из-под поросшей папоротником скалы и стекала по изукрашенному морозными узорами ложу, собираясь капля за каплей в округлую каменную чашу. Во мхах над чашей стоял, искрясь инеем, идол бога Мирддина, хранителя небесных путей. Я отлил ему несколько капель возлияния и вернулся в пещеру – посмотреть на свои книги и снадобья.

Все было в полной сохранности. Даже заготовленные травы в банках, перевязанных и запечатанных, как я научил Стилико, казались совсем свежими. Я снял покровы с большой арфы, стоящей в глубине пещеры, и, перенеся ее ближе к очагу, настроил струны. Затем, приготовив себе постель, нагрел немного вина и выпил его, сидя у пляшущего в очаге пламени. И наконец, расчехлив малую ручную арфу, которая сопровождала меня во всех моих странствиях, отнес ее и поставил на старое место в хрустальном гроте. Это было небольшое круглое углубление, открывающееся внутрь главной пещеры. Вход в хрустальный грот расположен высоко в задней стене пещеры, и каменный выступ снизу закрывает его от глаз. Для меня, когда я был мальчиком, это были врата видений. Здесь, под толщей холма, в одиночестве среди тьмы и безмолвия, бездействовали все чувства, кроме внутреннего, умственного зрения. И царила глубокая тишина.

Лишь иногда, вот как сейчас, когда я ставил арфу, раздавался еле слышный шелест струн. Эту арфу я сам смастерил в юности и так чутко натянул струны, что они отзывались на легчайшие дуновения воздуха. То были звуки таинственные, порой прекрасные, но как бы за преде-

лами доступной человеку музыки, подобно тому как песня серого тюленя на прибрежной скале прекрасна, но в ней звучит голос стихии ветра и волн. Моя арфа тихонько пела про себя, сонно и нежно гудела – так мурлычет от удовольствия кот, располагаясь в тепле у родного очага.

– Отдыхай, – сказал я ей, и от звука моего голоса, отразившегося от кристалльных стен, снова зашелестели ее струны.

А я вернулся к яркому огню и черному небу, блиставшему алмазами звезд в отверстии пещеры. Поставив перед собой большую арфу, я – сначала нерешительно, а потом все увереннее – заиграл и запел:

Отдохни, волшебник, пока догорает огонь,
Гаснут дали и край небес пропадает вслед за солнцем.
Довольствуйся малой искрой
В очаге, и запахом пищи,
И дыханием мороза за порогом.
Здесь твой дом и все тебе знакомо:
Кружка, деревянная миска, одеяло,
Молитва, возлияние богу и сон.
(И музыка, говорит арфа,
И музыка.)

Глава 6

С наступлением весны пришли неизбежные беды. Колгрим, пробравшись украдкой вдоль восточного побережья на юг, высадился в старых пределах союзных саксов и стал собирать свежие силы взамен разбитых при Лугуваллиуме и на берегу Глейна.

Я к этому времени уже возвратился в Каэрлеон и был занят заботами о создании подвижного конного войска, что еще зимой задумал Артур.

Впрочем, сама эта мысль, при всей ее важности, была не нова. С тех пор как на юго-восточной оконечности острова, согласно договорам, осели союзные саксы, а весь восточный берег ежечасно был под ударом, держать постоянную и жесткую линию обороны стало невозможно. Существовали, конечно, кое-какие старые оборонительные сооружения, самое крупное из них – Амброзиев вал (я не говорю здесь об Адриановом вале: он никогда не предназначался для одних только оборонных целей и уже во времена Максена от него пришлось отступить). Теперь он во многих местах был разрушен, да и врагом в наши дни были не кельты, населявшие дикие земли севера, врага надо было ждать с моря или же, как я сказал, с юго-востока, где ему уже были открыты ворота в Британию). Часть старых защитных сооружений Артур решил укрепить и достроить, в том числе Черный вал Нортумбрии, обороняющий с севера Регед и Стрэтклайд, а также древний вал, некогда проведенный римлянами через меловые взгорья южнее Сарумской равнины. У короля была мысль продолжить его к северу. Проезд по дорогам, которые он перегораживал, оставался открытым, но так, чтобы их легко можно было перекрыть при первых признаках продвижения врага к западу. Предполагалось вскоре приступить и к постройке других укреплений. А куда надо было укрепить хотя бы самые ключевые позиции и поставить там гарнизоны, а также расположить между ними сигнальные посты и держать открытыми связывающие их дороги. Малые короли британцев должны были сами охранять свои владения, а у верховного короля была сосредоточена подвижная ударная сила, чтобы при надобности бросить им на подмогу или же заслонить прорыв в нашей обороне. Это была старая стратегия, ее применял еще Рим и таким образом успешно оберегал границы

отдаленной Британской провинции, пока в ней стояли его легионы. Когда-то подобной ударной силой командовал маркграф саксонского берега, а уже ближе к нашему времени – Амброзий.

Но Артур задумал пойти еще дальше. Подвижная рать, как он представлял ее себе, стала бы в десять раз подвижнее, если всех ратников посадить на коней. В наши дни, когда конные войска видишь на дорогах и на площадях каждый день, кажется, что в этом нет ничего особенного, но, когда он это впервые замыслил и изложил мне, его замысел произвел впечатление внезапной атаки, о которой он как раз и мечтал. Разумеется, понадобится какое-то время, и поначалу все будет выглядеть достаточно скромно. Пока воины в своем большинстве не обучатся вести бой в седле, в его распоряжении будет всего лишь малый отборный отряд из числа боевых командиров, а также его близких друзей. Однако для осуществления этого плана нужны были подходящие кони, а их у нас не хватало. Коренастые местные лошадки, хотя и выносливые, не умели быстро скакать и не в состоянии были по своей малорослости нести на себе в битву тяжеловооруженного воина.

Несколько дней и ночей напролет, входя во все подробности, обсуждали мы с Артуром его новый план, прежде чем он счел возможным вынести его на совет своих военачальников. Есть люди – и среди них часто даже превосходные, – которые с недоверием встречают любое новшество, и если не опровергнуть все их возражения, колеблющиеся непременно присоединятся к противникам. Так что Артур и Кадор вместе с Гвилимом Дифедским и Иниром из Гвента расписали и продумали все до последних мелочей. От меня на военных советах не было особого проку, но зато я подсказал им, как выйти из затруднения с конями.

Есть порода лошадей, которая почитается лучшей в мире. А что она красивейшая в мире, и говорить нечего. Я видел таких лошадей на Востоке, жители пустынь ценят их дороже золота и дороже своих жен. Но я знал, что за ними не обязательно ездить так далеко. Римляне завезли их из Африки в Иберию и там скрестили с более широкогрудой европейской породой. Получилась великолепная новая лошадь: резвая и горячая и при этом сильная и послушная, что и требуется от боевого коня. Если Артур отправит посольство теперь же, дабы на месте узнать возможности и условия покупки, то лишь только погода позволит транспортировку по морю, как кони для подвижной рати будут в его распоряжении.

Вот каким образом получилось, что, вернувшись весной в Каэрлеон, я занялся строительством военных конюшен, а Бедуир отправился за море торговать лошадьми.

Каэрлеон к этому времени совсем преобразился. Работы по восстановлению старой крепости продвигались успешно и быстро, и по соседству уже росли новые дома, достаточно богатые и удобные, чтобы украсить временную столицу королевства. Хотя в качестве ставки на случай боев Артур предполагал использовать дом коменданта внутри крепости, однако снаружи, у римского моста в живописной излучине, которую образует река Иска, уже возводился другой дом, заранее названный в народе дворцом. Здание это строилось большим, с несколькими дворами и флигелями для гостей и слуг. Стены возводились из дикого камня, перемежаемого кирпичной кладкой, и покрывались цветной штукатуркой, дверные проемы украшались резными колоннами. А кровля задумана была золотой, как у новой христианской церкви, которая теперь стояла на месте храма Митры. Между крепостью, дворцом и расположенной с западной стороны площадью для парадов как грибы множилось дома, домишки, лавки – целый шумный город, где еще недавно стояла лишь сонная деревушка. Жители, гордые тем, что верховный король выбрал для своего местопребывания их родной Каэрлеон, закрывая глаза на причины, обусловившие этот выбор, изо всех сил старались работать так, чтобы их город стал достоин новых времен и нового короля, который должен был принести мир.

Худо ли бедно, но к празднику Пятидесятницы он и вправду принес им на какое-то время мир. Колгрим, собрав новое войско, двинул его из восточных пределов. Артур дал ему два сражения, одно – южнее Хамбера, другое – ближе к саксонской границе, в камышовых лугах при Линнуисе. И во втором сражении сам Колгрим был убит. После этого, умирив до поры

саксонский берег, Артур возвратился к нам, как раз когда приплывший из-за моря Бедуир высаживался с первой партией закупленных лошадей.

Валерий, помогавший при разгрузке, чуть не захлебывался от восторга:

– Высокие – тебе по грудь – и могучие. И притом нежные, будто юные девы. Бывают ведь нежные девы, верно? А скажут, я слышал, быстрее гончих псов. Правда, сейчас, после плавания, они застоялись и не вдруг обретут прежнюю резвость. А хороши до чего! Немало найдется дев, и нежных, и наоборот, которые с радостью принесут жертвы Гекате за такие вот огромные черные очи и за такую шелковистую кожу...

– Сколько голов он привез? И кобылы тоже есть? Когда я был на Востоке, там продавали одних жеребцов.

– И кобылы есть. Сто жеребцов в первой партии и тридцать кобыл. Армию в походе не сопровождает столько женщин, сколько при этих жеребцах кобыл, но все равно соперничество острое, верно?

– Ты слишком давно на войне, – ответил я ему на это.

Он ухмыльнулся и убрался прочь, а я кликнул моих помощников, и мы прошли с ними вдоль ряда новых конюшен, еще раз проверяя, все ли готово к приему лошадей и довольно ли изготовили шорники облегченной походной сбруи.

А когда я шел обратно, на позлащенных башнях ударили в колокола, возвещая прибытие верховного короля. Теперь можно было начинать приготовления к коронации.

С тех пор как я был свидетелем коронации Утера, мне пришлось, путешествуя по заморским странам, повидать немало роскошных зрелищ – в Риме, Антиохии, Константинополе, – в сравнении с которыми самые красочные торжества в Британии покажутся жалким балаганом. Но от церемонии в Каэрлеоне исходило такое сияние славы, юности, весны, какого не затмить всем богатствам Востока. Слепили глаза алые, лиловые и белые облачения епископов и священников рядом с черными и коричневыми рясами святых мужей и жен, им служающих. Короли, каждый со своей свитой военачальников и придворных, сверкали драгоценными камнями и золотом доспехов. Стены крепости, увешанные цветными полотнищами, чернели головами зевак и звенели от приветственных возгласов. Придворные дамы щеголяли яркими нарядами, даже королева Игрейна в пылу гордости и счастья отложила вдовий траур и блистала не меньше прочих. Рядом с нею – Моргана, нисколько не похожая на отвергнутую невесту, в наряде, почти не уступающем роскошью материнскому, и с такой же гордой, царственной усмешкой на устах. Трудно было поверить, что она еще так молода. Королева и принцесса держались среди женщин, не приближаясь к Артуру. Я слышал, как матроны обменивались замечаниями, поглядывая на пустую половину трона, но, на мой взгляд, так тому и следовало быть – не настало еще время ему разделить с кем-то свою славу. Один стоял он посреди церкви, и свет из высоких церковных окон падал на него, и вспыхивали пунцовым пламенем рубины, и золотые и лазоревые полосы ложились на белые одежды и меховую оторочку алой мантии, ниспадающей с его плеч.

Мне интересно было, приедет ли Лот. Никто ничего об этом не знал, и самые недобрые предположения копились в народе, готовые прорваться, как болезненный нарыв. Но в конце концов Лот все-таки прибыл. Видно, рассчитал, что больше проиграет, если не приедет, убоявшись встречи с королем, королевой и своей бывшей суженой, принцессой Морганой. Так или иначе, но за день или два до церемонии небо на северо-востоке заслонили пики с флажками Лота, а также Уриена Горского, и Агвизеля Бремениюмского, и Тидваля, который сидел от его имени в Дунпелдире. Северные властители стали лагерем за городской чертой и преспокойно, словно и не было предательства в Лугуваллиуме и Йорке, поспешили в город, принять участие в празднествах. Лот явился среди всех самоуверенный до прямой наглости, как видно полагаясь на свое новоприобретенное свойство с королем. Сам Артур именно так объяснил мне его

поведение в разговоре с глазу на глаз, на людях же он принимал Лотовы напыщенные поклоны, будто так и надо, как ни в чем не бывало. А ведь Лот еще, верно, не подозревает, думал я, что скоро в его власти окажется дитя короля.

Хорошо еще, что не приехала Моргауза. Зная эту даму, я готов был к тому, что она явится, не побоится взглянуть мне в глаза, ради того только, чтобы покрасоваться перед Игрейной своей короной и своим большим животом перед Артуром и мной. Но то ли она все же убоялась встречи со мной, то ли у Лота не хватило наглости и он ей запретил, только она осталась дома, сказавшись недомогающей из-за беременности. Я находился при Артуре, когда Лот передал ему извинения своей королевы, и по его голосу и лицу мне было ясно, что ничего сверх сказанного он не знает, а быстрый взгляд Артура, брошенный мне, и внезапную бледность щек он если и заметил, то не подал виду. А через минуту король уже совладал со своим волнением, и все было позади.

Проходили красочные, утомительные часы великого дня. Епископы священнодействовали, язычники, которые тоже немалым числом принимали участие в торжествах, повсюду видели благоприятные знамения. Праздничную процессию, двигавшуюся по городу, люди благословляли не одним только знаком креста, на уличных перекрестках бросали кости и вглядывались в прозрачные шарики, ища добрых предсказаний на будущее, и шла бойкая торговля всевозможными талисманами, амулетами и ладанками, приносящими счастье. Было зарезано в рассветный час немало черных петухов, и повсюду на дорогах, у бродов и перепутий, где старый Герм издревле привык получать щедрые дары от путников, лежали свежие приношения. А вдали от города, на холмах, в долинах и под сводами леса, обитающий на возвышенности малорослый смуглый народ тоже по-своему гадал об удаче и возносил молитвы своим богам. Но в городе, венчая церковь, крепость и дворец, золотились на солнце кресты. Артур с трудом шевелился в своих несгибаемых, шитых золотом и драгоценностями одеяниях и, бледный, торжественный, безропотно отдавал себя в руки священников, которые крутили и вертели его как хотели. Если так надо, чтобы утвердить его авторитет в глазах его народа, что ж, он готов подчиниться. Но я, так хорошо его знавший и весь тот день проведенный подле него, не уловил в этой самоотрешенности ничего молитвенного. Вполне могло быть, подумалось мне, что он тем временем потихоньку обдумывает новый поход на восток. Для него самого – как и для всех, кто был тому свидетелем, – его правление Британией началось в ту ночь, когда он вырвал из долгого забвения могучий меч Максена и дал клятву перед чуткой стеною леса. Теперь в Каэрлеоне корона служила лишь печатью, принародно скрепившей тот завет, по которому он принял и будет до смертного часа держать в руке своей благо этой страны.

После коронации начался пир. Все пиры похожи один на другой, и этот выделялся разве только тем, что Артур, всегда любивший поесть, почти не дотронулся до обильных яств, а сидел и поглядывал по сторонам, словно не чаял, когда кончится застолье и можно будет снова взяться за дела.

Он предупредил, что после пира хочет поговорить со мной, но вокруг него допоздна толпился народ, и сначала у меня состоялась беседа с Игрейной. Она рано удалилась к себе, и когда ее паж приблизился ко мне и шепотом передал приглашение, я оглянулся на Артура, он кивнул, и я пошел по ее зову.

Игрейна расположилась в королевском доме. В ее покои почти не долетали голоса пирующих, а отдаленный шум городского ликования звучал как смутный, слитный рокот. Дверь мне отворила та же девушка, что была при королеве в Эймсбери, тоненькая, в зеленом платье, с жемчугами в светлых волосах; она сверкнула на меня зелеными, как платье, глазами – не ведьмовскими, как у Моргаузы, а ясными, зеленовато-серыми, наводящими на мысль о солнечном лесном ручье, в котором отразились свежие листья весны. Низко присев, она приветливо улыбнулась – на раздумывавшихся от еды и питья щеках весело заиграли ямочки, блеснули ровные зубки, – и я последовал за нею к королеве.

Игрейна протянула мне руку для поцелуя. У нее был усталый вид; великолепное лиловое платье, переливающееся жемчугом и серебром, лишь оттеняло бледность ее лица и синеву вокруг рта и под глазами. Но держалась королева, как всегда, сдержанно и невозмутимо, ничем не выказывая своего утомления.

Она сразу же заговорила о том, чем была обеспокоена:

– Так, значит, он успел ее обрюхатить.

Лезвие страха повернулось у меня в груди, но я тут же сообразил, что об истинном положении дел она не подозревает, а говорит о Лоте, полагая, что из-за этого-то он и отверг ее дочь Моргану и оказал предпочтение Моргаузе.

– Выходит, что так, – ответил я.

– И стало быть, для Морганы тут нет унижения, а до остального нам дела нет. Все получилось как нельзя лучше, – твердо сказала Игрейна. И улыбнулась моему недоумению. – Я никогда не была сторонницей этого брака. Мне нравился прежний замысел Утера – выдать за Лота Моргаузу. С него и этого было бы довольно, а ей честь. Но Лоту уже тогда все было мало, ему во что бы то ни стало подавай Моргану. И Утер согласился. Он в ту пору на что угодно готов был согласиться, лишь бы не допустить саксов в северные королевства, но я, хоть и понимала политическую необходимость этого, на самом деле слишком люблю дочь, чтобы своей волей на всю жизнь приковать ее к этому корыстному и блудливому изменнику.

Я вздернул брови:

– Сильные выражения, госпожа.

– А ты разве отрицаешь то, что есть?

– Отнюдь. Я ведь был под Лугуваллиумом.

– Тогда ты сам знаешь, много ли верности выказал Лот Артуру, когда был женихом Морганы, и много ли верности можно было от него ждать после женитьбы, раз он только о своей выгоде и печется.

– Да, ты права. Хорошо, что ты сама все это понимаешь. Я опасался, что ты разгневаешься, а Моргана огорчится.

– Разгневалась поначалу она, но уж никак не огорчилась. Лот – из первых среди малых королев, и по вкусу он ей или нет, но как королеве Лотиана ей достались бы большие владения, а ее детям – немалое наследство. Конечно, неприятно, когда твое место занимает внебрачная дочь твоего отца, от которой ты к тому же за всю жизнь не слышала доброго слова.

– А Урбген Регедский, когда ее стоваривали за Лота, еще не овдовел.

Ее тяжелые веки поднялись, глаза всмотрелись в мое невозмутимое лицо.

– Вот именно, – только и сказала она мне на это без тени удивления, словно кончая разговор, а не приступая к нему.

Что Игрейна думала о том же, о чем и мы с Артуром, было неудивительно. Урбген, как до него его отец, выказал себя надежным союзником верховного короля. Подвиги регедских властителей прошлого и доблесть регедского короля Коэля под Лугуваллиумом вошли в легенды и летописи наряду с деяниями Амброзия и самого Артура – солнце и на восходе, и на закате изливает свой свет на землю.

Игрейна между тем продолжала:

– Что ж, это и впрямь может быть неплохо. Конечно, Урбгенова верность не нуждается в залогах, но Моргана получит высокое положение, как раз по себе, ну а ее сыновья... Урбген уже родил двоих, оба теперь взрослые юноши и горячие рубаки, в отца. Доживут ли еще до той поры, когда Урбгенова корона должна будет перейти к его наследнику? Для короля такого обширного королевства, как Регед, чем больше сыновей, тем лучше.

– Он уже пережил свои лучшие годы, а она еще очень молода, – заметил я.

Но Игрейна спокойно возразила:

– Ну и что? Я была немногим старше Морганы, когда на мне женился Горлойс Корнуэльский.

Должно быть, она забыла, подумалось мне, что это был за брак, – как заперли в клетку молодую птицу, жаждущую расправить крылья и вылететь на волю; как король Утер воспылал роковой страстью к красавице-герцогине; как пал в бою старый герцог и началась новая жизнь, и любовь, и новые страдания.

– Она исполнит свой долг, – сказала Игрейна, и я убедился, что она ничего не забыла. Но взгляд ее оставался тверд. – Если уж она готова была взять в мужа Лота, к которому не испытывала ничего, кроме страха, за Урбгена она пойдет с охотой, по первому Артурову слову. Мне жаль, что Кадор с ней в слишком близком родстве. Я предпочла бы, чтобы она обосновалась поблизости от меня, в Корнуолле.

– Кровного родства меж ними нет.

Кадор был сын мужа Игрейны, Горлойса, рожденный его первой женой.

– Все равно они слишком близкая родня, – покачала головой королева. – Люди легко забывают подробности, пойдет разговор о кровосмешении. Нет, нельзя. Об этом даже мыслить не пристало.

– Да, это верно.

Мой голос прозвучал ровно и спокойно.

– И притом будущим летом по возвращении в Корнуолл должна состояться свадьба Кадора. С согласия короля. – Игрейна перевернула руку ладонью вниз и залюбовалась блеском своих перстней. – Так что, наверно, хорошо бы намекнуть королю об Урбгене, как только у него выберется свободная минута, чтобы подумать о сестре.

– А он уже о ней подумал. Он со мной говорил об этом. Кажется, он в скором времени собирается послать за Урбгеном.

– Ага! – Только тут в ее голосе впервые прозвучало живое, чисто человеческое удовлетворение, даже, пожалуй, злорадство. – Вот когда наконец Моргана получит все, что ей причитается, – и богатство, и положение – и превзойдет эту рыжую ведьму, а Лоту Лотианскому так и надо, что попался на удочку.

– Ты полагаешь, она его нарочно соблазнила?

– Как же иначе? Ты ведь ее знаешь. Она навела на него чары.

– Чары самые обыкновенные, женские, – заметил я сухо.

– Не скажи. Ведь к услугам Лота всегда было сколько угодно женщин, а в жены Моргана ему больше подходила, этого никто не может отрицать. И красотой Моргаузе не уступит. И воспитана с детства как будущая королева, не то что та, сколько ни пыжится, как ни колдует.

Я посмотрел на королеву с изумлением. Рядом на скамеечке сонно прикорнула русоволосая фрейлина. Игрейну не заботило, что ее речи слышат другие.

– Игрейна, чем так провинилась перед тобою Моргауза, что ты с такой злобой о ней говоришь?

Румянец, как знамя, зардел на ее лице, я подумал, что сейчас она попытается поставить меня на место. Но мы с ней оба были уже немолоды и не страдали больше болезненным самолюбием. Она ответила чистосердечно:

– Если ты думаешь, что мне неприятно было постоянно видеть подле себя – и подле Утера – юную красавицу, которая связана с ним узами более давними, чем я, то ты не ошибаешься. Но это не все. Даже когда она была совсем еще девочкой, двенадцати-тринадцати лет, не более, я видела, что она порочна. Вот причина, что я радуюсь ее браку с Лотом. Хорошо, что ее больше не будет при дворе.

Такой откровенности я не ожидал.

– Порочна? – переспросил я.

Королева опустила глаза на сидящую у ее ног юную фрейлину: русая головка поникла, веки смежились. Игрейна понизила голос, но ответила отчетливо, обдуманно:

– Я не говорю, что в ее отношениях с королем было что-то дурное, хотя она вела себя с ним не как дочь. И дочерней любви она к нему не питала. Просто выманивала у него милости, и все. Но я назвала ее порочной, имея в виду ее ведьмовство. Ее всегда тянуло к таким делам, она водилась с шепталками и знахарками. И стоило при ней упомянуть о магии, как она тут же настораживалась и таращила глаза, будто филин в ночи. Она и Моргану пробовала обучать, когда принцесса была еще совсем ребенком. А этого я ей не прощу. Я терпеть не могу всю эту заумь, а в руках таких людей, как Моргауза...

Она осеклась. В сердцах она повысила голос, и я увидел, что русоволосая фрейлина, тоже как филин в ночи, встрепенулась и захлопала глазами. Игрейна опомнилась и потупила голову. Щеки ее опять зарделись.

– Принц Мерлин, прости меня. Я не хотела тебя оскорбить.

Я рассмеялся. Девушка, оказывается, все слышала и теперь тоже беззвучно смеялась, лукаво поглядывая на меня из-за коленей своей госпожи. Я сказал:

– Я слишком высокого о себе мнения, чтобы отнести на свой счет слова, сказанные о девушках, играющих в магию. Моргане, конечно, тут делать нечего. А Моргауза действительно обладает некоторой силой, это правда, как правда и то, что в ее руках такая сила может принести вред. Всякую силу нелегко удержать, и, будучи употреблена без соображения, она может обернуться против тех, кто вздумает к ней прибегнуть.

– Может быть, когда-нибудь, при случае, ты объяснишь это Моргане, – с улыбкой сказала королева, снова взяв легкий тон. – Тебя она послушает, а на мои слова только пожимает плечами.

– Охотно, – ответил я снисходительно, словно дедушка, которого просят прочесть наставление молодежи.

– Будем надеяться, что, став королевой и обретя настоящую власть над людьми, она перестанет искать власти в магии. – Она переменяла тему: – Как ты полагаешь, получив в жены дочь Утера, пусть и внебрачную, Лот сочтет себя обязанным соблюдать верность Артурову знамени?

– Трудно сказать. Но пока саксы не смогут посулить ему больших выгод и тем склонить на новое предательство, я думаю, он останется со своими силами на севере и будет защищать пусть не общее дело, но по крайней мере собственное добро. Тут я не предвижу опасности. – Я не добавил: «Опасности такого рода», а закончил свою речь так: – Я могу, если хочешь, слать тебе письма в Корнуолл, госпожа.

– Буду признательна тебе, принц. Твои письма и ранее служили мне поддержкой, когда мой сын воспитывался в Галаве.

Мы побеседовали еще немного о последних событиях и новостях. Когда я сделал попытку навести разговор на ее здоровье, она с улыбкой уклонилась от ответа, из чего я заключил, что она понимает все не хуже меня. Я не стал настаивать, а справился вместо этого о предстоящей свадьбе герцога Кадора.

– Артур ни словом о ней не обмолвился. Кто невеста?

– Дочь Динаса. Ты его знал? Имя ее – Мариона. Они, к сожалению, были сговорены еще детьми. Теперь Мариона достигла совершеннолетия, и, как только герцог возвратится домой, отпразднуют свадьбу.

– Да, я знал ее отца. А почему ты сказала «к сожалению»?

Игрейна с улыбкой взглянула на девушку у своих ног.

– Потому что иначе был бы муж для моей маленькой Гвиневеры.

– Ну, я уверен, – сказал я, – что найти ей мужа – дело нетрудное.

– Да, но такого подходящего! – вздохнула королева, а юная фрейлина изогнула в улыбке губы и опустила ресницы.

– Если ты допустишь гадание о будущем в твоём присутствии, королева, то рискну предсказать ей нового жениха, столь же блестящего, и притом очень скоро.

Я говорил это в шутку, из чистой галантности, и сам удивился, услышав в своём голосе слабый, но отчетливый призыв серьёзного пророчества.

Но ни та ни другая ничего не заметили. Королева протянула мне руку и пожелала доброй ночи, а фрейлина, распахнув передо мною двери, низко и грациозно присела.

Глава 7

– Ребенок мой! – горячо говорил Артур. – Только подсчитай. Я слышал, как об этом сплетничали в караульне: они-то меня не видели, но я находился рядом. Речь шла о том, что к Крещению она была уже брюхата и повезло ей, что успела подцепить Лота, теперь можно будет выдать его за семимесячного. Мерлин, ты знаешь не хуже меня, что под Лугуваллиумом он к ней и близко не подходил. До битвы его не было в городе, а в ночь после битвы... в ту самую ночь как раз...

Он осекся, задохнувшись, и, взметнув полами королевских одежд, снова заходил из угла в угол.

Было уже далеко за полночь. Шум городского празднества немного утих, приглушенный предрассветным холодом. В королевских покоях догорали свечи в оплывах ароматного воска. А от нагоревшего фитиля в лампе шел, смешиваясь со свечным ароматом, тяжелый чадный дух.

Резко повернувшись на каблуках, Артур подошел и встал передо мной лицом к лицу. Он снял с головы корону и с шеи цепь в драгоценных камнях и отложил королевский меч, но остался в роскошном коронационном одеянии, только скинул и бросил на стол подбитую мехом мантию, и в свете лампы алые складки стекали на пол, словно струи крови. Дверь в опочивальню стояла раскрытая, мне было видно постеленное королевское ложе, но Артур, несмотря на поздний час, не выказывал признаков усталости. В каждом его движении кипела нервная энергия.

Но, овладев собой, он заговорил спокойно и неторопливо:

– Мерлин, когда мы беседовали с тобой ночью о том, что произошло... – Он не договорил, перевел дыхание и приступил снова с отчаянной прямоотой: – В ту ночь, когда я совершил с Моргаузой грех кровосмешения, я спросил у тебя, что будет, если она зачала. Я помню, что ты мне ответил. Очень хорошо помню. А ты?

– Я тоже, – неохотно признался я. – Я тоже хорошо помню.

– Ты сказал: «Боги ревнивы, они завидуют людской славе. Каждый человек носит в себе семя своей гибели, всякой жизни наступает предел. И ныне ты сам положил такой предел для себя самого».

Я молчал. Он смотрел мне прямо в глаза настойчивым, бесстрашным взглядом, к которому мне предстояло привыкнуть.

– То, что ты мне тогда сказал, это правда? Ты произнес прорицание или просто искал слова, чтобы успокоить меня перед событиями следующего дня?

– Нет, это правда.

– То есть, если она родит, ты провидишь, что в этом ребенке будет моя гибель?

– Артур, – сказал я, – прорицание нельзя понимать так прямо. Произнося те слова, я не знал – в том смысле, как люди обычно понимают знание, – что Моргауза обязательно понесет от тебя дитя и что в нем будет для тебя смертельная опасность. Я только знал, что, пока ты был с нею, птицы смерти сидели у меня на обоих плечах, давили меня к земле, и пахло падалью. Камень лег мне на сердце, и мне виделась смерть, соединяющая тебя с этой женщиной. Смерть

и предательство. Но в чем это выразится, я не знал. Когда же понял, дело уже было сделано, и осталось только ждать, что пожелают ниспослать нам боги.

Артур снова заходил по комнате, приблизился к дверям в опочивальню, молча постоял, привалился спиной к дверному косяку и не глядя в мою сторону, потом расправил плечи и обернулся. Решительными шагами подошел к столу, сел и, подперев подбородок кулаком, встретился со мною взглядом. Во всех его движениях были, как всегда, плавность и сила, но я, так хорошо знавший его, видел, как натянута узда. Речь его тоже звучала спокойно:

– Ну вот, теперь мы знаем, что птицы-стервятницы не ошиблись. Она и вправду понесла. Но ты в ту ночь сказал мне еще кое-что. Ты сказал, что грех мой совершен в неведении и что на мне вины нет. Что же, кара без вины?

– Так бывает нередко.

– Грехи отцов?

Я узнал слова из священной книги христиан.

– Да, – ответил я, – Утеров грех на тебе.

– А теперь мой на этом ребенке?

Я не ответил. Мне не нравилось направление, которое принял наш разговор. Впервые, беседуя с Артуром, я не чувствовал своей власти над ним. Я говорил себе, что я устал, что сила моя на спаде, что еще придет мой час. Но на самом деле у меня было такое чувство, будто я, как рыбак из восточной сказки, откупорил бутылку и выпустил джинна, а он оказался во много раз сильнее меня самого.

– Все понятно, – сказал король. – Раз мой грех и ее грех падет на голову ребенка, значит, нельзя чтобы он жил. Поезжай на север и скажи это Моргаузе. Или, если хочешь, я дам тебе для нее письмо и сам ей все объясню.

Я набрал воздуха, чтобы ответить, но он не дал мне и рта раскрыть.

– Не говоря уж о твоих предчувствиях – а я не настолько глуп, чтобы ими пренебречь, – разве ты не понимаешь, как это сейчас опасно, если Лот узнает? Она боялась, что забеременела, и, чтобы избежать позора, постаралась раздобыть себе мужа. А кто лучше Лота? Его когда-то прочили ей в мужья, может быть, он даже ей нравился, и тут она увидела случай затмить сестру и приобрести титул и положение, которых лишилась со смертью отца. А уж кому и знать, как не мне, – продолжал он, в ниточку растянув губы, – что любой мужчина, на которого она обратит свою благосклонность, побежит к ней, стоит ей только свистнуть.

– Артур, ты говоришь о ее позоре. Но ты ведь не думаешь, что был первым, кого она уложила в свою постель.

Он ответил с поспешностью:

– Нет, и никогда не думал.

– Тогда почему ты не допускаешь, что она принимала Лота еще до тебя? Что она уже была беременна, а тебя заманила в надежде добиться милостей и преимуществ? Она знала, что часы Утера сочтены, и, страшась, что после предательства под Лугуваллиумом Лот утратил благосклонность короля, задумала сделать так, чтобы отцом Лотова ребенка представить тебя...

– Это все домыслы. В ту ночь ты говорил иначе.

– Верно. Но подумай сам: такой ход событий тоже отвечает моим дурным предчувствиям.

– Дурным, но не настолько, – резко возразил он. – Если от этого ребенка действительно исходит гибельная угроза, не все ли равно, кто его отец. Гадать об этом бесполезно.

– Но я не наугад говорю, что они с Лотом уже были любовниками, когда ты оказался в ее постели... Я ведь рассказывал о сне, который мне привиделся в святилище Ноденса. Я наблюдал их свидание в чьем-то доме в стороне от больших дорог. Они съехались там не случайно, а по сговору. И встретились как давние любовники. Так что этот ребенок вполне может быть Лотов, а не твой.

– И мы всё представили себе неправильно? Это меня она приманила, а не Лота, чтобы покрыть свой стыд?

– Могло случиться, что так. Ты явился неведомо откуда и затмил Лота, как вскоре вслед за тем затмил и Утера. Она решила изобразить дело так, будто это ты отец ее ребенка, но потом побоялась меня и оставила эту мысль.

Артур помолчал, задумавшись.

– Ну что ж, – произнес он наконец, – время покажет. Но правильно ли мы поступим, если будем сидеть и дожидаться? Чей бы ни был этот ребенок, от него исходит опасность. Не надо быть пророком, чтобы видеть, в чем она заключается. И не обязательно быть богом, чтобы принять меры. Если Лот когда-нибудь узнает – или заподозрит, – что его первенец рожден от меня, надолго ли хватит тогда его сомнительной верности, как ты думаешь? А Лотиан – это главное звено в нашей обороне. Мне нужна его верность. Необходима. Даже если бы он был мужем моей родной сестры Морганы, я не мог бы доверять ему полностью. Ну а теперь... – Он вскинул руку. – Мерлин, это делают в каждом селении нашего королевства. Почему бы и не в королевском доме? Поезжай на север и поговори с Моргаузой.

– Ты думаешь, она послушает? Если бы ей не нужен был этот ребенок, она бы уже давным-давно избавилась от него. Не из любви она приняла тебя в ту ночь, Артур, и не питает она к тебе добрых чувств, коль скоро ты допустил ее изгнание. А что до меня, – я усмехнулся, – то она питает ко мне самую черную злобу. И недаром. Да она расхохочется мне в лицо. Больше того, она выслушает меня, посмеется, узнав, какую власть имеет над нами, а потом поступит так, чтобы причинить как можно больше вреда.

– Но...

– Ты думаешь, она женила на себе Лота ради собственного своего удобства и чтобы взять верх над сестрой? Нет. Она вышла за него, когда убедилась, что я не дам ей совратить и поработить тебя. Ведь Лот, что бы ни диктовало ему сегодня время, в глубине души твой враг. И мой тоже. Через него она рано или поздно сможет причинить тебе вред.

Минута вдумчивого молчания.

– Ты в это веришь?

– Да.

– Тем более я прав. Нельзя, чтобы она родила этого ребенка.

– А что ты можешь сделать? Подкупить кого-нибудь, чтобы испекли ей хлеб со спорыньей?

– Ты что-нибудь придумаешь. Приедешь на место и...

– Я ничего такого делать не стану.

Он вскочил, словно распрямившийся лук, у которого отпустили тетиву. В глазах его сверкнул отблеск свечного пламени.

– Ты говорил, что ты мой слуга. Ты говорил, что сделал меня королем по воле божией. Теперь я король, и ты поступишь так, как я велю!

Я был на два пальца выше его. Мне случалось и раньше смотреть в глаза королей и не отводить взгляда, а он был совсем еще юн. Я переждал какое-то время, потом мягко ответил:

– Я твой слуга, Артур, но прежде всего я слуга бога. Не навязывай мне выбора. Я не могу воспрепятствовать божьей воле.

Он еще мгновение смотрел мне в глаза, потом глубоко вздохнул и опустил взгляд, будто тяжелый груз.

– Это его воля? Гибель того самого королевства, которое он, по твоим же словам, назначил мне построить?

– Если он назначил тебе его построить, значит так оно и будет, ты его построишь. Артур, мне самому это непонятно, я не хочу от тебя скрывать. Могу только сказать тебе: выжди, как

выжидаю я, и положишься на время. Веди себя так, как и прежде, а это все отложи и забудь. Предоставь эту заботу мне.

– А ты что сделаешь?

– Отправлюсь на север.

Минута бешеного молчания. Затем он спросил:

– В Лотиан? Но ведь ты сказал, что не поедешь.

– Нет. Я сказал, что не предприму ничего, чтобы убить младенца. Но я могу следить за Моргаузой, дабы со временем, быть может, лучше понять, как мы должны поступить. А тебе буду присылать известия.

Снова молчание. И наконец тревога отпустила его, он отвернулся, принялся развязывать пояс.

– Ну хорошо, – проговорил он, хотел было еще что-то спросить, но удержался и только посмотрел на меня с улыбкой. Попробовав на мне кнут, он теперь хотел вернуться к прежнему добру и доверию. – Но пока длятся празднества, ты не уедешь? Я, если позволят дела военные, должен буду пробыть здесь восемь дней, прежде чем снова сяду на коня.

– Я полагаю, что мне лучше отбыть немедленно. Пока Лот здесь, надо воспользоваться его отсутствием. Я скроюсь там где-нибудь и буду следить и ждать и посмотрю, что можно сделать. С твоего соизволения, я выеду завтра же с утра.

– А кто с тобой поедет?

– Никто. Я привык путешествовать в одиночку.

– Надо, чтобы тебя кто-то сопровождал. Это ведь не то что поездка в Маридунум. И потом, а вдруг тебе понадобится послать известие?

– Передам с твоими гонцами.

– И все же... – Он развязал наконец пояс, швырнул его на кресло и позвал: – Ульфин!

За стеной послышалось движение, осторожные шаги, и на пороге опочивальни, подавив зевок, появился Ульфин со спальными одеждами, переброшенными через руку.

– Да, милорд?

– Ты все время был здесь? – резко спросил я.

Ульфин, не меняя каменного выражения лица, протянул руку, отстегнул пряжку на плече у короля и освободил его от бремени парадного одеяния.

– Я спал, милорд.

Артур сел в кресло и протянул одну ногу. Ульфин, преклонив колени, стал разувать ее.

– Ульфин, мой кузен принц Мерлин завтра поутру отправляется в поездку, которая, быть может, окажется долгой и трудной. Мне будет очень не хватать тебя, но я хочу, чтобы ты его сопровождал.

Ульфин, коленопреклоненный, с башмаком в руке, поднял на меня глаза и улыбнулся:

– Охотно, милорд.

– Разве ты не должен оставаться при короле? – возразил было я. – Сейчас как раз такие дни...

– Я делаю, как он велит, – просто ответил мне Ульфин и наклонился ко второй ноге.

«Как и ты, в конечном счете». Этих слов Артур вслух не произнес, но они читались в быстром взгляде, который он бросил на меня, снова поднявшись на ноги и предоставляя Ульфину облачить его в спальные одежды.

Я сдался:

– Ну хорошо. Я буду рад иметь тебя моим спутником. Мы выезжаем завтра же, и должен предупредить тебя, что отсутствие наше может затянуться.

Я дал ему необходимые наставления, затем снова обратился к Артуру:

– А теперь мне пора идти. Едва ли я еще увижу тебя до отъезда. Я пришлю тебе весть при первой же возможности. Где ты находишься, мне будет, уж конечно, известно.

– Да, уж конечно, – повторил он, и голос его прозвучал воинственно и грозно. – А сейчас ты можешь еще уделить мне несколько минут? Спасибо, Ульфин, теперь оставь нас. Тебе тоже надо еще собраться в дорогу. Пойдем, Мерлин, я покажу тебе мою новую игрушку.

– Еще одну игрушку?

– Еще одну? А, ты намекаешь на конницу! А ты видел ли лошадей, которых привез Бедуир?

– Нет еще. Мне говорил о них Валерий.

Глаза Артура зажглись.

– Они бесподобны! Быстрые, горячие, чуткие. Говорят, они могут, если надо, обходиться без зерна, одним сеном, и столько в них пыла, что, проскакав галопом хоть целый день, будут потом сражаться вместе со всадником насмерть. Бедуир привез с конями и конюхов. И если то, что они говорят, правда, значит у нас будет конница, способная завоевать мир! Он привез двух обьежженных жеребцов, оба белой масти и такие красивые, даже краше моего Канрита. Бедуир выбрал их лично для меня. Пожалуй сюда. – С этими словами Артур подвел меня к завешенному выходу на крытую галерею. – У меня еще не было времени их испытать, но неужели я не смогу завтра сбросить свои цепи хотя бы на час или два?

Это было сказано голосом непоседливого мальчишки. Я засмеялся:

– Авось да сможешь. А я счастливее короля: я завтра буду уже в пути.

– На своем старом вороном мерине?

– Нет, еще того хуже. На муле.

– На муле? А-а, ну да. Под чужим облищем?

– Придется. Не могу же я приехать в твердыню Лотиана как принц Мерлин.

– Смотри, остерегайся. Ты уверен, что тебе не нужен эскорт, хотя бы на первую часть пути?

– Уверен. Со мной ничего не случится. А что ты хотел мне показать?

– Всего только карту. Смотри.

Он раздвинул занавесь. За ней была маленькая комнатка, вернее, широкое крыльцо, выходящее на внутренний дворик. Свет от полыхающих факелов играл на остриях пик в руках у стражников; не считая их, дворик и крыльцо были пусты. Перед нами стоял один только грубо вытесанный дубовый стол. Обычно на такие столы насыпают сухой песок в мелком блюде, чтобы на песке прочерчивать схемы и карты. Но тут лежала готовая глиняная карта, искусный скульптор вылепил горы и долины, реки и берега, так что глазу открывалась разом вся британская земля, как ее видели из поднебесья высоко летящие птицы.

Артур очень обрадовался моей похвале:

– Ага! Я знал, что тебе будет интересно. Ее только вчера закончили. Замечательно, да? Помнишь, как ты учил меня чертить карты на земле? А вот это куда лучше, чем сгребать в кучки сухой песок, который осыпается от неосторожного дыхания. Разумеется, можно вносить дополнения, когда мы сделаем новые открытия. Что там севернее Стрэтклайда, никто не знает. Но, слава богу, то, что севернее Стрэтклайда, меня сейчас не беспокоит. Во всяком случае, пока. – Он потрогал пальцем деревянный раскрашенный клинышек в виде красного дракончика, воткнутый в карту под надписью «Каэрлеон». – Ну, покажи мне, каким путем ты намерен завтра ехать?

– Западной дорогой, я полагал, через Дэву и Бремет. Мне еще надо будет заехать в Виндоланду.

Он провел пальцем с юга на север, достиг Бреметеннакума (который коротко называют Бремет) и остановился.

– Выполни одну мою просьбу, ладно?

– Охотно.

– Поезжай восточной дорогой. Она немногим длиннее, зато почти всюду гораздо исправнее. Вот здесь, видишь? Если у Бремента ты свернешь, то эта дорога проведет тебя через проход между горами. – Он повел пальцем вправо: на восток от Бреметеннакума, по древней дороге вдоль реки Трибуит, затем через горный перевал и вниз мимо Оликаны в долину Йорка. – Оттуда начинается старый Дерийский тракт, все еще в хорошем состоянии, прямой как стрела, он ведет до Корстопитума, где пересекает Адрианов вал, и дальше на север, прямо в Манау-Гуотодин, где находится Лотов стольный город Дунпелдир. Чтобы съездить в Виндоланду, тебе придется здесь свернуть, а потом тем же путем возвратиться на главную дорогу, там недалеко. Во времени ты не проиграешь. Мне важно, чтобы ты ехал через Пеннинский проход. Сам я там не был, но мне докладывали, что проезд там вполне возможен для двоих, а вот конный отряд не пройдет из-за осыпей и обвалов. Я пошлю туда людей, чтобы расчистили путь. И придется, должно быть, возвести там укрепления... Ты согласен? Когда восточное побережье почти повсеместно открыто для вторжения врага, если ему еще удастся закрепиться на восточной равнине, это откроет ему путь на запад, в самое сердце нашей страны. Там уже стоят два форта, говорят, их легко привести в порядок. Я хочу, чтобы ты проездом на них посмотрел. Задерживаться тебе там не надо, мне доложат подробности потом, но, если ты сможешь проехать теми местами, я бы хотел узнать твоё мнение.

– Ты его узнаешь.

Он поднял голову от глиняной карты, и в эту минуту где-то в городе запел петух. Воздух вокруг посерел. Артур тихо сказал:

– Что до остального, о чем у нас был разговор, то я отдаю себя в твои руки. И видит Бог, мне следует за это благодарить судьбу. – Он улыбнулся. – А теперь надо все-таки пойти поспать. Тебе предстоит путешествие, а мне еще один день праздника. Завидую тебе! Доброй ночи. И да хранит тебя Бог!

Глава 8

На следующее утро, взяв с собой двухдневный запас провизии и трех крепких мулов из армейского обоза, мы с Ульфином выехали на север.

Мне и раньше приходилось совершать путешествия при обстоятельствах столь же опасных, когда быть узанным означало беду, иногда даже смерть. Я поневоле сделался мастером менять обличье, отчего пошла легенда, что будто бы маг Мерлин умеет раствориться в воздухе, когда надо избежать преследования. Я в совершенстве овладел искусством прятаться на местности – я просто брал в руки орудия какого-нибудь ремесла и целые дни толкался там, где никто бы не предположил присутствия принца. Если ты несешь на себе знак своего труда, люди смотрят не на тебя, а на то, что ты умеешь делать. Мне случалось быть странствующим певцом, чтобы входить и в королевские палаты, и в скромную таверну; но чаще всего я прикидывался знахарем или глазным лекарем. Это обличье подходило мне лучше всего. Оно позволяло пускать в ход мои познания и помогать тем, кто нуждался в помощи, то есть беднякам, и одновременно открывало доступ в любые дома, кроме самых богатых.

Вот и теперь я оделся врачом. Правда, я захватил с собой маленькую арфу, но только для развлечения: воспользоваться своим певческим искусством и так заслужить приглашение ко двору Лота я бы не отважился. И потому я подвесил зачехленную и замотанную до неузнаваемости арфу к потертому седлу мула, тащившего поклажу, а коробочки с мазями и узелок с инструментами выставил на обозрение всем.

Первая часть нашей дороги была мне хорошо известна, но после Бреметеннакума, когда мы свернули к Пеннинскому проходу, местность пошла незнакомая.

Проход образуют долины трех больших рек. Две из них – Уорф и Изара – берут начало в известняках на пеннинских вершинах и текут, петляя, на восток. А третья, принимая в себя

по пути бесчисленные малые ручьи и речушки, могучим потоком течет к западу. Называется она Трибуит. Стоит только вражескому войску перебраться через Пеннинский проход, и перед ним откроется путь по долине Трибуита к последним оплотам на западном побережье Британии.

Артур упомянул о двух фортах, расположенных в проходе. Из досужих разговоров с местными людьми в таверне Бреметеннакума я узнал, что в прежние времена существовал еще и третий форт, охранявший выход из ущелья в долину, где Трибуит разливается, замедляя свой ход на запад, к низинам и дальше к морю. Этот форт служил когда-то римлянам как временный походный лагерь, насыпи и деревянные постройки, должно быть, уже разрушились, но я подумал, что дорогу, ведущую к третьему форту, стоит осмотреть попристальнее, и, если она окажется в приемлемом состоянии, конное войско, отправленное из Регеда на защиту прохода, сможет по ней срезать изрядный угол.

Путь из Регеда через Оликану в Йорк. Именно так должна была ехать Моргауза на встречу с Лотом.

Решено. Я тоже поеду этой дорогой, недаром она мне привиделась ночью в святилище Ноденса. Если сон мой был вещим – а я в этом не сомневался, – то мне надо будет там еще кое-что выяснить.

Выехав из Бреметеннакума, мы сразу же свернули с главной дороги и поехали вверх по долине Трибуита. Под копытами мулов шуршал гравий заброшенной римской дороги. К вечеру мы добрались до бывшего лагеря.

Как я и ожидал, от старых построек мало что осталось, только виднелись следы земляных насыпей и рвов да на месте ворот догнивала гряда бревен. Но, как всегда у римлян, местоположение было выбрано очень удачно – на краю возвышенности, и во все стороны открывается широкая безлесная равнина. С одной стороны внизу протекает ручей, с другой – река, которая несет свои воды по равнине к морю. Здесь, так далеко на западе, для защиты от врагов этот форт, даст бог, не понадобится, а вот как перевалочная станция для конницы или как временная крепость для вылазок через Пеннинский проход он был бы очень удобен.

Как он назывался, ни один человек в тех местах уже не помнил. И, составляя в тот вечер донесение для Артура, я обозначил его просто как форт Трибуит.

На следующий день мы поехали через равнину к первому из тех фортов, о которых упомянул Артур. Он расположен на болотистом берегу ручья у начала подъема к перевалу. Ручей перед фортом растекался озерком, которое дало имя этому форту. Сильно разрушенный, он, по моим понятиям, мог быть тем не менее довольно быстро отстроен. На дне ущелья было сколько угодно дерева и каменных глыб, а на равнине можно было нарезать толстого верескового дерна.

Мы добрались туда под вечер, погожий и ароматный, и решили устроить себе ночлег под прикрытием сохранившихся стен. А утром начали подъем через хребет к Оликане.

К полудню мы оставили позади лес и оказались среди безлесных, поросших вереском склонов. День был ясный, горный туман расползлся, оставляя на кустах бусинки искристых капель, и из каждой расселины, звеня, бежали струйки воды, спеша излиться в молодую речку. Звенело и небо, оттуда, как бы соскальзывая по струнам своих звонких песен, слетали на гнезда в траве голосистые жаворонки. Мы видели, как через дорогу перебежала волчица с отвислыми млечными сосцами, неся в пасти зайца. Она бросила на нас безразличный взгляд и исчезла в тумане.

Это была заброшенная дорога, волчья тропа вроде тех, которые так любит Древний народ. Я все время поглядывал наверх, туда, откуда начинались осыпи, но нигде не замечал ничего, что походило бы на их высокогорные недоступные жилища. Это вовсе не значило, конечно, что за каждым нашим шагом не следят внимательные глаза. И уж конечно, слух о том, что маг Мерлин тайно пробирается на север, летел впереди нас на крыльях ветра. Меня это не беспокоило. От Древних не может быть тайн: им известно обо всем, что происходит в лесах

и на склонах гор. У меня с ними давно уже было установлено согласие, и к Артуру они тоже питали доверие.

Мы выехали на просторную возвышенность. Я огляделся по сторонам. Под прямыми лучами высокого солнца утренний туман окончательно растаял. Вокруг нас простиралось ровное плато, на нем лишь кое-где торчали серые каменные глыбы и бурые заросли папоротника, а вдали, окутанные дымкой, синели высокие хребты и вершины. Слева земля отлого спускалась вниз, к широкой долине Изары, воды которой поблескивали меж древесных стволов.

Картина была нисколько не похожа на мое давешнее, затуманенное дождями видение, однако вот он, дорожный столб с надписью «ОЛИКАНА», а вот и тропа, уходящая от дороги влево и круто вниз, к деревьям над рекой. И там, за деревьями, проглядывают сквозь листву стены какого-то основательного строения.

Ульфин, поравнявшись со мною на своем муле, указал мне рукой вниз:

– Знать бы вчера вечером, мы бы провели ночь в тепле и уюте.

Я задумчиво ответил:

– Не уверен. Может быть, оно и к лучшему, что мы переночевали под открытым небом. Он искоса вопросительно взглянул на меня:

– А я думал, ты не бывал в здешних местах, милорд! Ты хорошо знаешь эту дорогу?

– Имею о ней сведения, скажем так. И хотел бы изучить ее получше. Когда в следующий раз будем проезжать через деревню или увидим пастуха на горе, постарайся узнать, кому принадлежит тот дом.

Он опять на меня покосился, но не сказал больше ни слова, и мы молча продолжали путь.

Оликана – второй из названных Артуром фортов – находилась миль на десять восточнее. К моему удивлению, дорога, ведущая к ней сначала круто под гору, а потом через болото, была в отличном состоянии. Рвы и валы тоже оказались в исправности. Через Изару был проложен надежный бревенчатый мост, а брод через впадающую в нее здесь речку расчищен и вымощен камнями. Поэтому путь наш был недолгим, и еще до наступления вечера мы очутились в населенных местах. Вокруг Оликаны вырос целый город, и мы нашли себе пристанище в гарнизонной таверне у крепостной стены.

Убедившись в исправном состоянии дороги и в том, что на улицах и центральной площади города царит порядок, я без удивления обнаружил, что и крепостные сооружения тоже содержатся в полной исправности. Ворота и мосты были все новые, железные решетки словно только что из-под кузнечного молота. Задавая как бы невзначай осторожные вопросы и прислушиваясь к разговорам за обеденным столом в таверне, я выяснил, что гарнизон был здесь поставлен в Утеровы времена и ему была определена задача сторожить дорогу через Пеннинский проход и не спускать глаз с сигнальных башен на востоке. Это было сделано в суровую годину саксонской напасти, но те же люди служили в крепости и сегодня, давно отчаявшись дожидаться подмены, истосковавшись без дела, но тем не менее блюдя безупречный порядок под командой гарнизонного начальника, явно заслуживавшего назначения получше, чем комендантство в этой сонной крепости на краю света.

Простейший способ получить требующиеся мне сведения состоял в том, чтобы открыться начальнику гарнизона, расспросить его и затем поручить ему отправку моего донесения королю. Итак, оставив Ульфина в таверне, я явился в караульное помещение и показал там пропуск, которым снабдил меня Артур.

Меня пропустили сразу же, не посмотрев на мои бедные одежды и не промедлив из-за того, что я отказался назваться, пока не увижу их командира: как видно, гонцы здесь были не в диковинку. Притом тайные. Но с королем эта забытая крепость связи не имела, по крайней мере ни я сам, ни военные советники короля о ней даже не слыхали, а в таком случае эти тайные посетители могли быть только лазутчиками и соглядатаями. Мне не терпелось скорее познакомиться с начальником гарнизона.

Правда, перед тем как впустить, меня обыскали, но этого и следовало ожидать. Затем двое стражников провели меня к дому коменданта. По дороге я осмотрелся по сторонам. Повсюду полыхали факелы, и я мог видеть, что проезды, дворы, колодцы, плац для учений, мастерские, казармы – все было в безупречном порядке. Мы миновали кузницы, шорни, плотничьи дворы. На амбарах висели массивные замки, из чего я заключил, что запасы стоят нетронутые. Крепость оказалась невелика, но гарнизон и того меньше. Разместить здесь Артурову конницу не составит труда.

Мой пропуск взяли и унесли в дом. Немного погодя меня ввели к коменданту. Стражники немедленно удалились, что говорило само за себя: я понял, что им не впервой приводить сюда лазутчиков, и большей частью именно ночью, под покровом темноты.

Комендант принял меня стоя – из уважения не ко мне, а к королевской печати. Первое, что меня поразило, – это его молодость. Ему было самое большее года двадцать два. Потом я заметил, что у него усталый вид: трудная служба наложила на лицо свой отпечаток – юный возраст, одиночество, под началом грубые, истомившиеся без дела солдаты и постоянная угроза с востока, где на побережье то и дело накатывают вражьи силы, так что приходится быть начеку день за днем, зимой и летом, без подмоги и поддержки. Как видно, отправив его сюда четыре года назад – четыре года! – Утер и впрямь забыл о его существовании.

– У тебя есть новости для меня? – спросил он тусклым голосом, за которым не крылось ни малейшего волнения: он уже давно ни на что не надеялся.

– Я сообщу тебе все, что знаю, но сначала должен выполнить данное поручение. Я сам прислан сюда, дабы получить сведения от тебя, если ты согласишься мне их предоставить. Затем я должен буду приготовить донесение верховному королю. Было бы весьма желательно отправить отсюда гонца, которому я поручу свое послание.

– Это можно сделать. Прямо сейчас? Гонец будет готов через полчаса.

– Нет. Такой спешки нет. Сначала, если можно, побеседуем.

Он сел и жестом пригласил меня устроиться в кресле. Только теперь в его взгляде появился проблеск интереса.

– Донесение про Оликану? Могу ли я знать, в связи с чем?

– Разумеется, я готов тебе ответить. Король повелел мне разузнать об этой крепости все, что возможно. Как и о той, разрушенной, что стояла когда-то у начала Пеннинского прохода, ее называют Озерный форт.

– Да, я знаю, – кивнул он. – Он лежит в развалинах уже добрых две сотни лет. Его разрушили и забросили во время восстания бригантов. Оликане выпала та же участь, но потом, по велению Амброзия, она была отстроена заново. Он и Озерный форт, как я слышал, тоже намеревался восстановить. Если бы мне была дана власть, я бы мог... – Он не договорил. – Ну да ладно. Ты прибыл из Бремета? Тогда ты заметил, наверно, милях в двух-трех к северу еще один форт – сейчас там ничего нет, только насыпь, но, на мой взгляд, он имеет важное значение для обороны прохода. Амброзий, должно быть, это понимал. Он считал, что Пеннинский проход – это ключ к его обороне.

Комендант не сделал почти никакого нажима на слове «он», однако намек его был мне ясен: Утер не только забыл про Оликану с ее гарнизоном, но и вообще упустил из виду военное значение Пеннинского прохода. А мой молодой собеседник, одинокий и от всех оторванный, его ясно понимает.

Я поспешил сказать:

– Теперешний верховный король тоже так считает. Он хочет снова укрепить проход, и не только чтобы иметь возможность запереть его на случай угрозы с востока, но и для того, чтобы через него выводить войска в наступление. А мне он поручил посмотреть, что с этой целью следует сделать. Я полагаю, что вскоре после того, как будут получены и рассмотрены

мои донесения, сюда прибудут землемеры и расчетчики. Ваша крепость находится в исправном состоянии, что будет для короля приятной неожиданностью.

Потом я рассказал ему о намерении Артура создать конные отряды. Он слушал с жадностью, забыв про скуку, задавал вопросы, и видно было, что он отлично разбирается в положении дел на восточном побережье. При этом он выказал замечательную осведомленность о действиях и военных приемах саксов.

Но это я отложил до поры и стал расспрашивать его об оснащении и запасах Оликаны. Он тут же вскочил, подошел к поставцу, на дверцах которого тоже болтался тяжелый замок, отпер его и вынул таблицы и свитки, содержавшие в подробностях все необходимые мне сведения.

Я углубился в их изучение, но вскоре заметил, что он дожидается с еще какими-то записями в руках.

– Я полагаю... – неуверенно начал он. Но потом решился и продолжал уже настойчивее: – Я не думаю, что в последние годы своего правления король Утер правильно оценивал военное значение дороги через Пеннинский проход. Когда меня совсем еще молодым прислали сюда, я воспринял это назначение всего лишь как учебное. Здешняя крепость в дальнем порубежье мало чем отличалась в то время от соседнего Озерного форта, вернее, от его развалин... Не так-то легко было привести ее в надлежащий вид. Ну а потом ты знаешь, милорд, что было: война отодвинулась к северу и к югу, король Утер занемог, в стране пошли раздоры. Про нас, как видно, было забыто. Я отправлял время от времени гонцов с вестями, но не получал ответа. И тогда, для собственного осведомления и, признаюсь, развлечения, я стал посылать людей – не солдат, а мальчишек из города, которые побойчее, – собирать сведения. Я виноват, знаю, но...

Он замолчал.

– Ты эти сведения оставлял при себе? – спросил я.

– Но не из дурных побуждений, – поспешил он оправдаться. – Один раз я отправил с гонцом известие, которое считал важным, но ни о гонце, ни о донесении больше не было ни слуху ни духу. С тех пор я воздерживаюсь доверять важные вести гонцам, ведь до короля они, может быть, даже и не доходят.

– Могу уверить тебя, что моим письмам, только бы их довели, король окажет полное и безотлагательное внимание.

Во все время нашего разговора комендант украдкой недоуменно разглядывал меня: я держал себя так, как предписывало мое скромное обличье. Потом, потупясь, он негромко произнес:

– Королевская грамота и печать диктуют мне безоговорочное к тебе доверие. А имя твое мне не дозволено будет узнать?

– Если тебе угодно, я его открою. Но лишь тебе одному. Ты дашь мне слово?

Он чуть заметно пожал плечом:

– Разумеется.

– В таком случае я – Мирддин Эмрис, проще – Мерлин. Но сейчас я совершаю путешествие под именем Эмриса, странствующего врача.

– Господин...

– Нет-нет, – остановил его я. – Сядь. Я сказал тебе это затем лишь, чтобы ты не сомневался: собранные тобою сведения попадут прямо к королю и в кратчайший срок. А теперь я хотел бы посмотреть эти записи.

Он разложил передо мною листы, и я углубился в них. Карты укреплений, численность войск и оружия, передвижение отрядов, запасы, корабли...

Изумленный, я поднял голову:

– Но ведь это позиции саксов?

Он кивнул:

– И притом данные самые свежие. Мне посчастливилось нынешним летом: меня связали – не важно как – с одним человеком из союзных саксов третьего поколения. Многие из тех, чьи предки давно осели на наших берегах, и он в их числе, заинтересованы в том, чтобы все оставалось как есть. Союзные саксы блюдают давний договор свято. И к тому же, – улыбка тронула его суровый молодой рот, – к тому же они не доверяют пришельцам. Иным из заморских гостей все равно, кого сгонять с насиженных мест, богатых ли союзных саксов или британцев.

– Значит, эти сведения – от него? И ты считаешь, что на него можно положиться?

– Думаю, что да. То, что мне удалось проверить самому, подтвердилось. Не знаю, какими данными и насколько свежими располагает верховный король, но мне кажется, надо обратить его внимание вот на это... вот тут говорится про Элезу и Кердика Элезинга, что означает...

– Сын Элезы, я знаю. А Элеза – это другое имя нашего давнего друга Эозы?

– Верно, милорд. Сына Хорзы. Ты, конечно, знаешь, что после того, как он вместе с родичем своим Октой сбежал из темницы Утера, Окта в Рутупиях умер, но Эоза добрался до Германии и поднял Колгрима и Бадульфа, сыновей Окты, на войну против наших северных пределов... Но вот чего ты, быть может, не знаешь, это что Окта, умирая, провозгласил себя здесь, на нашей земле, королем. Это означало всего только подтверждение титула вождя саксов, который он носил как сын Хенгиста; ни Колгрим, ни Бадульф не придавали ему особого значения, но теперь их обоих уже нет, и вот...

– Эоза выдвинул те же притязания? Понимаю. И успешно?

– Кажется, да. Он именует себя королем западных саксов, а его юный сын Кердик прозывается Этелинг, то есть потомок какого-то их давнего героя или полубога. Прием обычный, но дело в том, что их люди поверили. Саксонские вторжения сразу предстали в новом свете.

– Тут и верность союзных саксов может покачнуться.

– Об этом и речь. Эозу и Кердика все почитают. Сам понимаешь – короли. Союзным саксам они обещали соблюдение их прав и порядка, новым захватчикам грозят беспощадной войной. В этом что-то есть. Я хочу сказать, что Эоза не просто хитрый грабитель чужих берегов. Он положил начало легендам о героях-королях, король у них теперь – признанный законодатель, обладающий властью даже изменять прежние обычаи. Например, обычай хоронить мертвецов. Теперь они мертвых, по моим сведениям, больше не сжигают и даже не закапывают вместе со всеми доспехами и ценностями, как у них повелось исстари. Кердик Этелинг объявил, что это расточительство. – Молодые губы моего собеседника снова тронула невеселая усмешка. – Теперь их жрецы творят над оружием умерших ритуал очищения, и оно опять идет в дело. Они даже уверовали, что копье, которым пользовался доблестный боец, придаст доблести и своему новому владельцу... А оружие, взятое у побежденного, постарается отличиться, чтобы смыть с себя позор. Это опасные люди, говорю тебе. Может быть, самые опасные после Хенгиста.

Я выразил ему свое восхищение:

– Можешь не сомневаться, что король тоже оценит твои сведения по достоинству, как только ознакомится с ними. Ты ведь сам понимаешь, насколько они важны. Сколько времени тебе понадобится, чтобы сделать копии?

– Копии у меня есть. А эти записи можно послать королю безотлагательно.

– Отлично. А сейчас, если позволишь, я добавлю несколько слов от себя и приложу еще мое собственное донесение об Озерном форте.

Он принес мне письменные принадлежности, поставил на стол и шагнул к двери.

– Пойду распоряжусь насчет гонца.

– Благодарю. Но одну минуту...

Он остановился в дверях. Мы разговаривали с ним по-латыни, но в его выговоре было что-то, что выдавало уроженца запада. Я сказал:

– В таверне я слышал, что твое имя – Геронтий. Ошибусь ли я, если предположу, что прежде оно было Герейнт?

Он широко, наконец-то молодо улыбнулся:

– И было, и есть, милорд.

– Артур будет рад узнать это имя, – сказал я и занялся письмом.

Он постоял мгновение, потом распахнул двери и передал кому-то невидимому свои распоряжения. Вернулся в комнату, подошел к стоящему в углу столику, налил в кубок вина и поставил передо мной. Я слышал, как он набрал в грудь воздуху, чтобы заговорить, но так ничего и не сказал.

Я кончил писать. В это время он снова подошел к двери и впустил какого-то невидного, жилистого паренька, хотя и заспанного, но в полном дорожном снаряжении. При нем была сумка для писем, запирающаяся крепким замком. Он готов ехать, сказал гонец, запихивая в сумку переданные Герейнтом пакеты; поесть он может по дороге.

Герейнт дал ему подробные наставления, и я еще раз убедился, как хорошо он обо всем осведомлен.

– Лучше всего поезжай в Линдум. Король должен был уже покинуть Каэрлеон и двинуться обратно к Линнуису, так что в Линдуме ты сможешь узнать его местонахождение.

Гонец кивнул в ответ и тут же удалился. Так через каких-то несколько часов после моего прибытия в Оликану мое донесение королю (а с ним еще гораздо более важные известия) было уже в пути. Теперь, на досуге, я мог подумать о Дунпелдире и о том, что меня там ждет.

Но прежде надо было отблагодарить Герейнта за службу. Он налил еще вина и, сев передо мной, забросал меня вопросами, с жадностью, от которой сам успел отвыкнуть, слушая о том, как Артур был провозглашен королем под Лугуваллиумом и что происходило потом в Каэрлеоне. Герейнт заслужил эту беседу, и я не скупился. Только уже перед полуночной стражей я сам задал вопрос:

– Вскоре после битвы под Лугуваллиумом не проезжал ли Лот Лотианский в здешних местах?

– Проезжал, но не через Оликану. Есть старая дорога, сейчас это почти тропа, которая отходит от главной дороги и ведет правее. Проезд там плохой, по краю топкого болота, так что редко кто на нее сворачивает, хотя она и срезает угол, если двигаться на север.

– А Лот свернул, хотя двигался не на север, а на юг, в Йорк. Почему бы это, как ты полагаешь? Чтобы его не видели в Оликане?

– Это мне в голову не приходило, – ответил Герейнт. – Вернее, тогда не приходило... У него на той старой дороге есть свой дом. И понятно, что он свернул, чтобы остановиться в нем, а не в городе.

– Свой дом? Ах да. Я же его видел с перевала. Уютный уголок, только очень уж отрезан от мира.

– Ну, он там не часто и бывает.

– Но ты знал, что он туда прибыл?

– Я многое знаю из того, что происходит в наших местах, почти все, – ответил он и кивнул на запертый поставец. – Как старой сплетнице, целые дни сидящей у своего порога, мне больше и делать нечего, как подглядывать за соседями.

– Похоже, что оно и к лучшему. Тогда ты, может быть, знаешь, с кем встретился Лот в своем доме на холмах?

Несколько мгновений он твердо смотрел мне в глаза. Потом улыбнулся и ответил:

– С некой дамой отчасти королевских кровей. Они приехали врозь и уехали врозь, но в Йорк прибыли вместе. – Тут он удивленно поднял брови. – Но ты-то каким путем об этом узнал, милорд?

– У меня есть свои пути.

– Да уж должно быть, – спокойно кивнул он. – Ну, во всяком случае, сейчас все улажено в глазах Бога и рода человеческого. Король Лотиана выехал с Артуром из Каэрлеона в Линнуис,

а молодая королева в Дунпелдире ждет, когда наступит срок родин. Что она ждет ребенка, ты, конечно, знаешь?

– Да.

– Они здесь и прежде встречались, – сказал Герейнт, как бы заключая: «И вот плоды этих встреч».

– Встречались? И часто? С какого времени?

– С тех пор как я прислан сюда, раза три или четыре. – Это прозвучало просто как деловой ответ на вопрос, а не как сплетня из таверны. – Один раз они тут прожили вместе целый месяц, только нигде не показывались, мы их не видели. Дозоры докладывали.

Я вспомнил опочивальню в царственных золотых и алых тонах. Значит, я был прав. Они давние любовники. И в сущности, я мог бы и не кривя душой убеждать Артура в том, что отец ребенка – Лот. Здесь, во всяком случае, считают так, о чем можно было судить по спокойному рассказу Герейнта.

– И вот теперь любовь все-таки восторжествовала над политикой. Не будет ли с моей стороны нескромностью спросить, гневался ли верховный король?

Он заслужил правдивый ответ, и я ответил:

– Гневался, разумеется, тому, как это все произошло, но теперь он считает, что все устроилось к лучшему. Моргауза – его единокровная сестра, так что союз короля с Лотом все равно подкреплен. А Моргана свободна и может заключить другой брак, когда представится подходящий случай.

– Регед? – сразу же предположил он.

– Возможно.

Он улыбнулся и переменял тему. Мы еще потолковали о том о сем, затем я поднялся.

– Скажи мне вот что, – попросил я на прощание, – известно ли тебе было, при твоей широкой осведомленности, о местонахождении Мерлина?

– Нет. Дозорные доносили о двух путниках, но кто это может быть – не знали.

– И куда направляются – тоже?

– Тоже.

Я был удовлетворен.

– Едва ли есть нужда повторять тебе, что никто не должен знать, кто я. И о нашем разговоре ты в донесениях не упоминай.

– Это я понял. Милорд...

– Да?

– Я о фортах на Трибуите и на озере. Ты говорил, что скоро приедут землемеры и расчетчики. Вот я и подумал, что мог бы взять подготовительные работы на себя и прямо сейчас отправить на место рабочие отряды для расчистки площади, рубки леса и дерна, заготовки строительного камня, рытья канав... Если ты дашь мне на то свое соизволение.

– Я? Но я не обладаю властью.

– Не обладаешь властью? Ты? – недоуменно повторил он. И тут же рассмеялся. – Ах, ну да, как же. Я не могу ссылаться на Мерлина, иначе люди начнут интересоваться, каким образом мне стала известна твоя воля. И глядишь, еще припомнят незаметного путника, продававшего травы и снадобья... Но поскольку этот незаметный путник привез мне грамоту от верховного короля, я, пожалуй, смогу пока действовать своей собственной властью.

– Да уж придется некоторое время, – сказал я и простился с ним очень довольный.

Глава 9

Мы ехали дальше на север. От Йорка начиналась старая римская дорога, которую здесь называют Дерийский тракт, ехать по нему было удобно, и потому мы продвигались быстро.

Ночевали, случалось, в тавернах, но чаще, по хорошей погоде, ехали до последнего света, а тогда съезжали на обочину и устраивались на ночлег под каким-нибудь цветущим кустом. Здесь, поужинав, я садился у потухающего костра и пел под звездными небесами, подыгрывая себе на маленькой арфе, а Ульфин слушал и мечтал о своем.

Он был приятным спутником. Мы знали друг друга с детства – с того времени, когда я сопровождал Амброзия в Бретани, где он собирал войско, чтобы отвоевать у Вортигерна Британию; а Ульфин маленьким рабом прислуживал моему наставнику Белазию. Жизнь мальчика в услужении у этого странного и жестокого человека была тяжелой, но после смерти Белазия Утер взял его к себе, и скоро Ульфин возвысился до положения доверенного слуги. Теперь это был темноволосый сероглазый мужчина лет тридцати пяти, тихий и неразговорчивый, какими бывают люди, сознающие, что обречены на одинокую жизнь. Годы, проведенные во власти извращенного Белазия, оставили на нем неизгладимый отпечаток.

Как-то вечером я сочинил песню и спел ее низким холмам Виновии, где по отлогим склонам, поросшим дроком и папоротником, и по широким вересковым пустошам с редкими соснами, ольхами да прозрачными купами берез струятся в узких лесистых оврагах чистые извилистые ручьи.

Мы устроились на ночлег в одном таком березнячке, где земля сухая, а тонкие гибкие ветви, недвижные в теплом вечернем воздухе, свисают вокруг шелковым шатром.

Вот моя песня. Я назвал ее Песней изгнания, позже мне случалось слышать ее с изменениями, обработанную знаменитым саксонским певцом, но первоначальный текст принадлежит мне:

Тот, кто одинок,
Часто ищет утешения
В милосердии
Создателя, Господа Бога.
Печален, печален верный друг,
Переживший своего господина.

Мир для него пуст,
Подобно стене под порывами ветра,
Подобно брошенному замку,
Где сквозь оконные переплеты сыплется снег
И на сломанном ложе
И в остывшем очаге
Выросли целые сугробы.
Увы, золотая чаша!
Увы, зал для пиров!
Увы, меч, оборонявший овчарню и яблоневый сад
От волчьих когтей!
Умер волкоборец,
Законодатель и опора законов,
А вместо него на королевском престоле —
Сам же тоскливый волк
И с ним орел и ворон.

Я пел, поглощенный своей песней, а когда наконец замерла последняя нота и я, подняв голову, огляделся, оказалось, что, во-первых, Ульфин по ту сторону костра заслушался и по

щекам его бегут слезы, а во-вторых, что мы не одни. Ни Ульфин, ни я не заметили, как к нам по пружинящему мху подошли двое.

Ульфин увидел их одновременно со мной и вскочил, выхватив нож. Но было очевидно, что пришельцы не имеют худых намерений, и нож снова исчез в ножнах, прежде чем я успел сказать «убери» и прежде чем шедший впереди с улыбкой протянул раскрытую ладонь:

– Мы к вам с добром, добрые люди. Я любитель послушать музыку, а здесь, я слышу, у человека настоящий талант.

Я поблагодарил его, а он, словно сочтя мою благодарность за приглашение, подошел к костру и сел. Мальчик, сопровождавший его, сбросил с плеч на землю тяжелую ношу и тоже присел, но в отдалении от огня, хотя с приходом ночи поднялся прохладный ветер и горящие дрова манили погреться.

Наш гость был невысокий мужчина в летах, с подстриженной серебристой бородкой, из-под его густых лохматых бровей близоруко глядели живые карие глаза. Одежда его была запылена, но добротна, плащ из теплого сукна, мягкие сандалии и пояс – кожаные. Тонкой работы пряжка на поясе оказалась, как ни странно, золотой или же щедро позолоченной, плащ сколот круглой массивной фибулой, тоже золотой и столь же изысканной, в виде изогнутого филигранного трилистника в круге. Мальчик, которого я поначалу принял за его внука, был одет так же, но единственной драгоценностью в его костюме было некое подобие ладанки на тонкой цепочке вокруг шеи. Однако, когда мальчик протянул руку, чтобы развернуть одеяло для ночлега, рукав его задрался, и я увидел ниже локтя шрам, вернее, клеймо. Стало быть, это раб, и не только в прошлом, но и теперь, судя по тому, как он не решается подойти к костру, как без единого слова принялся разбирать поклажу. Выходит, что старик – человек с достатком.

– Ты разрешишь? – обратился он между тем ко мне. Наша простая одежда и скромное имущество: одеяла, расстеленные под березами, миски и кружки, потертые переметные мешки вместо подушек – все это подсказало ему, что мы его ровня, не более. – Мы немного сбились с пути и были рады услышать твою песню и увидеть костер. Значит, и большак где-то поблизости, решили мы, и вот мальчик говорит мне, что дорога и вправду проходит там, за рощей, благодарение Вулканову пламени! Оно хорошо, конечно, шагать напрямик через болота и вересковые пустоши, да только при свете дня, а ночью здесь опасно и человеку, и зверю...

Пока он разговаривал, Ульфин, по моему кивку, встал, принес бурдюк с вином и предложил гостю. Но тот не без самодовольства отказался:

– Нет, нет! Спасибо тебе, милорд, но пища и питье у нас с собой, нам нет нужды прибегать к твоему гостеприимству, разве только, если позволишь, мы воспользуемся на эту ночь твоим костром и твоим обществом. Мое имя – Бельтан, а моего слугу зовут Ниниан.

– А мы – Эмрис и Ульфин. Милости просим. Не выпьешь ли все же вина? У нас с собой довольно.

– У нас тоже. И наоборот, я обижусь, если вы оба не выпьете вместе с нами. Отличное вино, как, надеюсь, ты убедишься сам... – И через плечо: – Еды, мальчик, живо, и предложи господам вина, которое дал нам в дорогу комендант.

– Издалека ли ты идешь? – спросил я его.

Правила вежливости не позволяли прямо спрашивать путника, из какого места он отправился и куда держит путь. Но в то же время правила дорожной вежливости требуют от него подробного рассказа, пусть иной раз и откровенно вымышленного.

Бельтан ответил без запинки, жуя поданную мальчиком куриную ногу:

– Из Йорка. Провел там всю зиму. Обычно трогаюсь с места с приходом весны, но нынче задержался... Полный город народу... – Он прожевал, проглотил и внятно добавил: – Время было благоприятное, прибыльное, и я счел за благо остаться подольше.

– Ты пришел со стороны Катрета? – поинтересовался я.

Он говорил на бриттском языке, и я, следуя его примеру, выговорил это название на старинный манер. Римляне произносили «Катаракта».

– Нет, я избрал ту дорогу, что обходит равнину с востока. Но тебе ее не присоветую, милорд. Мы рады были свернуть на болотные тропы. Надеялись выйти на Дерийский тракт под Виновией. Но этот дурень, – он дернул плечом в сторону своего раба, – прозевал дорожный указатель. Мне приходится полагаться на него, сам я стал подслеповат и могу разглядеть разве только то, что у меня под самым носом, вот как этот кус курятины. Ну а Ниниан, как обычно, считал облака в небе, вместо того чтобы высматривать дорогу, и к сумеркам спохватились, а где находимся, неизвестно, и где город, позади ли, впереди, кто знает? Боюсь, что мы пропустили поворот, не так ли?

– Да, ты прав. Мы прошли через город еще засветло. Увы. У тебя в этом городе дела?

– У меня в каждом городе дела.

Он разговаривал на удивление спокойно и благодушно. И я порадовался за маленького раба. Тот, стоя у меня за плечом, наливал мне в кружку вино из бурдюка с самым сосредоточенным видом. Бельтан только напускает на себя строгость, подумал я, Ниниан вон совсем его не боится. Я поблагодарил, мальчик с улыбкой поднял взгляд – и я убедился, что строгость, выказанная Бельтаном, оправданна: мысли мальчика явно витали неведомо где, нежная, туманная улыбка была рассеянной, мечтательной. В тусклом свете костра и луны его серые глаза казались подернуты темной дымкой. Во всем его облике, в рассеянной грации его движений было что-то как будто знакомое... Дыхание ночи тронуло холодом мой затылок, и я почувствовал, как волосы у меня зашевелились, точно на заливке у лесного кота.

Мальчик молча отвернулся и склонился над кружкой Ульфина.

– Отведай, милорд, – приглашал меня между тем Бельтан. – Славное вино. Мне его дал один из гарнизонных командиров в Эборе... Где он сам его раздобыл, бог весть, такие вещи лучше не спрашивать, верно?

Он еле заметно подмигнул, вгрызаясь в куриную ногу.

Вино и вправду оказалось славное, темное, густое и ароматное, не уступавшее по вкусу лучшим винам, какие я пивал в Галлии или Греции. Я похвалил его, а про себя подумал: интересно, чем заслужил Бельтан такой ценный подарок?

– Ага! – все с тем же благодушным самодовольством проговорил Бельтан. – Теперь ты гадаешь, как мне удалось вырвать у него такое сокровище.

– Да, признаюсь, – с улыбкой ответил я. – А ты что же, чародей, читающий чужие мысли?

– Не совсем, – усмехнулся он. – Но я опять знаю, что ты сейчас думаешь.

– Что же?

– Ты ломаешь себе голову, не королевский ли маг сидит перед тобой в переодетом виде? Угадал? И вправду, только Мерлиновы чудеса могут заставить Витрувия отдать такое вино... Притом Мерлин, как и я, бродит по дорогам, похожий, говорят, просто на странствующего торговца, в сопровождении одного-единственного слуги, а то и вовсе один. Я прав?

– В оценке твоего вина – бесспорно, да. Должен ли я так тебя понять, что ты не просто «странствующий торговец»?

– Пожалуй, что так, – ответил он, кивая с важностью. – О Мерлине же я слышал, что он оставил Каэрлеон. Куда он направился и с какой целью, никто не знает, но это в его обычае. В Йорке говорят, что верховный король вернется в Линнуис к новолунию, а вот Мерлин взял да исчез на второй день после коронации. – Он перевел взгляд с меня на Ульфина. – А вы о нем ничего не слышали?

В его вопросе не содержалось никакого намека, но лишь любопытство, ведь странствующие мастера и торговцы собирают и разносят новости по всей земле, за что и встречают всюду радушный прием. Для них новости и слухи – просто ценный и ходкий товар.

Ульфин отрицательно потряс головой. Лицо у него было каменное. А мальчик Ниниан нашего разговора даже не слушал – он сидел, отвернувшись, и смотрел в душистый сумрак полей. Прозвучал переливчатый обрывок птичьей трели – пернатая полночица завопилась в гнезде, устраиваясь на ночлег. Лицо мальчика сразу озарилось мимолетной радостью, еле уловимой, неверной, как отблеск звезд на трепетных листьях берез над нашими головами. Вот оно, убежище Ниниана от сердитого хозяина и от утомительных ежедневных трудов.

– Мы пришли с запада, ты угадал, со стороны Дэвы, – ответил я на окольные вопросы Бельтана. – Но новости наши все, должно быть, устарели. Мы продвигались медленно. Я врач и путешествую от больного к больному.

– Вот как? Ну что ж, – сказал Бельтан и с аппетитом надкусил ячменную лепешку. – Зато мы непременно узнаем последние новости, когда доберемся до Корбриджа. Вы ведь тоже туда держите путь? Ну и прекрасно. Да ты не бойся стать моим спутником, я не маг и путешествую в собственном обличье. Даже если люди королевы Моргаузы вздумают сулить мне золото или грозить костром, я всегда смогу доказать им, что они обознались.

Ульфин поднял голову. А я только спросил:

– Как?

– Показав им свое искусство. Пусть говорят, что Мерлин может и то, и это, однако моим видом волшебства невозможно овладеть без обучения. А на это, – добавил он все с тем же веселым самодовольством, – уходит целая жизнь.

– Можно нам узнать, в чем твое искусство?

Мой вопрос был просто данью вежливости. Видно было, что Бельтан и без того собрался нас поразить.

– Сейчас я вам покажу. – Он торопливо дожевывал лепешку, утерся и сделал последний глоток вина. – Ниниан! Ниниан! Успеешь еще намечтаться. Вынь мешок да подбрось дров в костер. Мне нужен свет.

Ульфин подобрал сухой сук и бросил в огонь. Взметнулось пламя. Мальчик вытащил увесистый мешок, сшитый из мягкой кожи, и, опустившись рядом со мной на колени, развязал и распластал его в свете костра по земле.

В глазах зарыбило, засверкало: играли жаркие блики на золоте, пестрели черные и пурпурные эмали, переливчатые перламутры, густо-красные гранаты и синие стекляшки, вделанные в оправу или нанизанные на нить, – целая россыпь искусно сработанных украшений. Чего там только не было: броши и булавки, ожерелья, амулеты, пряжки для сандалий и поясов и одна пряжка для женского пояса в виде розетки из серебряных желудей. Броши и фибулы по большей части круглые, в три изогнутых лепестка, как у Бельтана на плаще, но были и старой формы – маленькие луки с тетивами, а также изображения животных, среди них один извивающийся прихотливыми кольцами дракончик, сделанный с поразительным искусством из перегородчатой эмали и выложенный гранатами.

Я поднял голову и встретился взглядом с Бельтаном – он смотрел на меня выжидающе. Я не обманул его ожиданий:

– Великолепная работа! Превосходная! Лучше я в жизни не видывал.

Он сиял простодушным удовольствием. А я, поняв, с кем имею дело, окончательно успокоился. Он был художником, а художники живут похвалой, как пчелы – нектаром. И, кроме собственного художества, их мало что занимает. Вот почему он не выказал интереса, когда я назвался ему врачом. Задал лишь несколько безобидных вопросов, охочий до любых новостей, как всякий странствующий мастер, ведь о событиях под Лугуваллиумом до сих пор рассказывали легенды по всей Британии, и разве не соблазнительно было бы узнать, где сейчас находится герой этих сказок, волшебник Мерлин? Можно было не сомневаться, что он не подозревает, кто я. Я стал расспрашивать о его работе, побуждаемый самым искренним интересом: я всегда старался, где можно, знакомиться с искусством других людей. Его ответы убедили

меня, что все эти украшения он сделал своими руками, а заодно и разъяснилось, за что ему было заплачено таким превосходным вином.

– А твои глаза? – спросил я. – Ты их испортил этой тонкой работой?

– Да нет. Я плохо вижу, но для ювелирного искусства – в самый раз. Наоборот, такое зрение в моем деле очень ценно. Даже теперь, когда я состарился, я вижу у себя под носом мельчайшие мелочи, но вот твое лицо, милорд, различаю смутно, ну а уж деревья, которые нас, как я полагаю, окружают... – Он улыбнулся и пожал плечами. – Потому-то мне и приходится держать при себе этого негодного ротозея. Он – мои глаза. Без него я совсем не мог бы путешествовать, хотя вот и с его помощью едва не запропал в болоте. Не такие здесь места, чтобы идти без дороги по топам.

Эти сердитые слова говорились им просто так, по привычке, мальчик Ниниан не обращал на них никакого внимания. Он воспользовался случаем подойти поближе к костру и грелся в его тепле.

– Что же дальше? – спросил я золотых дел мастера. – Такие изделия достойны королевского двора. Для городского рынка они, уж конечно, чересчур хороши. Куда же ты с ними идешь?

– И ты еще спрашиваешь? В Лотиан, в город Дунпелдир. Когда у короля молодая жена, да еще прекрасная собой, как весенняя купавка, и нежная, как цветущий подснежник, для нашей работы всенепременно найдется сбыт.

Я протянул ладони к огню.

– Ах да, – с деланным равнодушием проговорил я. – Он ведь женился в конце концов на Моргаузе. Сговорил одну принцессу, а повенчался с другой. Что-то я такое об этом слышал. Ты был там, когда играли свадьбу?

– А как же. Короля Лота нельзя винить, так все говорили. Пусть принцесса Моргана и собой хороша, и законная королевская дочь, но уж ее сестра... Знаешь, как о ней говорят? Ни один мужчина, тем более такой, как Лот Лотианский, не мог бы приблизиться к этой женщине и не возжелать ее.

– И твоего слабого зрения достало, чтобы в этом убедиться? – спросил я и заметил улыбку Ульфина.

– А на что мне зрение? – весело захохотал Бельтан. – Уши-то у меня есть. И я слышу людскую молву. А однажды я очутился вблизи молодой королевы, и почуял запах ее благово-ний, и заметил чудный блеск ее волос в солнечном луче, и услышал ее дивный голос. Я тогда велел мальчику описать мне ее и смастерил для нее вот эту цепочку. Как полагаешь, купит ее у меня король?

Я взял в руку прелестную вещицу. Золотые звеньшки были тоненькие, как шелковинка, а между ними в филигранной оправе сверкали розетки из жемчужин и топазов.

– Глупец будет, если не купит. Пусть только дама увидит ее первая, и тогда уж ему некуда будет деваться.

– На это у меня и расчет, – с улыбкой сказал он. – К тому времени, когда я доберусь до Дунпелдира, она уже оправится и станет снова думать о нарядах и украшениях. Ты ведь, конечно, слышал? Она две недели назад слегла родами, прежде срока.

Ульфин замер, и наступившая тишина прозвучала громче любого возгласа, так что Ниниан очнулся от грез и вскинул голову. Я против воли весь напрягся. Почувствовав, что возбудил особое внимание, золотых дел мастер довольно спросил:

– А ты что, разве не знал?

– Да нет. После Изуриума мы не останавливались в городах. Две недели? Это точно?

– Точно, милорд. Даже слишком точно, на взгляд иных. – Он засмеялся. – Кто и считать-то прежде не умел, куда ни посмотришь, целыми днями на пальцах высчитывали. Но под-считывай не подсчитывай, старайся не старайся, хоть из кожи вон, а все равно выходит, что

зачала она в сентябре. Это значит, под Лугуваллиумом, – мигнул старый сплетник, – когда помер король Утер.

– Возможно, – ответил я с полным безразличием. – А что король Лот? Я слышал, он отправился в Линнуис навстречу Артуру?

– Отправился, верно. Он, поди, еще и не слышал этой новости. Мы и сами ее узнали только в Элфете, когда останавливались там на ночлег. И как раз гонец королевы там проезжал, восточной дорогой. Что-то он такое говорил, что, мол, эта дорога безопаснее, но сдается мне, ему просто велено было слишком-то не спешить. Вроде бы и не так мало времени прошло со свадьбы, но пока известие достигнет ушей Лота...

– А дитя? – спросил я как бы невзначай. – Мальчик?

– Да, и поговаривают, хилый. Еще выйдет на поверку, что как Лот ни торопился, а наследника не получил.

– Э, ладно. Еще успеет. – Я переменял тему. – А ты не боишься вот так путешествовать, с эдаким драгоценным грузом?

– Признаюсь, чего уж там. Кошки на сердце скребли. Обычно летом, когда я запираю свою мастерскую и пускаюсь в странствия, я беру с собой только тот товар, что раскупают на базарах, ну да еще побрякушки разные для купеческих жен. Но нынешний год мне не повезло, я не управился закончить работу над этими украшениями, чтобы показать их королеве Моргаузе до ее отъезда на север. Вот и приходится мне нести их ей вслед. Ну, зато теперь мне привалила удача встретить такого честного попутчика, как ты. Не нужно быть Мерлином, чтобы понимать такие вещи... я отлично вижу, что ты человек честный и благородный, вроде меня. Но скажи мне, на завтрашний день удача меня не покинет? Будем ли мы иметь удовольствие, сударь мой, разделять ваше общество до Корбриджа?

На этот счет я уже успел принять решение:

– Хоть до самого Дунпелдира, если угодно. Я держу путь как раз туда. А если ты по дороге будешь делать остановки, чтобы торговать своим товаром, то меня и это не смущает, я получил недавно известие, что мне можно не спешить.

Он очень обрадовался и, по счастью, не заметил, как удивленно посмотрел на меня Ульф-фин. А я прикинул, что золотых дел мастер может мне быть полезен. Уж наверно, он не сидел бы до этих пор в Йорке, не заручившись от Моргаузы обещанием, что она допустит его к себе и посмотрит его изделия. Вскоре из его рассказа выяснилось, что я не ошибся. Почти без расспросов с моей стороны он словоохотливо описал мне, как сумел в Йорке познакомиться с юной служанкой Моргаузы Линд. В награду за пару дешевых побрякушек та взялась замолвить о нем слово перед королевой, и действительно, хотя сам Бельтан не был допущен пред очи королевы, Линд отнесла несколько вещей своей госпоже, и Моргауза заинтересовалась его работой. Все это он рассказывал мне со многими подробностями. Он болтал, а я молча слушал, а потом как бы между прочим спросил:

– Ты упомянул про Моргаузу и Мерлина. Она что же, разослала солдат искать его? Но зачем?

– Да нет, ты неверно меня понял. Я просто пошутил. В Йорке, прислушиваясь к людской молве, я узнал, что будто бы у нее с Мерлином была под Лугуваллиумом ссора и что с тех пор она якобы поминает его имя только с ненавистью, хотя прежде всегда выражала завистливое восхищение его искусством. Ну и потом, все сейчас гадали: куда он мог скрыться? Да только будь она хоть трижды королева, против такого человека она все равно бессильна.

«А ты, слава богу, изрядно подслеповат, – подумал я, – не то пришлось бы мне остерегаться такого проницательного всезнайки». Впрочем, хорошо, что судьба свела меня с ним. С такими мыслями я сидел и помалкивал, и наконец даже он почувствовал, что пора спать. Мы перестали подбрасывать сучья в костер и, завернувшись в одеяла, улеглись между корнями деревьев. Я лежал и размышлял о том, что, путешествуя вместе с настоящим странствующим

мастером, я буду правдоподобнее выглядеть в своем теперешнем обличье; к тому же он послужит при дворе Моргаузы если не моими глазами, то по крайней мере ушами, от него многое можно будет узнать. А Ниниан, который ему заменяет глаза? Снова словно бы холодное дыхание тронуло мне затылок, и все мои досужие предположения без следа растаяли, как тени при восходе солнца. «Что это? – мелькнула у меня мысль. – Предчувствие? Пробуждение прежних пророческих сил?» Но и эта мысль расплылась и растаяла под шелест ночного ветра в плакучих ветвях берез и шорох рассыпающихся пеплом головешек. Бессонная ночь обступила меня со всех сторон. Не хочу, не буду сейчас думать о хилом младенце в Дунпелдире. Но все-таки, а вдруг он не выживет и мне не надо будет из-за него ломать голову?

Но нет, я знал, что на это надеяться нечего.

Глава 10

От Виновии до крепостного городка Корбридж не будет и тридцати миль, но мы добились туда добрых шесть дней. Двигались мы не по прямой дороге, а всяческими окольными путями, сворачивая в каждую деревеньку, к каждому хутору.

Неторопливое наше путешествие было довольно приятным. Бельтану явно нравилось, что есть с кем поболтать, и жизнь Ниниана тоже стала легче, оттого что он перевалил на одного из наших мулов свою нелегкую ношу. Золотых дел мастер был, правда, чересчур разговорчив, но неизменно добродушен, к тому же его усердие и искусство заслуживали бесспорного уважения. Мы то и дело задерживались в каком-нибудь бедном селении, где он охотно брался за работу: что-то мастерил или чинил для его жителей; ну а уж в больших деревнях и в придорожных тавернах у него от заказчиков не было отбою.

Хватало дел и мальчику Ниниану, но в пути и во время ночных бесед у костра у нас с ним завязалась странная дружба. Он больше помалкивал, но, когда выяснилось, что мне знакомы нравы птиц и зверей, что как врачеватель я владею знаниями о травах да еще умею читать звездные письмена на ночном небе, он стал держаться поближе ко мне и даже, пересилив себя, обращался ко мне с расспросами. Оказалось, что он любит музыку и слух его верен; я показал ему, как настраивать струны моей арфы. Ни читать, ни писать он не умел, но, раз заинтересовавшись, выказал изрядную понятливость, которая со временем, при хорошем наставнике, могла бы расцвести пышным цветом. И в конце нашего путешествия я начал подумывать о том, что этим наставником мог бы быть я и что неплохо бы мне взять Ниниана – с согласия его хозяина – к себе в услужение. С этой мыслью я стал приглядываться в селениях и встречах каменоломнях, не найдется ли подходящего раба, которого я мог бы купить Бельтану, а Ниниана чтобы он отпустил ко мне.

Временами по-прежнему словно бы набегала на солнце тучка – я испытывал холодок смутного дурного предчувствия, тревоги и беспокойства. Где-то рядом притаилась угроза и высматривала место, чтобы нанести удар. Но предугадать, куда он придется, я не мог. Знал только, что это предчувствие относится не к Артуру. Ну а если к Моргаузе, будет еще время об этом позаботиться. Даже в Дунпелдире мне сейчас не страшно было появиться: у Моргаузы и без меня довольно хлопот, не последняя из них – предстоящее возвращение ее монаршего супруга, который тоже, не хуже прочих, умеет считать на пальцах.

И вообще-то, что мерещится мне, может быть, вовсе и не беда, а так, пустячная досада одного дня, о которой завтра и думать забудешь. Когда боги затмевают свет тенью предчувствия, всегда трудно понять, накроет ли туча целое королевство, или же только расплачется со сна младенец в колыбели.

Наконец мы достигли Корбриджа, что под самым Адриановым валом, пересекающим эту холмистую местность. В римские времена поселение у моста называлось Корстопитум. Здесь, в удобном месте, на перекрестке двух дорог – Дерийского тракта, идущего с юга на север, и

дороги Агриколы, с запада на восток, – стояла надежная крепость. Со временем у стен крепости образовалось поселение мирных жителей и скоро выросло в богатый городок, куда стекались купцы, ремесленники и воины со всех концов британской земли. В наше время от крепости остались одни развалины, камень ее стен растащили на новые постройки, но к западу от нее, на взгорье над излучиной речки Кор, растет и процветает новый город: дома, таверны, лавки и большой шумный рынок – красочное наследие римских времен.

А крепкий римский мост, давший городу его нынешнее название – Корбридж, – стоит до сих пор, соединяя берега Тайна в том месте, где в него впадает с севера шумная речка Кор. У ее устья работает неутомимая водяная мельница, и бревна моста целыми днями стонут под грузом телег с зерном. Рядом с мельничной запрудой – пристань, куда причаливают плоскодонные барки. Кор хоть и не отличается многоводьем, но круто сбегает вниз по склону и крутит мельничные колеса; Тайн же – река широкая и быстрая, она катит здесь свои воды по пестрому галечнику, а вдоль низких его берегов щедро раскинулись зеленые деревья. Долина Тайна просторна и плодородна, здесь среди тучных хлебных полей растут и плодоносят фруктовые сады. С севера к этой широкой извилистой зеленой низине подступает вересковое нагорье, на нем под клочковатыми облаками здесь и там блестят на солнце синие озера. Зимой неприятно в этих местах, рыщут по вересняку волки и дикие люди, подходя порой к самым домам, но в летнюю пору здесь благодать, зеленые леса изобилуют оленями, лебединые стаи затмевают зеркало вод. Над болотистой равниной звенят переливчатые птичьи рулады, по долинам мелькают теньями быстрые ласточки, под обрывами синей молнией вспыхивает крыло зимородка, по скалистому хребту, то уходя кверху, то круто ныряя вниз, тянется великий Адрианов вал. И оттуда, сверху, открывается необъятный вид, далеко уходят ряд за рядом синие складки холмов, покуда не теряются за туманным краем земли.

Места эти были мне незнакомы. Я забрел сюда, потому что, как я объяснил Артуру, мне надо было навестить одного человека. Здесь, в Нортумбрии, поселился на старости лет бывший писец моего отца, с которым я подружился когда-то мальчиком в Бретани и виделся потом в Винчестере и Каэрлеоне. На пенсию, назначенную ему после смерти Амброзия, он купил немного земли под горой близ Виндоланды, где изгибается дорога Агриколы, и пару дюжих рабов, чтобы ее обрабатывать. Здесь он и жил, выращивая в своем укромном саду заморские растения и записывая, как я слышал, историю своего времени. Имя этого человека было Блэз.

Мы остановились в одной из таверн в старом городе, что на месте бывшей крепости. Бельтан вдруг почему-то заупрямился, уперся и ни в какую не пожелал платить пошлину, взимаемую на мосту, поэтому мы прошли еще с полмили вниз по реке до брода и перебрались на тот берег, а потом вернулись мимо кузнечной слободы и вошли в город через старые восточные ворота.

Пока мы делали этот крюк, совсем стемнело, и мы завернули в первую же встретившуюся на нашем пути таверну. Это оказалось вполне пристойное заведение вблизи главной рыночной площади. Несмотря на поздний час, кругом кипела жизнь, люди приходили и уходили, слуги судачили у колодца, наполняя водой кувшины; слышались смех, разговоры, прохладное журчание фонтана на площади; где-то в доме по соседству женщина пела песню ткачих. Бельтан веселился в предвкушении завтрашней торговли и даже приступил к делу, не откладывая на завтра, когда в таверну ближе к ночи стали возвращаться постояльцы. Я не стал наблюдать за его успехами. Ульфин принес мне известие о том, что у западной крепостной стены по-прежнему работают старинные бани, и я провел вечер там, вернулся освеженный и сразу лег спать.

Утром мы вдвоем с Ульфином позавтракали под большим платаном, росшим рядом с таверной. День обещал быть жарким.

Как ни рано мы поднялись, оказалось, что Бельтан с мальчиком нас опередили. Золотых дел мастер уже установил свой прилавок в выгодном месте у колодца, то есть, попросту говоря, он или, вернее, Ниниан расстелил на земле камышовую подстилку, и на ней теперь были раз-

ложены разные пестрые побрякушки, соблазнительные для глаз и кошельков простого народа. А драгоценные изделия покоились, надежно упрятанные, в глубине кожаных мешков.

Бельтан был в своей стихии: он болтал без умолку со всяким, кто хоть на минуту останавливался посмотреть на его товары, и каждую пустячную сделку подкреплял подробным рассказом о тонкостях ювелирного искусства. Его слуга, как обычно, молчал, терпеливо укладывая на подстилку вещицы, которые кто-нибудь взял в руки и бросил назад как попало, принимал деньги или обменные товары – съестное, ткань. А в остальное время сидел скрестив ноги и зашивал порванные ремешки своих сандалий, с которыми в дороге хлебнул горя.

– Или, быть может, вот эту, моя госпожа? – любезно беседовал Бельтан с круглощекой хозяйшкой, у которой на руке висела корзинка, полная пирожков. – Это по-нашему называется перегородчатая или византийская эмаль, красивая вещица, не так ли? Искусству перегородчатой эмали я обучался в Византии, но, поверь, красивее и в самой Византии не найдешь. А вот этот узор, но только в золоте, носят первые дамы королевства, я видел своими глазами. А эта? Эта из бронзы, и цена ей по материалу, а так она ничем не хуже, работа такая же, убедись сама... Ты погляди, какие краски. Подыми-ка ее к свету, Ниниан. Видишь, до чего яркие, чистые, а между одним цветом и другим – медные нити, ишь как сияют... Да, это делается с помощью медной нити, тонкой и хрупкой, ее надо сначала выложить по рисунку, а потом наносятся краски, и нить их удерживает на месте, словно бы как загородка. Нет, госпожа, это не драгоценные камни, разве по такой цене они продаются? Это стекляшки, но, ручаюсь, они ярче любых самоцветов. Я и стекло варю сам, дело требует большого умения, вот в этой маленькой «этне», как я называю мою плавильную печурку. Но я вижу, тебе теперь недосуг, моя госпожа, покажи-ка ей быстро ту курочку, Ниниан, или, может быть, тебе больше понравится лошадка?.. Вон та, Ниниан. Ну скажи, госпожа, разве она не красавица? Право, исходи из конца в конец все наши земли, не найдешь нигде подобной работы. И всего-то за одно медное пенни! Да в этой броши меди не меньше, чем в монетке, которую ты мне за нее дашь...

Тут показался Ульфин с мулами в поводу. Мы условились, куда Бельтан с мальчиком будут торговать, съездить тут поблизости в Виндоланду, с тем чтобы к утру возвратиться обратно. Расплатившись за завтрак, я поднялся и перешел через площадь проститься с Бельтаном.

– Вы уже собрались в дорогу? – проговорил Бельтан, не сводя глаз с женщины, которая рассматривала брошку. – Что ж, доброго пути тебе, мастер Эмрис, и надеюсь завтра вечером свидеться с тобою снова... Нет, нет, госпожа, твои пирожки нам ни к чему, хотя у них и очень соблазнительный вид. Сегодня цена – медное пенни. Ну вот и спасибо. Ты не пожалеешь о нем, моя госпожа. Ниниан, приколи брошь нашей покупательнице... Ну просто как королева, уверяю тебя. Сама королева Игрейна, первая дама на нашей земле, тебе бы позавидовала. Ниниан, – обратился он к своему слуге прежним привычно раздраженным голосом, лишь только женщина с покупкой отошла, – ну что ты стоишь, слюни глотаешь? Бери монетку и ступай купи себе новую обувь. Мы двинемся дальше на север, а ты что же, так и будешь отставать и спотыкаться в этих сандалиях, которые каши просят? Ступай, ступай.

– Нет! – Я и сам не заметил, что произнес это слово вслух, пока они оба не посмотрели на меня с удивлением. И, неизвестно почему, еще добавил: – Пусть мальчик купит себе пирожков, Бельтан. С сандалиями успеется, а сейчас он голоден, да и солнце сияет.

Золотых дел мастер прищурился против солнечного света, близоруко заглядывая мне в лицо. Но потом, к моему удивлению, все-таки кивнул и ворчливо приказал Ниниану:

– Ну ладно, иди поешь.

Мальчик посмотрел на меня сияющими глазами и со всех ног бросился вдогонку за теткой с пирожками. Я ждал от Бельтана упрека за вмешательство не в свое дело, но он стал приводить в порядок разбросанные по камышовой подстилке товары, а мне только заметил:

– Ты, без сомнения, прав. Мальчишки всегда голодны, а этот – славный паренек и преданный. Он предпочтет, если понадобится, ходить босой, лишь бы только набить брюхо. Нам не часто достаются сладости, а ее пирожки, спору нет, издавали такой запах, просто объедение.

Когда мы ехали на запад вдоль реки, Ульфин с тревогой спросил меня:

– Что с тобой, милорд? У тебя что-нибудь болит?

Я покачал головой, и он больше не произнес ни слова, но, наверно, он видел, что я лгу, я и сам чувствовал, как на летнем ветру холодят мне лицо две струйки слез.

Мой учитель Блэз принял нас в уютном желтокаменном доме с внутренним двориком; у стен его росли яблони, а вокруг новомодных квадратных колонн вились цветущие розы.

Когда-то давным-давно этот дом принадлежал мельнику – рядом текла речка, сбегая по широким каменным ступеням между отвесными стенами берегов, заросших папоротником и цветами. Ниже по течению, не далее как в сотне шагов, она совсем пропадала из виду под густой завесой деревьев – буков и орешин. А над ними на крутом склоне позади дома, открытый солнечным лучам, лежал обнесенный стеной сад, где старик возвращал свои зеленые сокровища.

Он сразу меня узнал, хотя мы и не виделись много лет. Жил он один, не считая двух садовников да женщины с дочерью, которые смотрели за домом и варили ему пищу. Женщина получила распоряжение приготовить к ночи постели и отправилась на кухню набирать угли в жаровни и бранить дочку. Ульфин пошел задать корм нашим мулам. И мы с Блэзом остались беседовать с глазу на глаз.

Летом на севере долго не темнеет, и потому после ужина мы перешли на террасу над бегущей водой. Камни все еще дышали теплом минувшего дня, вечерний воздух был напоен запахами кипариса и розмарина. В тени под деревьями кое-где белели мраморные статуи. Посвистывал в отдалении дрозд, подголосок умолкнувших соловьев. А рядом со мною почтенный старец (*magister artium*, как он себя теперь именовал) говорил о прошлом на чистейшей, безупречнейшей римской латыни. Весь этот вечер был словно целиком взят из Италии времен моей молодости, когда я, юношей, путешествовал по дальним странам.

Так я и сказал моему собеседнику, и он весь расцвел от удовольствия.

– Да-да. Хочется думать, что так. Человек не должен отступаться от просвещенных вкусов своей молодости. Я ведь учился в Италии до того, как удостоился чести быть принятым на службу к твоему отцу. Ах эти годы, великие годы! Впрочем, в старости начинаешь, пожалуй, слишком часто озираться на прошлое, да, да, слишком часто.

Я вежливо заметил, что для историка это ценное свойство, и спросил, не окажет ли он мне честь и не почитает ли отдельные места из своего сочинения? Я успел заметить на каменном столе под кипарисом зажженную лампу и рядом – несколько свитков.

– Тебе в самом деле этого хочется? – обрадовался он, и мы перешли под кипарис. – Кое-что здесь и вправду, мне думается, представляет для тебя немалый интерес. И по-моему, ты мог бы к моим записям кое-что добавить. По счастливой случайности как раз эта часть лежит у меня здесь, прямо под рукой... вот... да, вот этот свиток. Присядем? Камень сухой, и вечер погожий, я полагаю, нам будет уютно тут, под розами...

Раздел его исторического труда, выбранный им для чтения, относился ко времени после возвращения Амброзия в Британию. В те годы Блэз был близок к моему отцу, я же почти все время находился в отъезде. Кончив читать, он задал мне несколько вопросов, и я рассказал ему подробности решающей битвы с Хенгистом под Каэрконаном и последующей осады Йорка, рассказал и о том, как мы заново обживали и отстраивали свою землю. Восстановил я и кое-какие пробелы в его описании Ирландской войны Утера с Гилломаном. Я тогда сопровождал Утера, а сам Амброзий оставался в Винчестере; Блэз был при нем до конца, от него я узнал тогда обстоятельства кончины моего отца, происшедшей в мое отсутствие.

Теперь он повторил мне свой рассказ:

– Вижу, как сейчас, высокосводчатую королевскую опочивальню в Винчестере, вокруг толпятся врачи и лорды, а твой отец лежит высоко на подушках, уже близок к смерти, но не утратил дара вразумительной речи и говорит, обращая слова свои к тебе, будто бы ты находишься тут же, при нем. Я сидел рядом, наготове, и записывал все как полагалось, и меня то и дело подмывало оглянуться к изножью королевской кровати: может быть, и вправду ты там стоишь? А ты в это самое время возвращался морем с Ирландской войны и вез с собой огромный камень, под которым его похоронили.

И Блэз погрузился в воспоминания, старчески кивая головой и словно не желая расставаться с давно минувшими временами. Я возвратил его в сегодняшний день:

– Докуда же ты дошел в своем летописании?

– Я стараюсь записывать все, что происходит. Но теперь я далеко от средоточия событий и вынужден полагаться на слухи, которые ходят среди горожан, или на рассказы тех, кто меня навещает, и многое, должно быть, ускользнуло от моего внимания. Я веду переписку, конечно, но мне пишут не всегда исправно, да-да, молодые люди теперь пошли не те, что когда-то... Большая удача привела тебя ко мне, Мерлин. Для меня сегодня праздник. Ты погостишь, я надеюсь? Оставайся тут сколько пожелаешь, мой милый. Ты видишь, мы живем простой, но здоровой жизнью. И о стольком еще надо нам с тобой переговорить!.. Ты должен непременно посмотреть мой виноград. Да-да, у меня вызревает отличный белый виноград, в хороший год ягоды бывают удивительной нежности и сладости. Здесь дают плоды и фиги, и персики, мне даже удалось кое-что получить с привезенного из Италии гранатового дерева.

– Увы, сейчас я не смогу у тебя задержаться, – сказал я ему с искренним сожалением. – Утром я должен отправиться дальше на север. Но если позволишь, я еще заеду к тебе, вот увидишь. Это будет скоро, и обещаю тебе, я привезу уйму новостей. Сейчас происходят важные события, ты сослужишь людям бесценную службу, если все их подробно опишешь. А пока – можно, я буду иногда присылать тебе письма? Я надеюсь до наступления зимы вернуться ко двору Артура и оттуда смогу сообщать тебе последние новости.

Он не скрыл своего восторга. Мы еще немного потолковали, потом ночные насекомые стали набиваться в лампу, мы внесли ее в дом и простились на ночь.

Окно моей спальни выходило на террасу, где мы провели этот вечер. И перед тем как лечь, я долго стоял, облокотясь на подоконник, и любовался уснувшим садом, дыша ночными ароматами, которые то и дело доносил до меня снизу легкий прохладный ветерок. Дрозд смолк, и нежный шелест речных струй один наполнил молчание ночи. Узкий месяц поплыл по небу, как светлая ладья, замерцали летние звезды. Здесь, вдали от огней и шума многолюдных селений, ночи темнее, черный шатер небес раскинут широко-широко, уходя в запредельные дали, в иные миры, где обитают боги, где опадают, сыплются солнца и луны, подобно лепесткам цветов. Есть силы, что влекут взоры и сердца людей вверх, в пространство, прочь от тяжелого земного притяжения. Таково действие музыки, и лунного света, и любви, надо полагать, хотя мне она была тогда ведома лишь в молитве.

Снова навернулись слезы – я не мешал им течь. Я вдруг понял, что за облако затмевало мне душу со дня той случайной встречи у края вересковой пустоши. На мальчике Ниниане, таком юном и молчаливом, с чертами и жестами, исполненными такого благородства и изящества, даже несмотря на грубое рабское клеймо, я разглядел теперь, сам не знаю как, зловещую печать скорой смерти. Об одном этом заплакал бы всякий, но я к тому же еще оплакивал самого себя, волшебника Мерлина, который провидел, но не мог ничего изменить; Мерлина, который брел своим возвышенным путем, и не было у него на этом пути спутника. В ту ночь на вересковой пустоши, когда мы слушали птиц, милое лицо и тихий, внимательный юный взгляд поведали мне о том, что могло бы быть. Впервые с тех пор, как сам я мальчиком сидел у ног Галапаса, обучаясь у него тайнам магии, я увидел того, кого мог бы теперь сделать своим

учеником. Он перенял бы от меня мое искусство не ради собственного могущества или удовольствия – такие желающие были – и не для удовлетворения вражды или корысти, а лишь потому, что угадал своим детским чутьем бег богов в движении ветра, речи их в говоре морских волн и сон в нежном колыпании трав; угадал, что божество – это и есть все самое прекрасное на земле. Магия открывает подчас смертному человеку врата под гулкие своды полых холмов, сопредельных иному миру. И я мог, когда бы не занесенный над ним узкий меч рока, отомкнуть перед ним заповедные врата и под конец передать в его руки магический ключ.

Но он – умер. Должно быть, я уже знал, что это произойдет, когда мы простились на рыночной площади. Но не тогда, когда я ни с того ни с сего вдруг за него заступился, знание пришло позже. И как всегда в таких случаях, моим бездумно произнесенным словам беспрекословно подчинились. Так что мальчик по крайней мере получил свои пирожки и успел насладиться солнцем.

Я отвернулся от тонкого блестящего месяца и лег на кровать.

– По крайней мере он получил свои пирожки и успел насладиться солнцем.

Золотых дел мастер Бельтан рассказывал нам, как было дело, когда мы вечером сидели вместе за ужином в городской таверне. Он был необычно для себя немногословен и подавлен, и чувствовалось, что всей душой тянулся к нам, как, несмотря на резкие слова, тянулся прежде к мальчику.

– Утонул? – недоуменно переспросил его Ульфин, и я поймал на себе его взгляд: видно было, что он кое-что припомнил и начал соображать. – Но как это могло случиться?

– В тот вечер он привел меня с рынка, сложил в мешки все товары. День выпал удачный, выручили мы немало, могли сытно поужинать. Он потрудился на славу, а тут мальчишки собрались на реку купаться, и он попросился с ними. Он очень не любил ходить грязным... А день был знойный, люди на рыночных площадях взбивают ногами тучи пыли да навоза. Ну, я отпустил его. А потом, смотрю, мальчишки бегут обратно, рассказывают наперебой. Он, видно, оступился в омут и захлебнулся. У здешней реки, говорят, коварный нрав... Да только кто же мог знать? Кто мог знать? Когда мы переходили ее вброд, она показалась мне такой мелкой и смирной...

– А тело? – спросил Ульфин, переждав и удостоверившись, что я не прерву молчания.

– Унесло водой. Мальчишки рассказали, что река подхватила его и понесла, как полено в половодье. Оно всплыло через полмили вниз по течению, но никто из мальчишек не смог до него дотянуться, а потом оно снова ушло под воду. Дурная смерть, канул в воду, что слепой щенок. Надо было разыскать его и похоронить как человека.

Ульфин произнес сочувственные слова, и вот уже стенания старого мастера стали иссякать, а меж тем был подан ужин, он занялся едой и питьем и понемногу успокоился.

На следующее утро солнце светило по-прежнему ярко, и мы отправились дальше на север, теперь втроем, а спустя четыре дня уже достигли страны вотадинов, что зовется на языке бриттов Манау-Гуотодин.

Глава 11

Так, через десять дней пути, с остановками в торговых селениях, мы добрались до города Дунпелдира – столицы короля Лота. Был на исходе непогожий, пасмурный день, шел дождь. Нам повезло найти подходящее пристанище в таверне, сразу как въезжаешь в южные ворота.

Город оказался небольшой – всего лишь кучка домов и лавок, тесно сгрудившихся у подножия отвесной скалы, на которой высился королевский замок. В стародавние времена на вершине скалы умещался и весь укрепленный город, но теперь дома выросли под горой вплоть до берега реки и под стенами замка, где склоны более отлоги. Река (тоже Тайн) здесь изгиба-

ется, опоясывая подножие замковой горы, а потом широкими извивами несет свои воды по ровной низине к песчаным отмелям устья. По низким берегам жмутся людские жилища, сохнут вытасканные на галечник лодки. Через реку перекинута два моста: один бревенчатый, на мощных каменных опорах, по которому ведет дорога к главным воротам замка; другой узкий, дощатый, к нему от замка спускается крутая боковая тропа. Мощеных дорог в этих краях не прокладывали, дома вырастали как попало, без оглядки на красоту и того менее – на удобства. И городишко образовался дрянной: домики из необожженного кирпича под дерновыми крышами, улочки узкие, в непогоду превращаются в бурлящие потоки гнилой воды. Река, повыше и пониже города такая чистая и прекрасная, здесь забита отбросами и заросла водорослями. А от подножия отвесной скалы до речного берега раскинулась рыночная площадь, и здесь наутро Бельтан разложит на продажу свои товары.

Мне же, я понимал, надо было безотлагательно выполнить одно важное дело. Если подслеповатый Бельтан, как это ни смешно звучит, должен послужить моими «глазами» в замке, значит ни меня, ни Ульфина не должны видеть в его обществе. А поскольку он нуждается в услужении, необходимо как можно скорее найти ему помощника на место утонувшего мальчика. Сам Бельтан за время нашего путешествия не предпринял для этого никаких усилий, но был благодарен, когда я предложил ему свою помощь.

Не доезжая городских ворот, я заметил по пути каменоломню, небольшую, но действующую. Туда я и отправился рано поутру, закутавшись с головы до ног в старый бурый плащ, и разыскал надсмотрщика, здоровенного простодушного детину, который расхаживал среди жалких полуобрушенных забоев и еще более жалких полуголых рабов с видом лорда, прогуливающегося на свежем воздухе по своему загородному имению.

Он надменно оглядел меня.

– Крепкие рабы нынче дороги, любезный, – сказал он, а сам, я видел, прикидывал при этом мне цену и пришел к выводу, что много с меня не возьмешь. – Да и нет у меня лишнего... На таких работах, как у нас здесь, собирается всякое отребье... узники, преступники, воры. Чтобы вышел хороший домашний раб или, скажем, работник в поле или чтобы владел каким ремеслом – таких тут не найдется. Ну а сила, она нынче в цене. Ты бы лучше повременил до ярмарки. На ярмарку всякий народ сходится – нанимаются на работу в одиночку и семьями, за хлеб и похлебку продают в рабство себя и своих отпрысков... Хотя, тоже сказать, чтобы по дешевке купить, тебе придется ждать зимних холодов.

– Нет, я не хочу ждать. Я заплачу хорошую цену. Я путешествую, и мне нужен мужчина или мальчик. Можно и необученного, умел бы содержать себя в чистоте и быть преданным хозяину. Ну и чтобы хватало сил путешествовать даже зимою, когда дороги совсем плохи.

Я говорил и видел, как вырастаю в его глазах.

– Ты путешествуешь? – переспросил он меня уважительнее. – Кто же ты такой?

Я решил не объяснять, что ищу слугу не для себя.

– Лекарь, – ответил я.

Мой ответ возымел на него, как обычно, немедленное действие. Он сразу же принялся перечислять мне свои немощи и недуги, которых у него за пятьдесят лет прожитой жизни, уж конечно, скопилось изрядное количество.

– Ну что ж, – сказал я ему, когда он кончил. – Полагаю, что смогу тебе помочь, но пусть уж это будет взаимно. Если у тебя найдется работник, которого ты уступишь мне, – только смотри, много не запрашивай, ведь у тебя тут одно отребье, – то, пожалуй, и я тебе услужу. Но вот еще что: сам понимаешь, в моем деле важно соблюдать тайну, так что болтливому я не возьму, мне нужен молчун.

Разбойник задумался, вытаращив глаза, но потом шлепнул себя по ляжкам и расхохотался, словно услышал бог весть какую веселую шутку. Повернув голову, он заорал во всю глотку:

– Эй, Кассо! А ну топай сюда! Да поживее, ты, чучело! Тут счастье тебе привалило, слышь, новый хозяин по твою душу и новая жизнь с приключениями!

Из забоя под огромной каменной плитой, которая нависала над каменотесами и грозила, на мой взгляд, с минуты на минуту обвалиться, выбрался долговязый юноша. Он медленно распрямил спину, огляделся и, отбросив кирку, зашагал в нашу сторону.

– Вот этого могу тебе уступить, господин лекарь, – кивнул на него веселый надсмотрщик. – Он как раз будет по тебе.

И снова разразился радостным хохотом.

Юноша подошел и встал перед нами, свесив руки и глядя в землю. С виду лет восемнадцати-девятнадцати, он казался достаточно крепким – иначе разве он выдюжил бы целых полгода такой жизни? – но тупым до безмозглости.

– Кассо! – окликнул я его.

Он поднял голову, и я понял, что это не тупость, а крайняя усталость. Когда живешь без надежды и радости, какой прок тратить силы на то, чтобы думать?

А надсмотрщик снова засмеялся:

– Его спрашивать бесполезно. Что хочешь узнать, задавай вопросы мне или смотри сам. – Он схватил и поднял кверху руку юноши. – Видал? Силен как мул, грудь как мехи, руки-ноги богатырские. А уж молчун – в самый раз по тебе. Молчун наш Кассо, каких мало. Потому как он немой.

А тот давал себя осмотреть, покорный и вправду как мул, но при последних словах надсмотрщика снова глянул на миг мне в глаза. И я понял, что ошибался. В этом взгляде была мысль, а с нею и надежда; но надежда тут же угасла.

– Но не глух, насколько я вижу. Что за причина его немоты, тебе неизвестно?

– Причина – его собственный глупый язык, так можно сказать. – Он было опять рассмеялся, но, встретив мой взгляд, только откашлялся. – Твое искусство тут не поможет, господин лекарь, потому как язык у него вырван. Как уж там по правде было дело, я толком не знаю, знаю только, что он состоял в услужении в Бремениуме и, похоже, чересчур часто рот разевал, ну и доразевался. Лорд Агвизель не из тех, кто станет терпеть дерзость... Теперь-то он урок усвоил. После починки мостов я поставил его тут на тяжелые работы, и хлопот он мне не причинял. Сдается, он был домашним слугой, и ты как раз получишь отличного молодого... Эй, вы там!

Во все время разговора он то и дело поглядывал на рабов, разбиравших камень. А теперь вдруг сорвался с места и с криками и бранью бросился к тем, воспользовавшимся его невниманием, попытался умерить свое усердие.

Я внимательно посмотрел на Кассо. Когда надсмотрщик произнес слово «дерзость», по лицу его пробежала тень и голова качнулась в произвольном отрицании.

– Ты служил в доме Агвизеля? – спросил я его.

Кивок.

– Понятно.

Я и в самом деле, кажется, понимал, что произошло. Агвизель пользовался дурной славой, он был шакалом при волке Лоте и жил в своем логове на горе, на развалинах старой римской крепости, где творились дела, о которых порядочному человеку не пристало даже догадываться. До меня доходили слухи, что он держал для услужения немых и ослепленных рабов.

– Я не ошибаюсь, полагая, что ты был свидетелем того, о чем нельзя было допустить, чтобы узнали люди?

Опять кивок. На этот раз Кассо не отвел взгляд. С ним давно уже, наверное, никто даже не пытался разговаривать.

– Так я и думал. Я и сам кое-что слышал о делах милорда Агвизеля. Ты не умеешь ни читать, ни писать, Кассо?

Он покачал головой.

– Благодарю судьбу. Если бы умел, то сейчас тебя уже не было бы на свете.

Надсмотрщик поддал жару своим каменотесам и возвращался туда, где стояли мы.

Я быстро прикинул. Что юноша не способен говорить – невелика потеря для Бельтана, который сам разговаривает за двоих. Я, правда, рассчитывал, что новый раб будет «глазами» своего хозяина в Дунпелдире. Но теперь я подумал, что в этом нет нужды: обо всех событиях в королевском замке Бельтан поведает мне без чьей-либо помощи. Зрение у него слабое, зато слух прекрасный, он будет пересказывать, что услышит от людей, а как выглядит замок внутри – велика ли важность? Когда мы соберемся в обратную дорогу, золотых дел мастер, конечно, сможет, если понадобится, подыскать себе другого слугу. Теперь же нельзя терять время, а за этого парня можно ручаться, что он лишнего не скажет, даже если бы и хотел, и будет, надо полагать, предан хотя бы из благодарности.

– Ну? – спросил надсмотрщик.

Я ответил:

– У того, кто служил в Бремениюме и остался жив, уж конечно, хватит сил для службы у меня. Я его беру.

– Вот это дело!

И он пустился так громогласно хвалить мое решение и превозносить многочисленные достоинства Кассо, что я подумал, уж не сам ли он владелец этих рабов. Но скорее всего, он просто предвкушал возможность пополнить свой карман, а хозяевам доложить о смерти очередного раба. Когда же зашла речь о цене, я отослал Кассо за скудными пожитками, приказав дожидаться меня у поворота дороги. Я считал неправильным, если человек твой пленник или достался тебе за деньги, еще и унижать его достоинство. Даже конь или пес лучше делают свое дело, когда гордятся собой.

Кассо ушел, а я снова обратился к надсмотрщику:

– Мы условились, как ты помнишь, что в счет платы за этого раба я дам тебе кое-какие целебные снадобья. Так вот, ты найдешь меня в таверне у южных ворот. Приходи нынче же вечером или пришли кого-нибудь, пусть спросит мастера Эмриса, а я успею приготовить лекарства, и они будут тебя ждать. Остальную же цену...

В конце концов мы поладили, и я вернулся в таверну, сопровождаемый новым рабом.

У Кассо лицо вытянулось, когда он узнал, что будет служить не мне, а Бельтану, но еще до наступления ночи от тепла, сытной пищи и веселого общества он распрямился, развернулся, как растение, выросшее в темноте и вдруг очутившееся среди солнца и воды. Бельтан не находил слов, чтобы выразить свою благодарность, и, не откладывая, принялся разъяснять и расхваливать перед новым слугой свое ремесло. Кажется, Кассо нарочно не мог бы сыскать себе место, где его немота была бы столь малой помехой. Мне даже подумалось, что Бельтану положительно нравится иметь бессловесного слугу. Ниниан тоже почти не говорил, но он и не слушал. А Кассо впитывал слова мастера, перебирая загрубелыми пальцами тонкие изделия, и ум его прямо на глазах пробуждался от безнадежного и бессильного оцепенения.

Таверна была слишком мала, а мы не могли показать, что у нас есть средства на отдельное помещение, но в дальнем конце общего зала имелся альков, в нем стояли стол и две лежанки, и там мы расположились достаточно уединенно. Никто не обращал на нас внимания, а мы слушали, что рассказывают захожие гости. Определенно мы ничего не узнали, а вот слухов было хоть отбавляй – например, что Артур дал и выиграл два сражения и саксы приняли его условия; что верховный король находится в Линнуисе, где и пробудет еще некоторое время, и что Лота ждут домой со дня на день.

На самом-то деле он прибыл только через четыре дня. Все это время я сидел в таверне, составляя письма Игрейне и Артуру, а вечерами бродил по городу и окрестностям, знакомясь с улицами и проселками. Город был невелик, на незнакомого человека глазели как на диковину, и я, чтобы не привлекать взглядов, выходил на прогулку, когда смеркалось и горожане сидели

за ужином. По тем же соображениям я никого не оповещал о том, что я лекарь, людям хватало выше головы и Бельтана, в мою сторону просто не смотрели. Я думаю, меня принимали за бедного писца. Ульфин часами толкался у городских ворот, собирая слухи и дожидаясь вестей о прибытии Лота. А простодушный, ничего не подозревающий Бельтан занимался своим делом. Он установил неподалеку от таверны на рыночной площади плавильную печку и начал обучать Кассо паяльным и починочным работам. Этим он вызвал интерес, а вслед за интересом пришли заказы, и скоро у золотых дел мастера отбою не стало от покупателей.

И это на третий день привело к последствиям, на которые мы рассчитывали. Служанка королевы Линд, проходя рыночной площадью, заметила Бельтана, подошла и напомнила ему о себе. А Бельтан отослал ее домой с поклоном ее госпоже и с новой пряжкой на пояске и за эту щедрость был вознагражден. Назавтра за ним прислали из замка, и он, ликуя, отправился туда в сопровождении нагруженного Кассо.

Даже не будь Кассо немым, от него бы я все равно ничего не узнал. Едва они вошли через задние ворота, как Кассо задержали и оставили дожидаться в будке привратника. Золотых дел мастера придворные слуги препроводили к королеве одного.

Вернулся он в таверну в сумерки, расpiraемый избытком впечатлений. Он хотя и любил прихвастнуть знакомством с великими людьми, но на самом деле впервые побывал в королевском замке, и Моргауза была первой королевой, которая пожелала надеть его украшения. Допущенный в Йорке пред очи королевы, он с тех пор всегда отзывался о ней восторженно, но теперь восторг перерос в настоящее поклонение: ее розово-золотистая краса даже на него вблизи оказала свое магическое действие. За ужином возбужденный Бельтан рассказывал нам во всех подробностях, как все происходило, не допуская и мысли, что мне это может быть неинтересно. Он повторил нам с Кассо (Ульфин по-прежнему отсутствовал) слово в слово все, что было сказано во время его посещения королевы, и как она была хороша, и как хвалила его работу, какую выказала щедрость, купив три украшения и приняв в дар четвертое, и даже какими духами от нее пахло. Он постарался описать и роскошь ее туалета, и богатое убранство зала, в котором она его принимала, но здесь нам пришлось довольствоваться лишь самыми общими впечатлениями – пронизанная пестрым светом благоухающая дымка, прохладное сияние дня, падающее из окон на переливчато-янтарную парчу и на розовое золото волос, шуршание шелка и горячее потрескивание поленьев в очаге, с утра растопленном ввиду пасмурной погоды. И музыка – девичий голосок, напевающий колыбельную песню.

– Значит, и дитя тоже было там?

– А как же. Спало в высокой колыбели вблизи очага. Я ясно видел против пламени. И тут же девушка, что качала колыбель и пела. А сверху свисал шелковый кисейный полог и в нем колокольчик, он отсвечивал огнем и позвякивал при каждом колыбании. Настоящая королевская колыбель. Восхитительно! Вот когда я подсадовал на мои старые глаза.

– А дитя ты тоже видел?

Оказалось, что дитяти он не видел. Оно проснулось и заплакало тихонько, но нянюшка его успокоила, не беря на руки. Королева как раз примеряла ожерелье, она, не оглядываясь, взяла зеркальце из рук девушки и повелела той спеть младенцу песенку.

– Прелестный голосок, – рассказывал Бельтан, – но песенка до того печальная. Я бы и пвицу не признал, не обратись она ко мне давеча на рынке сама и не назовись по имени. Исхудала и осунулась, как мышка, и голосок тоже тоненький, словно тоской исходит. А зовут ее Линд, говорил я тебе? Странное имя для девушки, ведь верно? Кажется, оно означает «змея»?

– Да. А имя младенца ты не слышал?

– Они называли его Мордред.

Тут Бельтан попытался было снова вернуться к описанию королевской колыбели и прелестной нянюшки, которая ее раскачивала и напевала, но я вернул его к тому, что интересовало меня.

– А не говорилось ли чего о предстоящем возвращении короля Лота?

Бельтан, увлеченный художник, даже не заметил, к чему я клоню. Короля ждут домой со дня на день, ответил он мне радостно. Королева взволнована совсем как юная дева. Ни о чем другом не говорит. Понравится ли ее господину новое ожерелье? Ярче ли блестят ее глаза при серьгах? Право, половиной из того, что он наторговал, заключил Бельтан, он обязан ожидаемому приезду короля.

– И совсем незаметно было, чтобы она боялась?

– Боялась? – недоумевающе переспросил он. – Это еще почему? Она была весела и взволнованна. «Вот погодите, – говорила она придворным дамам, как всякая молодая мать, чей муж возвращается с войны, – скоро мой господин увидит, какого замечательного сына я ему родила и до чего он похож на отца! Как волчонок на волка». И ну смеяться, ну хохотать. Это она так пошутила, мастер Эмрис. Лота в здешних краях почитают героем, и прозвище у него – Волк, такой здесь на севере народ живет дикий. Вот она и пошутила. А с чего бы ей бояться?

– Просто я вспомнил слухи, о которых ты мне раньше рассказывал. Ты говорил, что в Йорке люди шептались кое о чем, и здесь на базаре среди простого люда тоже ходят толки.

– А-а, ты об этом. Ну мало ли что люди болтают. Это все злобные наговоры, мастер Эмрис. Сам знаешь, всегда начинают шептаться, если случаются преждевременные роды, а уж в королевском доме тем более, потому как тут больше, как бы это сказать, поставлено на карту.

– Значит, все же младенец родился прежде времени?

– Да, я слышал, что так. Никто не думал не гадал. Король отправил на север к королеве своих лекарей, а они опоздали – пока прибыли, дело было уж кончено. Ей помогали в родах женщины, но все, милостью божией, обошлось благополучно. Помнишь, люди говорили, что дитя родилось хилое? Так оно и есть, я слышал по голоску, когда оно заплакало. Да только оно выправляется и растет. Так сказала девушка Линд, когда провожала меня до ворот. Я у нее спрашиваю, а правда ли, что мальчик так необыкновенно походит на короля Лота? Она посмотрела на меня так, будто была уверена – вот теперь все злые языки замолчат. Но ответила только: «Да, так походит, что уж дальше некуда».

Бельтан наклонился над столом и, довольный, закивал головой:

– Так что все это враки, мастер Эмрис. Достаточно поговорить с ней самой. Чтобы такое прелестное создание и обмануло мужа? Да она вся светилась, словно невеста, в ожидании супруга. И смеялась своим мелодичным смехом, как звон серебряного колокольчика над королевской колыбелью. Можешь не сомневаться, все это враки. Пустили слух, надо полагать, в Йорке, там было кому маяться завистью... Ну да ты меня понимаешь. И притом еще дитя – вылитый отец. Они там все время твердили: «Король Лот приедет, посмотрит – и увидит самого себя, словно в зеркале, вот как ты, госпожа, смотришься в зеркало и видишь свое отражение. Ну вылитый король, младенец ты наш!..» Знаешь это женское сюсюканье, мастер Эмрис. «Вылитый венценосный папенька!»

Так он болтал без устали, а Кассо, занятый наведением блеска на какие-то медные бляшки, улыбался, прислушиваясь; и я тоже помалкивал, лишь изредка вставлял слово-другое, а на самом деле думал свои думы.

Походит, стало быть, на отца? Темные волосы, темные глаза – это может относиться и к Лоту, и к Артуру. Возможно ли, что рок все же был к Артуру милосерден? Что она зачала от Лота, а потом соблазнила Артура, надеясь привязать его к себе?

Если бы так! Но я отбросил эту возможность. Тогда, в Лугуваллиуме, когда я ощутил грозное дыхание беды, сила моя еще оставалась при мне. Но и без этого сегодня ясно, что следует остерегаться коварства Моргаузы. Я ради того и прибыл на север, чтобы держать ее под наблюдением, и теперь рассказ Бельтана мог подсказать мне, чего именно я должен опасаться.

Тут возвратился Ульфин и остановился за порогом, стряхивая с плаща мелкие дождевые капли. Он выискал меня глазами в таверне и сделал мне еле заметный знак. Я встал и, извинившись перед Бельтаном, подошел к порогу.

– Есть новости, – шепнул мне Ульфин. – Только что прискакал в город гонец королевы. Я сам его видел. Конь в мыле, загнан чуть ли не насмерть. Я говорил тебе, что подружился с одним из привратников? Так вот, он говорит, что король Лот уже близко. Он продвигается быстро и будет дома нынче в ночь или к утру.

– Спасибо, – поблагодарил я его. – Ты весь день провел под открытым небом, ступай теперь переоденься и поешь. В рассказе Бельтана кое-что подсказывает мне, что надо сторожить у задних ворот замка. Когда поешь, приходи, я буду там. Я постараюсь отыскать укрытие, чтобы нам не вымокнуть и остаться незамеченными.

Мы вернулись к столу, и я спросил у Бельтана:

– Ты не отпустишь ли со мной Кассо на полчаса?

– Разумеется! Но позже он мне понадобится. Мне велено завтра снова быть в замке и возвратить распорядителю двора вот эту пряжку. Чтобы ее починить, мне потребуется помощь Кассо.

– Я его не задержу. Кассо!

Раб был уже на ногах.

Ульфин спросил с легкой тенью недоверчивости:

– А ты точно знаешь, что теперь надо делать?

– Догадываюсь, – ответил я. – Моя сила, как я тебе говорил, мне здесь не в помощь.

Я произнес это тихо, в шуме таверны Бельтан не мог меня услышать. А вот Кассо услышал и быстро перевел взгляд с меня на Ульфина и обратно. Я улыбнулся ему:

– Не беспокойся, Кассо. У нас с Ульфином тут есть дела, которые никак не затрагивают тебя и твоего хозяина. А теперь идем со мной.

– Я мог бы сам с тобой пойти, – торопливо предложил Ульфин.

– Нет. Делай, как я сказал, сначала поешь. Наша стража может оказаться долгой. Кассо...

И мы пошли по лабиринту грязных улиц. Дождь лил теперь ровно и сильно и разливался топкими, зловонными лужами. В домах если где и мерцал свет, то лишь слабый, дымный отблеск очага, да и тот просачивался сквозь шкуры или мешковину, которыми были затянуты все окна по случаю плохой погоды. Скоро наши глаза привыкли к темноте, и мы могли успешно перебираться, не замочившись, через черные потоки. Но вот над головой у нас замаячил черный склон замковой горы. Вверху, над задними воротами, среди тьмы горел фонарь.

Кассо, шедший за мной по пятам, тронул меня за локоть и указал на узкий проулок, больше похожий сейчас на канаву для стока воды. В прошлый раз я шел другим путем. Снизу, сквозь плеск дождя, доносился шум реки.

– Этот проулок ведет напрямую к пешеходному мостику? – спросил я у Кассо.

Он старательно закивал.

Мы стали осторожно спускаться по скользким булыжникам. Река ревела все громче. Я уже видел пену под водосбросом и большое мельничное колесо. Дальше в отвесах от белой пены угадывался мостик.

Вокруг не было ни души. Мельница не работала. Мельник, возможно, жил в верхнем помещении, но держал свои ворота на запоре, и света в окнах тоже не было заметно. По-над берегом среди мокрых трав, мимо запертой мельницы, шла топкая дорожка к мосту.

Я даже подосадовал на Кассо за то, что он выбрал этот спуск. Верно, сообразил, что надо подойти к мосту тайно; хотя, право, в такую непогоду и на главной улице никого не встретишь. Но мысли мои были прерваны звуком человеческих голосов и светом качающегося фонаря – я едва успел укрыться в воротах мельницы.

Мимо нас тем же путем, что и мы, спускались трое. Они спешили, переговаривались вполголоса и передавали из рук в руки бутылку. Замковые слуги, надо полагать, возвращаются восвояси из таверны. У моста они остановились, оглянулись через плечо. Облик их и замашки были заговорщицкие. Один что-то сказал, послышался смех, тут же пресекшийся. Потом они двинулись дальше, но я уже успел разглядеть их в свете фонаря: они были вооружены и трезвы.

Кассо стоял рядом со мною, вжавшись в темную нишу ворот. Трое прошли мимо, не посмотрев в нашу сторону, и, гулко топоча по мокрому мосту, перешли на другой берег.

Но бегучий свет их фонаря на миг осветил для меня и еще кое-что. Рядом с мельничными на углу были еще одни ворота, и они стояли распахнутые. На заросшем травой дворе лежали сложенные чурбаки и ободья, и я понял, что здесь работает колесных дел мастер. Ночью мастерская пустовала, но в глубине под навесом еще тлели непрогоревшие угли. Спрятавшись в темной мастерской, я смогу слышать и видеть всякого, кто приблизится к мосту.

Кассо первым добежал до теплого укрытия и схватил охапку прутьев, чтобы положить на горячую золу.

– Больше одного не клади. Вот так, молодец, – сказал я. – Теперь ступай назад и приведи сюда Ульфина, а после этого можешь вернуться в таверну, обсушиться, обогреться и больше о нас не думать.

Он закивал, заулыбался, как видно желая мне показать, что моя тайна, какова бы она ни была, умрет у него в груди. Бог знает, что он предполагал: свидание, может быть, или же шпионство. Если уж на то пошло, я и сам знал не многим более, чем он.

– Кассо, ты хотел бы научиться читать и писать?

Никакого ответа. Улыбка сошла с его лица. В свете разгорающегося язычка огня я увидел, что он замер, расширив глаза, не веря самому себе, словно заплутавший, отчаявшийся в спасении путник, которому вдруг показали дорогу. Потом один раз, резко, кивнул.

– Я позабочусь о твоём обучении. А теперь ступай, и спасибо. Доброй ночи.

Он помчался со всех ног вверх по зловонному переулку, словно не ночью, а среди бела дня. Я увидел, как он подпрыгивает и пританцовывает на бегу, как молодой барашек, выпущенный на пастбище погожим утром. А я вернулся в мастерскую под навесом, обойдя яму с дегтем и большой молот, прислоненный к штабелю колесных спиц. У очага я заметил скамеечку, на которой днем сидел подмастерье, раздувавший мехи, и уселся ждать и сушить у огня свой мокрый плащ.

Снаружи, под ровный шорох дождя, грохотала вода, скатываясь по желобу в запруде и обрушиваясь на ступицы мельничного колеса. Пробежали два голодных бездомных пса, огрызаясь друг на друга из-за каких-то отбросов. У колесника в мастерской пахло свежей древесины, высыхающей смолой, обкуренным вязом. И в теплой темноте, не заглушенные шумами близкой воды, отчетливо потрескивали маленькие язычки моего огня. Время шло.

Однажды я уже сидел так у огня в одиночестве, устремленный мыслью к родильным pokojам. И тогда бог открыл мне судьбу новорожденного младенца. То была ночь звезд и ветра, дующего над чистым морем, и великой королевской звезды, воссиявшей на небосводе. Я был тогда молод и полон веры в себя и в моего бога, который меня вел. Теперь же я ни в чем не был уверен, кроме того, что злу, задуманному Моргаузой, смогу противостоять не больше, чем сухой сучок может задержать пенную струю, бегущую по водосбросу плотины.

Однако знание – это тоже оружие. Сюда меня привела обыкновенная человеческая догадка, теперь посмотрим, правильно ли я разгадал замыслы этой рыжекудрой ведьмы. И притом, пусть бог меня и оставил, все равно на моей стороне сила, какой может располагать редко кто из смертных: к моему слову прислушивается король.

А вот и Ульфин, он пришел разделить со мной одиночество ночной стражи, как некогда в Тинтагеле. Мой слух не уловил ни звука, покуда вдруг его тень не заслонила мне небо.

– Сюда, – позвал я, и он ошупью пробрался к моему огню.

– Никаких новостей, милорд?

– Пока нет.

– А чего ты ожидаешь?

– Я не вполне уверен, но мне кажется, что кто-то, посланный от королевы, должен здесь сегодня ночью проехать.

Я почувствовал, что он повернул голову и в темноте посмотрел на меня.

– В связи с ожидаемым приездом короля Лота?

– Да. Что-нибудь слышно о нем?

– Только то, что я уже тебе говорил. Предполагают, что он будет гнать во весь опор. И должен прибыть совсем скоро.

– Я тоже так думаю. Во всяком случае, Моргаузе надо действовать наверняка.

– О чем ты, милорд?

– О сыне верховного короля.

Ульфин помолчал. Потом спросил:

– Ты думаешь, они захотят его тайно вывезти, чтобы Лот, поверив слухам, не вздумал его убить? Но в таком случае...

– Да? Что в таком случае?

– Ничего, милорд. Мне просто подумалось... Ты полагаешь, его вывезут этим путем?

– Нет. Я полагаю, что его уже вывезли.

– Уже? И ты видел куда?

– До того, как я здесь расположился. Я убежден, что дитя в замке – это не Артурово дитя.

Его подменили.

В темноте Ульфин шумно выдохнул воздух:

– Из страха перед Лотом?

– Разумеется. Подумай сам, Ульфин. Что бы там Моргауза ни наплела Лоту, он не мог не знать слухов, которые пошли сразу, как стало известно, что она в тягости. Она попыталась его убедить, что ребенок – его, но рожден прежде времени; и возможно, что убедила. Но неужто же он допустит даже малейший риск того, что в королевской колыбели все-таки лежит сын другого, тем более сын Артура, и чужое дитя вырастет наследником Лотиана? Убедила она его или нет, все равно велика опасность, что он убьет мальчика в случае обмана. И Моргауза это понимает.

– Ты полагаешь, до него дошли разговоры, что это сын верховного короля?

– Это было неизбежно. Артур не прятался в ту ночь, когда был у Моргаузы. И она тоже не делала из этого тайны, наоборот. Позже, когда я угрозами вынудил ее отказаться от ее намерений, она, может быть, и уговорила или застрашала своих женщин, чтобы они хранили тайну, но стража видела его, и к утру об этом знал весь Лугуваллиум. Что же остается Лоту? Он бы так и так не потерпел у себя чужого ребенка, Артуров же может быть опасен.

Ульфин опять помолчал.

– Мне приходит на память ночь в Тинтагеле. Не та, когда мы проводили в замок короля Утера, а вторая, когда королева Игрейна передала тебе Артура, чтобы спрятать от Утеровых глаз.

– Да.

– Милорд, ты намерен взять и этого младенца, дабы спасти его от Лотова гнева?

Его голос, тихий до шепота, тем не менее зазвенел от напряжения. Но я не слушал: где-то далеко в ночи сквозь шум плотины я различил стук копыт, это был даже не звук, а легкое колебание земли у нас под ногами. Затем это биение стихло и снова зазвучал шум падающей воды.

– Что ты сказал?

– Я спросил, милорд, твердо ли тебе все известно про этого младенца?

– Мне известно только то же, что и тебе. Посуди сам. Она лгала о сроке родин так, чтобы можно было объявить роды преждевременными. Хорошо, это могло быть всего лишь заботой о приличиях, так часто делается. Но ты посмотри, как проделала это она. Подстроила, чтобы не было никого из врачей, потому, видите ли, что роды произошли неожиданно, и притом так быстро, что ни одного свидетеля не успели пригласить в родильные покои, как обычно при родах в королевском доме. Присутствовали только ее женщины, а они преданы ей телом и душой.

– Да, но зачем все это, милорд? Что она благодаря этому получила?

– Только одно: младенца, которого можно будет показать Лоту, чтобы он его убил, если пожелает, между тем как ее ребенок, ребенок Артура, останется невредим.

Ульфин беззвучно охнул:

– Тогда выходит, что...

– Вот именно. Она, наверно, загодя сговорила с какой-нибудь женщиной, чье время подходило тогда же. С какой-нибудь беднячкой, которая возьмет деньги и будет держать язык за зубами и только обрадуется случаю стать приемной матерью королевскому дитяти. Что ей наговорила Моргауза, об этом мы можем только догадываться, бедная женщина едва ли подзревает, что ее собственное дитя находится в опасности. И подменыш в замке лежит сейчас, качается в королевской колыбели, а Артуров сын, страшное оружие Моргаузы, спрятан где-то в другом месте. Неподалеку, как можно думать. Ее ведь должны оповещать о том, как он поживает.

– И если ты правильно говоришь, то после появления Лота...

– Что-то должно произойти. Если ребенок пострадает, Моргауза захочет позаботиться о том, чтобы родная мать ничего не узнала. Может быть, даже переправит Мордред в другое место.

– Но...

– Ульфин, мы с тобой ничего не можем сделать для спасения подменыша. Его судьба – в руках Моргаузы. Да и не так уж это бесспорно, что ему угрожает опасность: в конце концов, ведь Лот не дикарь. Но мы бы с тобой только обрекли себя на верную смерть, а заодно с собой и младенца.

– Знаю. Но как же тогда все эти разговоры и присюсюкивания в замке, о которых тебе рассказывал Бельтан? Я тоже слышал, пока дожидался ужина. Что они, мол, все там целый день только и знают, что твердят: «Ну вылитый король Лот, до чего же похож, чудо, да и только». Может быть, все-таки твоя догадка неверна и дитя на самом деле зачато Лотом? Может быть, и срок родин правильный? Младенец-то, говорили, родился хилый, маленький.

– Может быть. Я же сказал тебе, что это не более как догадка. Но что королева Моргауза лжива до мозга костей, это мы знаем твердо. И что Артура она ненавидит. За ней и за Лотом надо последить. Артур должен узнать истинную правду, без тени сомнения.

– Это я понимаю. Можно, например, навести справки, у кого в городе родился мальчик в ту же пору, что и у королевы. Я завтра могу поспрашивать. У меня уже завелось два-три полезных собутельника.

– В таком городе тебе назовут семей двадцать. А у нас нет времени. Слушай!

По земле передался отчетливый стук лошадиных копыт. Целый отряд, и скачут во весь опор. Вот уже он слышен и в воздухе, все ближе, громче, сквозь гул падающей воды. А вот и шум городской толпы – люди высыпали из домов полюбоваться королевским кортежем. Короткие возгласы, скрежет дерева по булыжнику – это разводятся тяжелые ворота; звон конской сбруи, бряцание лат, храп взмыленных лошадей. Новые возгласы, ответный крик у нас над головой с вершины замковой горы. Заиграла труба. Прогрохотал настил моста. Со скрипом закрылись тяжелые створки ворот. Звон и лязг и перестук копыт заглохли за стенами замка. И снова стало отчетливей слышно то, что происходило вокруг.

Я встал, подошел к воротам и посмотрел туда, где над крышей мельницы возносились к сумрачному небу темные замковые строения. Дождь перестал. За окнами замка двигались огни. Окна вспыхивали и меркли одно за другим – это слуги с факелами сопровождали короля по королевским покоем. С западной стороны два окна светились ровным мягким светом. Движущиеся огни достигли этих окон и остановились.

– Лот вернулся домой, – сказал я.

Глава 12

Где-то в замке колокол пробил полночь. Стоя в воротах колесной мастерской, я расправил затекшие, застывшие плечи. В глубине двора, под навесом, Ульфин положил в огонь еще один прут, остерегаясь, чтобы не вспыхнуло слишком яркое пламя и не привлекло внимания бодрствующих в ночи. Город вновь погрузился в ночное сонное безмолвие, только взлаивали то в одном, то в другом конце сторожевые псы да слышался по временам крик совы среди деревьев на склоне замковой горы.

Я тихо ступил из ворот на улицу и отошел к мосту. Задрал голову, я разглядывал темную громаду замка. В высоких окнах еще светились огни, за стенами внутреннего двора чадили и отбрасывали тени факелы прибывших конников.

Подошел Ульфин и, став рядом, набрал было воздуха в грудь, чтобы задать мне вопрос...

Но так и не задал. Кто-то, пугливо озираясь, пробежал по мосту, с разгона налетел на меня и с испуганным возгласом попытался увильнуть в сторону и продолжить свой бег.

От неожиданности я и сам растерялся. Но Ульфин подскочил, одной рукой поймал беглеца за локоть, ладонью другой зажал ему рот и, извивающегося, брыкающегося, сграбастал в могучие объятия.

– Женщина! – недоуменно произнес он.

– В мастерскую, – распорядился я и прошел вперед.

Прежде всего я подложил в огонь целое полено. Пламя сразу взметнулось, разгорелось. Ульфин подтащил к огню свою сопротивляющуюся пленницу. Капюшон плаща соскользнул с ее головы, на лицо упал свет от очага, и я узнал ее и удовлетворенно кивнул:

– Линд.

Она затихла под рукой Ульфина, только блеснули страхом широко раскрытые глаза. Встретившись взглядом со мною, она замерла, как куропатка перед горностаем. Она меня узнала.

– Да, – проговорил я. – Я Мерлин. Я ждал тебя здесь, Линд. Теперь Ульфин тебя отпустит, если ты не наделаешь шуму.

Она кивнула в знак согласия. Ульфин убрал ладонь от ее рта, но продолжал держать ее другой рукой.

– Отпусти, – сказал я.

Он повиновался и, сделав шаг назад, встал между нею и выходом из мастерской. Но эта предосторожность оказалась лишней. Как только он разжал руки, она подбежала ко мне и, шлепнувшись на колени среди щепы и стружек, ухватила меня за край одежды. Рывдания сотрясали ее.

– О милорд! Господин! Помоги мне!

– Я здесь не затем, чтобы причинить вред тебе или младенцу. – Я говорил холодно, чтобы она успокоилась. – Верховный король послал меня разузнать, что с его сыном. Я не мог явиться к королеве, ты сама знаешь, поэтому я ждал тебя здесь. Что произошло в замке?

Но она не могла говорить, я видел, что не могла, а только цеплялась за мою одежду, дрожала и плакала.

Тогда я обратился к ней ласковее:

– Что бы ни случилось, Линд, я не смогу тебе помочь, не зная, в чем дело. Подойди поближе к огню, успокойся и расскажи мне.

Я попробовал отцепить ее руки, но она только крепче ухватила край моей одежды. И зарыдала в голос:

– Не держи меня здесь, господин, дай мне убежать! Или же помоги мне! У тебя есть власть – ты Артуров человек, – тебе не страшна моя госпожа...

– Я помогу тебе, если ты будешь отвечать на вопросы. Что с сыном короля Артура? Кто это приехал сейчас в замок, король Лот?

– Да! О да! Он вернулся домой, еще и часу не прошло. Он бешеный, говорю тебе, бешеный! А она даже не попыталась ему помешать. Только смотрела и смеялась.

– В чем помешать?

– В убийстве младенца.

– Он убил ребенка, которого нашел у Моргаузы в замке?

Она была вне себя и даже не заметила, как странно прозвучал мой вопрос.

– Да, да! – Она судорожно всхлипнула. – А ведь это был его родной, его собственный сын! Я присутствовала при родах и могу поклясться богами – хранителями моего очага, он был...

– Что-что? – сразу насторожился стоящий у порога Ульфин.

– Линд, – прервал я ее. – Сейчас не время для загадок. – Я наклонился, поднял ее на ноги и помог ей устоять. – Говори. Расскажи мне все, что там произошло.

Она прижала запястье к губам и через несколько мгновений уже смогла более или менее связно рассказывать:

– Он приехал страшно злой. Мы ожидали этого, но не до такой степени. Он слышал, о чем люди говорят, что, мол, верховный король возлежал с Моргаузой. Ты тоже знаешь это, милорд, ты знаешь, что это правда... Так вот, король Лот страшно негодовал и ярился, называл королеву блудницей, прелюбодейкой. Мы все были там, ее придворные дамы и служанки, но ему горя мало, а она... Если бы она была с ним ласкова, даже солгала бы... – Линд судорожно сглотнула. – Это бы его утихомирило. Он ей поверил бы. Он перед ней никогда не мог устоять. Мы думали, она так и будет себя вести. Но она... Она расхоталась ему в лицо и сказала: «Разве ты не видишь, как он на тебя похож? Неужто ты думаешь, юнец Артур мог зачать такого сына?» А он ей на это: «Так, стало быть, это правда? Ты была с ним?» А она ему: «А отчего ж и нет? Ты на мне жениться не желал. Предпочел взять вместо меня эту слащавую куклу Моргану. Я ведь тогда не была твоей, верно?» Тут он еще того более разозлился. – Линд передернулась. – Посмотрел бы ты на него тогда, даже ты небось бы испугался.

– Несомненно. А она?

– Ничуть. Пальцем не шевельнула. Сидит себе в своем зеленом платье, вся в драгоценных камнях, и улыбается. Можно подумать, нарочно хочет его разозлить.

– Так оно и было, – сказал я. – Продолжай же, Линд, не медли.

Она уже совсем овладела собой. Я отпустил ее, и она стояла, все еще дрожа, но отрешенно, горестно скрестив на груди руки, как стоят плакальщицы над гробом.

– Он сорвал с колыбели полог. Дитя заплакало. А он говорит: «На меня похож? Пендрагонов пашенок темноволос, и я темноволос. Вот и все сходство». Тут он увидел нас, женщин, и велел всем убираться вон. Мы разбежались. Он был как бешеный волк. Остальные все убежали из королевских покоев, я же спряталась за пологом за дверью. Я думала, что... я думала...

– Что ты думала?

Но она только покачала головой. Слезы капали, отсвечивая в пламени очага.

– И вот тогда-то он это и сделал. Младенец перестал плакать. Раздался стук, будто колыбель опрокинулась на пол. А королева говорит, спокойно, точно ей дела нет: «Напрасно ты мне не поверил. Это был твой ребенок от одной шлюхи, которую ты приласкал в городе. Говорили же тебе, что он на тебя похож». И засмеялась. Он сначала помолчал, слышно было, как

он дышит, а потом сказал: «Темные волосы, и глаза уже начали чернеть. Его пашенок был бы таков же. Где же тогда он?» А она: «Он родился хилый и умер». А король ей: «Опять лжешь!» Она тогда говорит негромко и раздельно: «Да. Я лгу. Я велела повитухе унести его и найти такого, чтобы не стыдно было тебе показать. Может быть, я была не права. Но я поступила так для спасения твоей и моей чести. Рожденного мною младенца я видеть не могла. Мне мерзко было произвести на свет ребенка от другого мужчины, не от тебя. Я надеялась, что, может быть, все-таки понесла от тебя, но тот, кто у меня родился, был его ребенок. Я не солгала, что он родился хилый. Будем надеяться, что он уже тоже умер». И тогда король сказал: «Надеяться – мало. Надо действовать наверняка».

На этот раз Ульфин не выдержал и спросил:

– Вот как? И что же?

Девушка судорожно вздохнула:

– Она переждала немного, а потом проговорила – эдак насмешливо, как говорят, чтобы подначить мужчину на опасное дело: «Что же это значит – действовать наверняка, король Лотигана? Разве, может, перебить всех младенцев в городе, рожденных после Майского праздника? Я же сказала тебе, что не имею понятия, куда его дели». А он даже раздумывать не стал. Он дышал со свистом, словно на бегу. И сразу же говорит: «Ну, значит, так я и сделаю. Да-да, всех, и мальчиков, и девочек, иначе как я узнаю тайну этих дьявольских родин?» Тут я хотела было убежать, да ноги не послушались. Королева попробовала ему возразить: что, мол, люди скажут? Но он оборвал ее, подошел к дверям и кликнул своих командиров. Те бегут на королевский зов, а он им дает то самое распоряжение, кричит: всех новорожденных в городе!.. Что там еще говорилось, я не помню. Я боялась, что сейчас упаду в обморок, вывалюсь из-под полога и все меня увидят. Слышала только, как королева причитала жалобным голосом что-то про приказ верховного короля и что, мол, Артур не желает терпеть разговоры, которые пошли после Лугуваллиума. Солдаты ушли. А королева уже больше не плакала, она смеялась, милорд, и обнимала короля Лота. И так она с ним разговаривала, будто он совершил невесту какой доблестный подвиг. Тут он тоже стал смеяться и говорит: «Да-да! Пусть думают, будто это Артурово деяние, а не мое. Оно очернит его имя, как я не смог бы, сколько бы ни старался». И они удалились в опочивальню и затворили за собой двери. Я услышала, как она меня зовет, но выскользнула из замка и побежала со всех ног. Она злодейка! Я всегда ее ненавидела, но она ведьма, она держала меня в страхе.

– Тебя никто не обвинит за дела твоей госпожи, – успокоил я ее. – А теперь ты можешь искупить свое в них участие. Отведи меня туда, где спрятан сын верховного короля.

Расширив глаза, она отшатнулась от меня, оглянулась через плечо, словно вздумала убежать.

– Послушай, Линд. Если ты страшилась Моргаузы, куда более следует тебе страшиться меня. Ты бежала этой дорогой, чтобы спасти младенца, не правда ли? Но в одиночку тебе его не спасти. Ты и сама в одиночку не сумеешь спастись. Но если ты мне поможешь, я тебя защищу. А ты будешь нуждаться в моей защите. Вот, слышишь?

В вышине у нас над головами с лязгом распахнулись главные ворота замка. Меж деревьев замелькали факелы, раздался конский топот, возгласы, распоряжения. Все это покатилося вниз, к большому мосту.

Ульфин отрывисто произнес:

– Они уже выехали. Поздно.

– Нет! – выкрикнула девушка. – Домик Мачи в другой стороне. Туда они приедут напоследок. Я провожу тебя, господин! Ступай за мной.

И, не говоря больше ни слова, метнулась наружу. Мы с Ульфином поспешили за ней.

Вверх по проулку, которым мы сюда спускались, потом через пустырь и снова вниз по узкой улочке, криво сбегавшей к реке, и берегом реки по прибрежной тропе, утопавшей в

зарослях крапивы, распугивая крыс, кормившихся среди отбросов. Здесь стояла непроглядная мгла, и мы поневоле двигались небыстро, хотя ночь ужасов дышала нам в затылок, точно настаивающий гончий пес. Позади нас оживала, пробуждалась окраина города. Сначала раздался лай собак, потом возгласы солдат и гулкий стук подков. Потом захлопали двери, послышался женский плач, крики мужчин, перемежающиеся то тут, то там громким лязгом скрещенного оружия. Я бывал в отданных на разграбление захваченных городах, но это было нечто иное.

– Сюда! – шепнула Линд и свернула на другую кривую улочку, уводящую от реки.

Вдали за домами по-прежнему отравляли ночь страшные, кровавые звуки. Мы пробежали, оскользаясь, по уличной грязи, взобрались по каким-то разбитым ступеням и очутились на еще одной узкой улочке. Здесь пока царила сонная тишина, хотя в одном окне я заметил огонек – испуганного горожанина разбудили отдаленные крики. По этой улочке мы выбежали на травянистый луг, где пасся стреноженный осел, миновали ухоженный фруктовый сад, кузницу с плохо притворенной дверью и очутились возле аккуратного домика, который стоял отдельно от других за невысокой терновой изгородью. Перед домом был палисадник с голубятней и собачьей конурой.

Дверь была широко распахнута и качалась на ветру. Сторожевой пес рвался на цепи, вскидываясь на задние лапы. Голуби все выпорхнули из голубятни и взбивали крыльями серый предутренний воздух. А в доме – ни огонька. И ни звука.

Линд пробежала через палисадник, остановилась на пороге, заглянула в черную глубину:

– Мача! Мача!

На приступке за дверью стоял фонарь. Но разве было сейчас время искать огниво? Я осторожно оттолкнул девушку. «Выведи ее», – приказал я Ульфину, он взял ее за руку, а я поднял фонарь и резко взмахнул им у себя над головой. И сейчас же из фитиля с шипением выбился яркий язычок пламени. Я услышал сзади изумленный возглас Линд. И тут же у нее перехватило дыхание. Фонарь осветил всю внутренность дома: кровать у стены, тяжелый стол с лавкой, горшки для стряпни и для хранения масла, маленькую скамеечку и упавшую рядом прялку с протянутой куделью; чисто выметенный очаг и добела вымытый каменный пол без единой соринки, только в углу труп женщины в луже крови, натекающей из перерезанного горла. У кровати стояла колыбель, она была пуста.

Линд и Ульфин ждали меня у садовой ограды. Девушка притихла, она была так потрясена, что даже перестала плакать; личико ее в свете фонаря было без кровинки. Ульфин поддерживал ее, обхватив одной рукой за плечи. Он тоже был бледен. Пес на цепи, поскулив, сел перед конурой, задрал нос к небу и протяжно, пронзительно завыл. Ему среди лязга и криков в ночи отозвался другой, из соседнего квартала, потом третий, ближе.

Я плотно притворил за собой дверь домика.

– Мне очень жаль, Линд. Но тут уже ничем не поможешь. Надо уходить. Ты знаешь таверну у южных ворот? Отведи нас туда, но только в обход той части города, откуда сейчас доносятся крики. И постарайся не давать воли своему страху: я сказал, что защищу тебя, так и будет. Ты пока останешься с нами. Пошли.

Она не двинулась с места.

– Его унесли! Они схватили младенца! И убили Мачу. – Она обратила ко мне невидящий взгляд. – Почему? Король не мог повелеть это, она была его милой!

Я задумчиво отозвался:

– В самом деле, почему? – и поторопил, легонько встряхнув ее за плечи: – Идем, дитя, нельзя больше медлить. Солдаты второй раз сюда, может быть, и не вернуться, но тебе на улицах грозит опасность. Веди нас к южным воротам.

– Это она, она направила их сюда! – не слыша меня, причитала Линд. – Они поспешили прямо сюда. А я опоздала! Если бы вы не задержали меня на мосту...

– ...ты бы тоже сейчас валялась мертвая, – сухо закончил Ульфин. Он говорил спокойно, словно ужасы ночи его не задевали. – Чем ты могла им помешать, ты и твоя Мача? Нашли бы здесь тебя и зарезали, не успела бы до изгороди добежать. Ты лучше делай, что говорит милорд. Если ты, конечно, не хочешь вернуться к королеве и доложить о том, что здесь произошло. Можешь не сомневаться, она уже догадалась, куда ты побежала. И солдаты не замедлят сюда за тобой явиться.

Это было сказано резко, зато возымело действие. При упоминании о Моргаузе Линд словно очнулась. Она бросила последний испуганный взгляд на домик, натянула на голову капюшон и побрела через сад, пробираясь между деревьями.

Я задержался возле воющего пса и положил ладонь ему на шею. Жуткий вой прервался. Животное дрожало мелкой дрожью. Я достал кинжал и перерезал веревочный ошейник. Но пес не сдвинулся с места, и я, оставив его, пошел дальше.

В ту ночь схватили два десятка младенцев. Кто-то из повитух и знахарок, должно быть, наставил воинов Лота, где искать. Когда мы кружным путем, по пустынным окраинам, добрались до таверны, все было уже позади, солдаты усаkali. Нас никто не остановил, никто не обратил на нас внимания. Улицы в центре города были полны народа. Стоял страшный шум. Одни метались как безумные между домами, другие выглядывали в страхе из темных подворотен. Здесь и там вокруг рыдающей матери, вокруг потрясенного или взбешенного отца собирались толпы. Бедные люди, лишенные возможности противостоять воле своего короля! Монарший гнев пронесся через город, и им оставалось только горевать.

И проклинать. Я слышал, как повторялось имя Лота: конники-то были его. Но вместе с ним раздавалось и имя Артура. Клевета уже была пущена, и со временем ей предстояло полностью вытеснить правду. Артур был верховный король, источник и блага, и зла.

В одном мучители были к ним милосердны: они не пролили крови. Пала жертвой одна только Мача. Солдаты выхватывали детей из колыбелей и скрывались с ними во тьме. Не считая двух-трех разбитых лбов в тех случаях, когда отцы пытались заступиться, они никому не нанесли увечий.

Об этом поведал мне потрясенный Бельтан. Он встретил нас в дверях таверны одетый и охваченный страшным волнением. Линд он даже не заметил. Поймав меня за руку, он, захлебываясь, рассказал о событиях этой ночи. Из его сбивчивого рассказа мне стало ясно одно: солдаты с младенцами проскакали здесь совсем недавно.

– Они были еще живы и плакали – только вообрази, мастер Эмрис! – Он горестно заламывал руки. – Ужасно, ужасно! Поистине дикие времена! И эта болтовня про Артуров приказ, кто в нее поверит? Но тише, ни слова больше, чем скорее мы будем в пути, тем оно лучше. Не место здесь для честных ремесленников. Я бы выехал еще раньше, мастер Эмрис, но я дождался тебя. Я думал, тебя позвали оказать помощь, говорят, в городе есть раненые. Младенцев собираются уничтожить, ты слышал? О милостивые боги, подумать, что только вчера я... А вот и Кассо, добрый человек! Я позволил себе распорядиться, чтобы он оседлал ваших мулов, мастер Эмрис. Я уверен, что ты со мной согласишься. Надо уезжать немедленно. Я заплатил хозяину, все улажено, мы с тобой сочтемся в дороге... Я, как видишь, купил мулов и для нас с Кассо, давно подумывал об этом, а вчера, когда мне в замке привалила такая удача... Ах, как это вышло кстати, как кстати! Но какова милая дама? Кто бы подумал... но ни слова больше, покуда мы здесь! Стены имеют уши, а времена нынче страшные. Ну а это кто?

Он близоруко всмотрелся в лицо Линд, которая едва держалась на ногах, опираясь на руку Ульфина.

– Господи! Да ведь это, кажется, юная фрейлина?..

– Потом, – остановил я его. – А пока – никаких вопросов. Она едет с нами. Прими мою благодарность, мастер Бельтан. Ты верный друг. Правда твоя, надо уезжать без промедления. Кассо, сними-ка поклажу с этого мула, на нем поедет дама. Ульфин, ты говорил, у тебя завелось

знакомство среди стражников у городских ворот? Поезжай вперед и позаботься, чтобы нас выпустили из города. Подкупи их, если понадобится.

Впрочем, в этом нужды не оказалось. Когда мы подъехали, городские ворота как раз закрывались, но стражники не стали чинить нам препятствий. Можно было даже понять из того, о чем они переговаривались между собой, что они не менее горожан были потрясены происшествием и находили вполне понятным, что мирные торговцы и ремесленники спешили покинуть город прямо среди ночи.

Немного отъехав по дороге и убедившись, что стражники нас уже не видят, я натянул поводья и сказал:

– Мастер Бельтан, у меня еще осталось одно неотложное дело. Нет, не в городе, так что тебе нет нужды за меня опасаться. Я скоро догоню тебя. А вы поезжайте в ту таверну, где мы останавливались по пути сюда, с раkitой у входа, помнишь? Там ждите нас. Линд, ты будешь в безопасности с этими людьми. Ничего не бойся, но будет лучше, если до моего приезда ты станешь хранить молчание. Ты поняла?

Она безмолвно кивнула.

– Итак, до встречи под раkitой, мастер Бельтан?

– Да-да, пусть будет так. Не могу сказать, чтобы мне было что-нибудь понятно, но, возможно, утром...

– Утром, я надеюсь, все разъяснится. А пока – прощай.

Они потрусили дальше. Я натянул узду своего мула.

– Ну, Ульфин?

– Они свернули на восточную дорогу, милорд.

И мы поехали на восток.

Верхом на мулах нам бы не под силу было нагнать конный отряд, если бы не то, что наши «скакуны» хорошо отдохнули, а они на своих взмыленных прискакали издали этой же ночью.

И потому, когда через полчаса скачки оказалось, что их все еще не видно и не слышно, я натянул поводья и обернулся:

– Ульфин! На два слова.

Он подогнал своего мула. Лица Ульфина в темноте я не видел, но ощутил, что с ним что-то происходит: он боялся.

До сих пор он ни разу не выказал страха, даже в домике Мачи. А здесь ему нечего было бояться – кроме меня.

Я спросил:

– Почему ты солгал мне?

– Милорд...

– Ведь отряд этим путем не проезжал?

– Нет, милорд.

– Тогда куда же они поскакали?

– К морю. Кажется... так говорили... что они положат детей в барку и пустят по волнам. Король объявил, что отдает их в руку божию, чтобы невинные...

– Вздор! – оборвал я его. – Не Лоту говорить о руке божией. Просто он боялся гнева людского, если бы люди увидели зарезанных младенцев. Теперь он еще, конечно, станет нашептывать, что будто бы Артур велел их зарезать, а он, Лот, смягчил приговор и предоставил решать случаю! Скорее на берег. По какой дороге?

– Я не знаю.

– Это правда?

– Истинная правда, милорд. Туда ведет несколько дорог. По какой они поехали, никто точно не знал. Это правда, милорд.

– Да, если бы кто-то узнал, горожане бы еще, пожалуй, пустились вдогонку. В таком случае едем назад и свернем на первую же дорогу к морю. Можно будет ехать вдоль берега и высматривать их у воды. Поскакали!

Я стал поворачивать мула, но Ульфин протянул руку и взялся за мои поводья. Такую вольность он бы никогда себе не позволил, если бы не совершенная крайность.

– Милорд... прости меня. Что ты собираешься делать? После всего... Ты по-прежнему хочешь разыскать этого ребенка?

– А ты как думаешь? Артуров сын.

– Но Артур сам хочет, чтобы его не стало!

Вот оно что. Я мог бы давно догадаться. Я дернул повод, и мул подо мной стал перебирать копытами.

– Стало быть, ты в Каэрлеоне подслушивал. И слышал все, что было сказано в ту ночь.

– Да, – признался он еле слышно. – Не согласиться убить малое дитя – это одно, но когда убийство совершается чужими руками...

– ...незачем этому препятствовать, так, по-твоему? Может быть. Но раз уж ты подслушивал в ту ночь, ты должен знать и ответ, который я дал королю. Я сказал, что надо мною есть власть более высокая, чем он. И до сего часа мои боги не дали мне никакого знака. Неужто ты думаешь, что они велят мне поступить так, как поступают Лот и его преступная королева? А слышал ты, как они клеветают на Артура? Ради чести Артура и ради спокойствия его души он должен знать правду. Я послан сюда им, дабы все увидеть и поведать ему. И то, что надо будет сделать, я сделаю. А теперь отпусти мой повод.

Он повиновался. Я пришпорил в галоп. И мы поскакали по дороге обратно.

Этим путем мы уже проезжали в тот день, когда прибыли в Дунпелдир. Я постарался припомнить, какой здесь берег. Запомнились отвесные каменные кручи над самой водой и перемежающиеся с ними песчаные бухты. Примерно в миле от города в море выдавался скалистый мыс, который даже во время отлива невозможно было объехать на лошади, так круто обрывались в воду его отвесные бока. Но за мысом к берегу вела тропа, и оттуда при низкой воде, прикинул я теперь, можно было ехать вдоль самого моря до устья Тайна.

А ночная темнота исподволь, но неуклонно редела. Занимался рассвет. Мы уже ехали не вслепую.

Впереди по правую руку обозначилась гряда камней. У ее подножия ветер теребил пучок перьев. Мулы всхрапели и стали косить глазами – видно, почуяли запах крови. Отсюда началась тропа к морю. Мы свернули на нее, поехали по каменистой зеленой равнине под уклон – и перед нами открылся берег и серая неумолчная гладь моря.

Высокий мыс остался справа, с левой стороны был гладкий серый песок. Мы свернули налево и пустились галопом по плотному ребристому песку. Море сильно отступило и там, вдали, как большое серое зеркало, отбрасывало тусклый блеск к пасмурному небу. Впереди, окруженная серым сиянием, темнела скала, на которой был установлен маяк. Он ровно рдел. Скоро, думал я, трясаясь на муле, слева должна открыться гора Дунпелдирского замка, а перед нею – низкие берега бухты, в которой река встречается с морем.

Показался еще один мыс, у черной, каменистой оконечности его белели кружева пены. Мы объехали его по кромке, копыта мулов ступали прямо в кипень прибоя. И вот милях в двух от берега показался Дунпелдир, все еще мерцающий встревоженными, бессонными огнями. Впереди расстился ровный, выглаженный волнами песок, дальше смутно чернели древесные купы, очерчивая невидимое русло реки, а там, где она разливалась, встречаясь с морем, золотисто отсвечивала вода. Вдоль реки, удаляясь от моря, мерной рысью ехали всадники с факелами. Они возвращались в город: дело было сделано.

Мой мул с готовностью послушался узды и встал. За его крупом, фыркая, остановился мул Ульфина. Из-под копыт, послушные тяге отлива, поползли прибрежные камешки.

Помолчав, я сказал:

– Похоже, что твое желание исполнилось.

– Милорд, прости меня. Я только думал о том, чтобы...

– За что прощать? Я не могу тебе пенять, что ты служил своему господину, а не мне.

– Надо было верить, что ты лучше знаешь, как поступить.

– Когда я сам не имел об этом представления? Может быть, ты был прав, а не я. Во всяком случае, теперь, когда преступление свершилось и Артуру, со своей стороны, все равно придется за него поплатиться, будем хотя бы надеяться, что ребенок, рожденный Моргаузой, погиб вместе с остальными.

– Разве возможно, чтобы кто-то из них спасся? Взгляни, милорд!

Я обернулся и посмотрел, куда он показывал.

В море за скалистым рифом, замыкающим залив, бледным полумесяцем мерцал одинокий парус. Оставив риф позади, барка выплыла в открытое море. Ровный береговой ветер наполнил парус, и она заскользила по волнам, точно чайка, несущаяся над морем. Вот оно, Иродово милосердие к младенцам – в качании волн и песне ветра! Уплывающая барка подпрыгивала и зарывалась носом, быстро унося прочь от земли свой злосчастный груз.

Наконец парус растаял в серой дали. Море под ветром вздыхало и бормотало. Маленькие волны ударяли в скалу и вымывали из-под копыт наших мулов песок и осколки ракушек. Вверху над прибрежным обрывом шелестела и стлалась на ветру сухая трава. И вдруг, сквозь все эти звуки и шорохи, я услышал в мгновение затишья едва уловимый, тонкий нарастающий вой, нечеловеческий голос, подобный пению серых тюленей в морском просторе. Мы прислушались: вой постепенно стих, но вдруг возник снова, пронзительно-громкий, он зазвучал прямо над нашими головами, будто обреченная на гибель душа покинула тонущую барку и прилетела к родным берегам. Ульфин вздрогнул и отшатнулся, словно увидел призрак, и осел себя охранительным знаменем. Но то была лишь чайка, с криком пронесшаяся высоко над нами.

Ульфин не проговорил ни слова, я тоже сидел в седле и молчал. Что-то гнетущее ощущалось в обступившей нас полутьме, оно давило и клонило меня долу. Что это было? Не одна только злая доля этих детей. И уж конечно, не гибель Артура отпрыска. Но бледному парусу, убегающему вдаль по серой воде, и плачу, прозвучавшему во мгле, отзывалось что-то в самой глубине моей души.

Я недвижно сидел в седле, а предрассветный ветер замирал, сменяясь затишьем, прибой лениво ударял в скалы, и плач замер в морской дали.

Часть вторая Камелот

Глава 1

Мне очень не хотелось, но пришлось все же задержаться в Дунпелдире. Артур по-прежнему находился в Линнуисе, он ждал от меня донесений, и не только о самом избиении младенцев, но и о том, что последует за ним. Ульфин наверняка надеялся, что его отпустят домой, но я, поскольку в самом Дунпелдире мне оставаться было небезопасно, обосновался в таверне под ракитой, и Ульфину пришлось послужить моим посыльным и связным. Бельтан, потрясенный событиями той страшной ночи, отправился с Кассо на юг. Однако я свое обещание выполнил; я дал это обещание не раздумывая, оно просто сорвалось у меня с языка, но жизнь показала, что такие наития рождаются из источника, которым нельзя пренебрегать. Я поговорил с золотых дел мастером и без труда убедил его, что от слуги, знающего грамоту, ему будет гораздо больше проку; к тому же я прямо объявил, что отдаю ему Кассо за меньшую цену, чем заплатил за него сам, но только на этом единственном условии. Впрочем, я мог бы и не настаивать: Бельтан, добрая душа, с готовностью взялся сам обучать Кассо чтению и письму, после чего они оба со мной простились и направились к югу, держа путь обратно в Йорк. С ними вместе уехала и Линд, у которой в Йорке остался знакомый, на чье покровительство она могла рассчитывать. Был он мелкий торговец и звал ее за себя замуж, но она, боясь гнева королевы, до сих пор ему отказывала. Итак, мы расстались, и я расположился ждать, что принесут ближайшие несколько дней.

Спустя два или три дня после страшного Лотова возвращения к берегу стало прибывать обломки барки с телами младенцев. Как видно, ее выбросило где-то на скалы, а потом разбило прибоем. Бедные матери на берегу заводили зловещие перебранки о том, который младенец чей. Они целыми днями бродили у моря, много плакали и мало говорили: видно, они привыкли, как бессловесные твари, принимать от хозяев и милостыню, и кару. Убедился я, сидя в тени под навесом и прислушиваясь к разговорам, и в том, что, вопреки пущенному слуху об Артуровом приказе, люди все же возлагали вину на Моргаузу и на одураченного, рассвирепевшего Лота. И поскольку мужчины всегда остаются мужчинами, горожане даже не очень винили своего короля, действовавшего со зла и впопыхах. Всякий мужчина поступил бы на его месте так же, вскоре уже поговаривали они. Легко ли вернуться домой и узнать, что твоя жена принесла тебе в подоле чужого ублюдка. Как тут не рассерчать? Ну а что до избиения младенцев, так король есть король, у него голова болит не только о своем ложе, но и о троне. И кстати, о делах королевских: разве Лот не по-королевски возместил нанесенный урон? Ибо у Лота действительно хватило соображения вознаградить пострадавших – женщины хоть и продолжали горевать и плакать, но мужчины смирились и приняли Лотово золото как должное, а Лотово злодейство как вполне понятный поступок обманутого мужа и гневливого монарха.

«А как же тогда Артур? – задал я однажды, словно бы невзначай, вопрос собравшимся в таверне говорунам. – Если справедливы слухи о причастности верховного короля к убийству, тогда, быть может, и его можно оправдать? Если младенец Мордред в самом деле его сын и был бы заложником у короля Лота (который не сказать чтобы всегда верой и правдой служил Артуру), тогда разве политические соображения не оправдывают этого поступка? Разве для того, чтобы заручиться дружбой могучего короля лотианского, Артуру не вернее всего было бы убить кукушонка в гнезде и принять вину на себя?»

Ответом мне было бормотание и качание голов, которое свелось в конце концов к согласию, хотя и с оговорками. Тогда я подкинул им другую мысль. Всякий знает, что в делах

государственных – в вопросах высшей и тайной политики и сношений с таким соседом, как Лотиан, – всякий знает, что в таких делах решает не юный Артур, а его главный советник, Мерлин. Можно не сомневаться, что это было решение безжалостного и хитроумного интригана, а не храброго молодого воина, который все свои дни проводит на поле брани, сражаясь с врагами Британии, и которому недосуг заниматься постельной политикой, за исключением того, на что у каждого мужчины найдется время...

Так было посеяно семя и, как трава, взялось и распространилось по земле; к тому времени, когда пришло известие о новой победе Артура на бранном поле, избиение младенцев в городе Дунпелдире не служило больше главным предметом разговоров, и вина за него, на кого бы ее ни возлагали – на Мерлина, Артура или Лота, – уже, можно сказать, была прощена. Всем было ясно, что верховный король – да оборонит его Господь от врагов – не имел к этому делу иного касательства, помимо того, что сознавал его необходимость. Притом же младенцы так или иначе почти все померли бы, не дожив до года, и не видать бы их отцам золота, которое они получили от короля Лота. А сверх всего, женщины вскоре уже снова понесли и волей-неволей забыли свое горе.

Забыла свое горе и королева. Король Лот, как теперь считалось, поступил воистину по-королевски. Примчался домой, объятый гневом, убрал бастарда (по Артурову ли приказу, по своей ли воле – не важно), зачал нового, законного наследника на место убиенного и усакал опять служить верой и правдой верховному королю. И многие из пострадавших отцов, вступив в его войско, уехали вместе с ним. Моргауза же вовсе не казалась перепуганной яростью своего супруга и повелителя или уstraшенной народным возмущением – раз или два, что я ее видел, она проезжала мимо гладкая, довольная, торжествующая. Что бы люди ни говорили о ее участии в убийстве детей, ей теперь все было прощено, ведь она, по слухам, носила в чреве законного наследника лотианского престола.

Об убитом же сыне она если и горевала, то виду не показывала. А это верный знак, говорили люди, что Артур взял ее силой и зачатый ею ребенок был ей не мил. Но для меня, выживавшего в серой незаметности, это был знак, означавший, пожалуй, нечто иное. Я не верил, что младенец Мордред находился в той барке среди обреченных на гибель детей. Я помнил троих вооруженных мужчин, которые вошли в замок через задний вход незадолго до прибытия Лота – после того как прискакал по южной дороге гонец королевы. Помнил женщину Мачу, которая лежала в своем доме с перерезанным горлом у пустой колыбели. И помнил, как Линд под покровом ночи выбежала из замка без ведома и согласия Моргаузы, спеша предупредить Мачу и перенести младенца Мордреда в безопасное место.

И, сопоставив все это, я, кажется, понял, как в действительности было дело. Мача была избрана в мамки Мордреду, потому что родила от Лота мальчика. Моргаузе, наверно, даже приятно было наблюдать смерть этого ребенка, недаром же она смеялась, как рассказывала Линд. Спрятав Мордреда и подложив в колыбель подменыша на верную погибель, Моргауза спокойно ждала Лотова возвращения. Как только пришло известие, что король приближается, она послала троих воинов из замка переправить Мордреда в другое место, а Мачу убить, чтобы та, узнав о гибели своего ребенка, с горя не выдала королеву Моргаузу. Теперь Лот поостыл, горожане успокоились, и где-то в безопасности, я был уверен, рос мальчик – ее тайное оружие власти.

Когда Лот уехал, чтобы присоединиться к Артуру, я отправил Ульфина на юг, сам же еще остался в Лотиане выжидать и присматриваться. Теперь, когда Лот был далеко, я мог без опасений возвратиться в Дунпелдир и прилагал все старания к тому, чтобы найти какой-нибудь след, ведущий туда, где был спрятан Мордред. Что я должен был сделать, найдя его, я не имел понятия, но мне так и не пришлось принимать этого решения, бог не возложил на меня такого бремени. Я прожил в грязном северном городишке добрых четыре месяца, и хотя ходил по берегу моря и при свете звезд, и при свете солнца и обращался к моему богу на всех известных

мне языках и наречиях, я не увидел ничего ни среди бела дня, ни во сне, что могло бы привести меня к сыну Артура.

Постепенно я начал склоняться к мысли, что, наверно, я все же ошибался, что даже Моргауза не могла быть такой злодейкой и не иначе как Мордред утонул вместе с остальными младенцами в ночном море.

Итак, наконец, когда уже в осень закрались первые зимние морозы и стало известно о победном исходе битвы при Линнуисе, так что в городе снова ожидали скорого возвращения короля Лота, я с удовольствием покинул Дунпелдир. Артур на Рождество намерен был прибыть в Каэрлеон и ожидал меня там. На пути к югу я сделал только одну остановку – погостил день-другой в Нортумбрии у Блэза, рассказал ему все новости и отправился дальше, чтобы быть на месте ко дню возвращения короля.

Он возвратился на второй неделе декабря, когда землю уже убрал серебром мороз и дети рвали плющ и остролист для рождественских украшений. Артур умылся и переоделся с дороги и сразу же послал за мною. Принял он меня в той самой комнате, где мы с ним беседовали перед тем, как расстаться. На этот раз дверь в спальные покои была плотно закрыта и король был один.

Он сильно изменился за эти месяцы. Вырос, конечно, чуть ли не на полголовы – в этом возрасте юноши тянутся вверх, как ячмень на поле, – но и раздался вширь, и лицо сделалось жестким, потемнело и осунулось от солдатской жизни. Но главная перемена состояла не в этом. Главное – он стал властным. Он держался как человек, который знает, что делает и какой добивается цели.

Не считая этого, наш разговор был словно продолжением того разговора, что я вел с Артуром год назад, в ту ночь, когда был зачат Мордред.

– Люди говорят, что это злодейство совершено по моему велению! – воскликнул он вместо приветствия. Он расхаживал по комнате такими же сильными и легкими львиными шагами, только каждый шаг был теперь в добрую пядь длиннее. Комната стесняла его, как клетка – благородного зверя. – А ведь ты же знаешь, помнишь, как я в этой самой комнате сказал тебе: нет! Пусть Бог решит по своей воле! И вот – такое.

– Но ведь ты этого хотел, разве нет?

– Всех этих смертей? Неужели бы я распорядился так? Или ты, если на то пошло?

Вопрос не предполагал ответа, и ответа на него я не дал, а только сказал:

– Лот никогда не славился ни умом, ни сдержанностью, а тут он еще был в ярости. Правильно будет сказать, что такое решение было ему подсказано или по крайней мере поддержано со стороны.

Он бросил на меня быстрый горящий взгляд:

– Моргаузой? Это я слышал.

– Тебе, очевидно, все рассказал Ульфин. А о своем собственном участии в этом деле он не умолчал?

– О том, что он пытался отвести тебя от следа и предоставить року решение участи младенцев? Да, это я тоже знаю. – Он немного помолчал. – Поступок неправильный, я так и сказал, но трудно сердиться на человека за преданность. Он полагал... он знал, что мне будет легче в случае смерти этого ребенка. Но все остальные... Месяца не прошло, как я дал клятву защищать мой народ, и уже мое имя повторяют на улицах с проклятием...

– По-моему, ты можешь утешиться. Мало кто верит, что ты имел касательство к этому злодеянию.

– Не важно, – бросил он мне через плечо. – Кто-то верит, и этого достаточно. У Лота есть все-таки какое-то извинение, то есть извинение в глазах простолюдина. Но я? Что же мне, публично заявить: прорицатель Мерлин, мол, предсказал, что мне грозит опасность от этого

младенца, и я повелел его убить, а заодно с ним и остальных, чтобы он не улизнул из сети? Какой же я тогда получаюсь король? Вроде Лота?

– Могу только повторить, что люди тебя не винят. Не забудь, придворные дамы Моргаузы находились поблизости и все слышали своими ушами, и стражники знают, от кого получили приказ. И в свите Лота тоже знали, что король мчался домой, пылая жадой мести, да он и не из тех, кто стал бы молчать о своих намерениях. Не знаю, что рассказал тебе Ульфин, но, когда я покидал Дунпелдир, в городе говорили, что избиение младенцев было учинено по приказу Лота, а если кто и придерживается мнения, что приказ был дан тобой, то полагают, что ты действовал по моему совету.

– Вот как? – Тут он совсем рассвирепел. – Я, стало быть, такой король, который сам по себе ничего не решает? Если вина ложится на нас с тобой, то ее приму я, а не ты. Ты сам знаешь, что это справедливо, ты не хуже моего помнишь, какие именно слова здесь были сказаны.

На это тоже нечего было ответить, и я промолчал.

А он походил взад-вперед по комнате, а потом продолжал:

– От кого бы ни исходил тот приказ, ты не ошибешься, если скажешь, что я чувствую свою вину. Но клянусь всеми богами, небесными и подземными, я бы никогда не пошел на это. Подобные деяния остаются с человеком на всю жизнь и даже переживают его. Меня будут помнить не как воителя, изгнавшего саксов из пределов родной Британии, но как нового царя Ирода, устроившего в Дунпелдире избиение младенцев!.. Весело, нечего сказать!

– Я думаю, ты можешь не беспокоиться о своей посмертной славе.

– Это ты так думаешь.

– Да, я так думал.

То ли он заметил, что я говорю в прошедшем времени, то ли мой тон его задел. Он посмотрел мне прямо в глаза, но я не отвел взгляд:

– Так думал и так сказал я, Мерлин, когда сила моя была при мне, и, стало быть, это правда. Ты прав, что негодуешь из-за совершенного злодеяния, и прав, что часть вины за него берешь на себя. Но даже если это событие войдет в историю как дело твоих рук, все равно тебя винить за него не будут. Поверь мне. То, что еще ждет тебя впереди, перечеркнет все твои прегрешения.

Гнев его улегся. Артур размышлял. Наконец он медленно произнес:

– То есть от рождения и гибели этого ребенка произойдет нечто ужасное? И люди будут думать, что убийство его было оправданно?

– Да нет, я совсем не это имел в виду...

– А ведь ты, вспомни, предрекал совсем другое. Ты намекал... даже не намекал, а прямо говорил, что от ребенка Моргаузы может произойти опасность для меня. Ну так вот. Ее ребенок теперь мертв. Может быть, именно эта опасность мне и грозила? Опасность запятнать свое имя? – Он замолчал, потрясенный новой мыслью. – Или же когда-нибудь в будущем один из отцов, чей сын был теперь убит, подстережет меня в темноте с ножом? Ты на это намекал своим пророчеством?

– Я уже объяснил тебе, что ничего определенного в виду не имел. И я говорил не «может произойти опасность», а «произойдет». Если пророчество мое верно, то опасность грозит тебе прямо от него, а не через нож в руке у кого-то еще.

Если раньше он метался по комнате, то теперь застыл на месте. И не спускал с меня напряженного, думающего взгляда.

– Значит, это кровопролитие цели не достигло? И ребенок – Мордред, ты говорил, его зовут? – остался жив?

– Я пришел к выводу, что да.

Он судорожно вздохнул:

– Он как-то спасся из тонущей барки?

– Возможно. Либо его уберег случай, и он живет теперь где-то, неведомо для других и сам ни о чем не ведая, как рос некогда ты, – и ты когда-нибудь его встретишь, как Лай Эдипа, и падешь от его руки, не подозревая, кто твой противник.

– Пусть так. Готов рискнуть. Рано или поздно гибель подстережет каждого. А что еще могло произойти?

– Могло быть, что он вовсе не находился в той барке.

Он задумчиво кивнул:

– Да. Это похоже на Моргазу. Что тебе известно?

Я рассказал ему то небольшое, что знал, и объяснил, какие выводы сделал.

– Она не могла не предвидеть бешенства Лота, – заключил я. – Мы знаем, что рожденного ею младенца она хотела сберечь, и знаем, для чего он ей нужен. Стала бы она рисковать и оставлять его в городе ко времени Лотова возвращения? Ясно, что все происшедшее подстроено ею. Линд рассказала нам потом еще много подробностей. Мы знаем, что она дразнила и подначивала Лота и довела его до исступления и до убийства; и притом она первая, мы знаем, пустила слух, что все делается по твоему приказу. Чего же она достигла? Ублажила Лота и укрепила свою над ним власть. Но, кроме того, зная ее и понаблюдав за нею, я пришел к заключению, что она еще и ухитрилась...

– ...сохранить своего заложника!

Румянец сошел с его щек, он казался холоден, узкие щелочки глаз были полны непогодой. Такого Артура случалось видеть другим, мне же до сих пор – никогда. Сколько воинственных саксов успели заглянуть в эти глаза, прежде чем расстались с жизнью? Он горько произнес:

– Я уже с лихвой заплатил за ту ночь. Жаль, что ты не дал мне тогда ее зарубить. Этой даме лучше никогда больше не приближаться ко мне, разве что во власянице и на коленях! – Это прозвучало как клятва. Затем тон его переменялся. – Давно ли ты с севера, Мерлин?

– Вчера.

– Вчера? Я думал... мне казалось, что со времени этого злодеяния уже месяцы прошли.

– Так и есть. Но я остался, чтобы увидеть своими глазами, что будет дальше. Потом, когда я начал кое о чем догадываться, я решил задержаться и посмотреть, не сделает ли Моргаза какой-нибудь шаг, который укажет мне местонахождение ребенка. Если бы Линд могла к ней вернуться и не побоялась мне помогать... но это невозможно. Вот почему я оставался в Дунпелдире, пока не пришло известие о том, что ты выехал из Линнуиса. Лота опять ждали со дня на день домой. А я знал, что в присутствии Лота не смогу ничего предпринять, поэтому собрался и отправился в путь.

– Вот, стало быть, как. Приехал издалека, а я тут продержал тебя на ногах, да еще наорал на тебя, словно ты часовой, заснувший на посту. Простишь ли ты мне?

– Нечего прощать. Я успел отдохнуть. Впрочем, я с удовольствием теперь сяду. Благодарю тебя.

Я поблагодарил его за кресло, которое он мне подвинул, после чего сам уселся в другое, по ту сторону дубового стола.

– Ты в своих донесениях ни словом не обмолвился о том, что младенец Мордред, возможно, остался жив. И Ульфин ничего такого мне не говорил.

– Едва ли это могло прийти ему в голову. Я и сам сообразил и сделал выводы, только когда вдоволь поразмыслил и понаблюдал уже после его отъезда. А доказательств моей правоты, кстати сказать, нет. И насколько все это важно или не важно, я могу теперь судить лишь по памяти о былых предчувствиях. Но одно могу сказать тебе: судя по той неге в костях, которую испытывает сейчас королевский прорицатель Мерлин, всякая опасность, прямая или косвенная, которая может грозить тебе от Мордреда, отстоит от тебя на многие и многие годы.

Во взгляде, который он на меня обратил, не оставалось и тени досады. В глубине его глаз искрилась улыбка.

– Стало быть, у меня пока есть время.

– Да, время есть. То, что произошло, – худо, и ты был прав, что сердился, но дело это уже наполовину забылось и скоро совсем уйдет из людской памяти в блеске твоих побед. Кстати, о победах: повсюду только о них и говорят. Так что отложим прошлое и будем думать о будущем. Оглядываться назад, да еще в сердцах, – значит даром тратить время.

Напряжение наконец разрядилось, он улыбнулся знакомой мне улыбкой:

– Я понял тебя. Надо строить, а не ломать. Сколько раз ты мне это внушал. Но я всего лишь смертный, меня тянет сначала сломать, чтобы расчистить место... Ну ладно. Забудем. Есть много важных дел и забот, а что сделано, то сделано. Я, кстати, слышал, – улыбка его стала шире, – что король Лот думает податься в свои северные владения. Хоть он и постарался переложить вину на меня, похоже, что ему в Дунпелдире не слишком-то уютно. Оркнейские острова, я слышал, имеют плодородную почву, и летом там приятно, но в зимнюю пору они бывают совсем отрезаны от мира.

– Если только море не покроется льдом.

– А это, – заключил он со злорадством, отнюдь не королевским, – даже Моргаузе сделать не под силу. Так что на некоторое время мы сможем забыть Лота и его козни...

Он положил руку поверх вороха сваленных на столе бумаг и свитков. А я задумался о том, что, верно, искал Мордредра слишком близко: если Лот посвятил Моргаузу в свои намерения перебраться вскоре с двором на северные острова, она могла распорядиться так, чтобы и дитя переправили туда.

Но Артур заговорил снова:

– Ты имеешь понятие о снах?

Я удивился:

– О снах? Да, мне случалось видеть сны.

Он усмехнулся:

– Глупый вопрос, не так ли? Я хотел спросить, можешь ли ты объяснить, что они значат, чужие сны?

– Едва ли. Когда я сам вижу сны со значением, это значение бывает очевидно и не нуждается в толковании. А что, тебя мучают сновидения?

– Да, уже много ночей подряд. – Он помолчал, перекладывая бумаги на столе. – Кажется, такой пустяк, стоит ли из-за него беспокоиться? Но мое сновидение такое яркое и повторяется из ночи в ночь.

– Расскажи.

– Я словно бы на охоте и совсем один. Ни собак, никого, только я и мой конь, и мы преследуем оленя. Тут бывает немного по-разному, но я всегда знаю, что охота продолжается уже несколько часов. Когда олень уже достигнут, он вдруг прыгает в кусты и пропадает. И в тот же миг конь подо мной падает мертвый, а я лечу на траву. Иногда я в этом месте пробуждаюсь, но засыпаю снова, и снова оказывается, что я лежу на траве у берега ручья и рядом мой мертвый конь. Вдруг слышу лай, приближаются собаки, целая свора. Я приподнимаюсь, осматриваюсь. Я столько раз видел этот сон, что уже знаю, хотя и сплю, чего ждать в этом месте, но мне страшно... И вижу: ко мне приближается не свора гончих псов, а один удивительный зверь, такой странный, что, хоть я и видел его множество раз, не знаю, как его тебе описать. Он выскакивает, круша папоротники и кусты, издавая лай и визг, как свора в шестьдесят гончих псов. Не взглянув на меня, спускается к ручью и пьет, а потом, ломая кустарник, устремляется дальше и пропадает из виду.

– Это все? – спросил я, видя, что он замолчал.

– Нет. Конец тоже бывает немного разный, но всегда вслед за зверем появляется рыцарь, он один и пеший, и он рассказывает мне, что тоже загнал коня, преследуя зверя. Я всякую ночь, когда его вижу, пытаюсь расспросить, что это за зверь и почему он за ним гонится, но

только было он собрался мне ответить, как появляется мой конюший и приводит мне свежего коня, а рыцарь хватает его под уздцы, садится в седло как ни в чем не бывало и готов уже пуститься в путь. Тут я беру коня за узду и начинаю уговаривать рыцаря, чтобы он уступил мне право преследовать зверя. «Ведь я же верховный король, – говорю я ему, – и самые трудные подвиги надлежит исполнять мне». Но он отбрасывает мою руку со словами: «Позже. Позже, когда будет у тебя нужда, ты найдешь меня здесь, и я отвечу тебе за свои дела». И уезжает, а я остаюсь в лесу один. В этом месте я пробуждаюсь, охваченный страхом. Мерлин, что означает мой сон?

Я покачал головой:

– На этот вопрос я не знаю ответа. Я мог бы отделаться общими словами и сказать, что это тебе урок смирения, ибо даже верховный король не за все отвечает сам...

– То есть я должен спокойно смотреть, как ты берешь на себя вину за избиение младенцев? Ну уж нет, Мерлин, придумай что-нибудь поумнее!

– Я ведь сказал, что это общие слова. На самом деле я не имею понятия о том, что означает твой сон. Может быть, всего лишь дневные заботы да переполненный желудок. Но одно могу тебе сказать, как, впрочем, говорил уже и раньше: опасности, ожидающие тебя в будущем, ты преодолеешь и достигнешь славы; и, что бы ни случилось, какие бы промахи ты ни совершил – и в прошлом, и в настоящем, – ты умрешь славной смертью. Я же исчезну, как музыка замолкшей арфы, и мой конец люди назовут бесславным. А ты останешься жить в людском воображении, в людских сердцах. Покуда же у тебя есть вдоволь времени, годы и годы. Расскажи же мне, что было в Линнуисе.

Разговор наш затянулся надолго. Но под конец он снова коснулся ближайшего будущего.

– Покуда весна не вскроет пути, – сказал Артур, – мы можем продолжать строительные работы в Каэрлеоне. Так что тебе следует остаться здесь. А вот весной я хочу, чтобы ты занялся обустройством моей новой столицы. – Я вопросительно посмотрел на него, и он кивнул. – Да, мы же с тобой об этом толковали. Что было хорошо во времена Вортигерновы и даже Амброзиевы, через год или два уже совсем не будет годиться. Карта меняется, там, на востоке. Подойдем вот сюда, я тебе покажу... Твой приятель Герейнт – это просто находка. Я послал за ним. Мне такой человек нужен под рукой. Сведения, которые он присылал в Линнуис, были бесценны. Он тебе рассказывал про Эозу и Кердика? Мы делаем попытки разузнать все получше, но я уверен, что Герейнт прав. По новейшим сведениям, Эоза сейчас возвратился в Германию и сулит всякому, кто пойдет за ним, солнце, луну и звезды, не говоря уже о целом саксонском королевстве в Британии...

Мы обсудили с ним то, что стало известно благодаря Герейнту, Артур пересказал мне последние новости, затем он продолжил:

– И то, что он сообщает о Пеннинском проходе, тоже, разумеется, все верно. Мы начали там работы, как только я получил твои донесения. Я послал туда Торра. По-видимому, следующий удар нам будет нанесен с севера. Жду гонцов от Кау и Урбгена. Однако в итоге все решится здесь, на юго-западе, здесь нам придется встать не на жизнь, а на смерть. Имея Рутупии в качестве главного оплота и саксонский берег в тылу, они будут угрожать нам прежде всего вот отсюда и отсюда... – Он двигал пальцем по выпуклой глиняной карте. – Из Линнуиса мы возвращались вот этим путем. Так что рельеф местности я себе представляю. Однако на сегодня довольно, Мерлин. Я велел изготовить новые карты, и мы еще посидим с тобой над ними. А эта местность тебе знакома?

– Нет. Я проезжал этой дорогой, но мысли мои были заняты другим.

– Спешить незачем. Если мы приступим к делу в апреле или даже в мае и ты опять, как повелось, совершишь для нас чудо-другое, у нас с лихвой достанет времени. Ты пока продумай все, а когда придет срок, съезди и посмотри на месте. Согласен?

– Вполне. Я уже смотрел... Нет, только мысленно. И кое-что мне вспомнилось. Там есть холм, он возвышается надо всей этой землей... Если память меня не подводит, он имеет плоскую вершину, и на ней вполне может расположиться армия или разместиться город. И притом он довольно высок, с него виден Инис-Витрин – Стекланный остров – и вся цепь сигнальных вершин, и дальше, на много миль к западу и к югу, земли лежат как на ладони.

– Покажи где, – быстро сказал он.

– Где-то вот здесь, – ткнул я пальцем. – Точно указать не берусь, да и карта эта, по моему, тоже не отличается точностью. Но вот это, должно быть, речка, которая протекает у его подножия.

– Как называется холм?

– Не знаю. Знаю только, что речка, кругом омывающая его подножие, называется Камел. На этом холме была крепость еще до прихода в Британию римлян, так что, как видно, уже древние бритты оценили его выгодное стратегическое положение. Здесь они оборонялись от римлян.

– Но римляне его все же захватили?

– В конце концов. Но, захватив, возвели свои укрепления и тоже держали на нем оборону.

– Вот как? Значит, к нему подведена дорога?

– Разумеется. Должно быть, вот эта, что ведет мимо озера от Стекланного острова.

Говоря, я показывал ему по карте, а он смотрел и спрашивал и снова метался по комнате, но потом слуги внесли ужин и свечи, и тогда он распрямил спину, отбросил со лба волосы и оторвался от поглощавших его мыслей, как пловец, всплывший на свет из глубокой пучины.

– Ну да все равно придется с этим подождать, пока отойдет Рождество. Но как только будет возможно, Мерлин, поезжай туда и сообщи мне свое мнение. В помощи тебе недостатка не будет, ты знаешь. Теперь же давай вместе ужинать, и я расскажу тебе о том, как было дело на Черной речке. Я уже столько раз повторял этот рассказ, что он разросся у меня до неузнаваемости. Но для тебя не грех повторить еще раз.

– Не грех, а прямая обязанность. Обещаю со своей стороны, что поверю каждому слову. Он рассмеялся:

– Я всегда знал, что могу на тебя положиться.

Глава 2

Погожим весенним днем я свернул с дороги и увидел впереди холм под названием Камелот.

Таким стало его название впоследствии, а тогда он назывался Каэр-Камел – по речке, которая петлей обтекала понизу его подножие. Холм этот, как я и рассказывал Артуру, имел плоскую вершину и был не то чтобы очень высок, но возвышался над окружающими землями достаточно, чтобы во все стороны открывался широкий вид, а крутые склоны делали его почти неприступным для врага. Легко было себе представить, почему кельты, а за ними и римляне избрали его своей твердыней. Вид сверху во все стороны открывался великолепный. На востоке стеной стоит гряда пологих холмов, но на юг и на запад взгляд теряется в бескрайней дали, а на север достигает моря. В северо-западном углу море вдаётся в сушу и подходит к Камелоту на расстояние в каких-нибудь восемь миль, во время приливов оно растекается по болотистой равнине, питая своими водами большое озеро, посреди которого возвышается Стекланный остров. Этот остров, вернее гряда островков, покоится на зеркальном мелководье, точно возлежащая богиня; с незапамятных времен он и был посвящен Богине, чье святилище стоит по соседству с замком местного короля. Над Стекланным островом, далекая, но отчетливая, виднеется сигнальная вершина – гора Тор, а за нею, вдали, уже на берегу Северна, следующая сигнальная вершина – Brent-Noll.

Холмы Стеклянного острова и окружающие их топкие травянистые низины составляют Летнюю страну, где правил в то время молодой король Мельвас, верный сторонник Артура. Когда я первый раз приехал осматривать те места, он оказал мне гостеприимство и был рад услышать о том, что верховный король намерен возвести свою главную твердыню на границе с его владениями. Он заинтересовался картами, которые я привез, и дал обещание помогать всем, чем возможно: от людей, которых он даст нам в работники, и до защиты от врагов, буде возникнет в том нужда, пока идет строительство.

Король Мельвас вызвался сопровождать меня на место будущих работ, но я для первого обзора предпочитал одиночество и потому вежливо уклонился. Он и его свита проскакали со мной первую половину пути, а потом свернули на тропу, проложенную по гати через топь, и весело унеслись прочь. Там лежат богатейшие охотничьи угодья, кишашие всевозможной дичью. Я счел за добрый знак, что, едва расставшись со мной, король Мельвас пустил сокола на стаю перелетных птиц, тянувшуюся с юго-востока, и не прошло и минуты, как сокол вернулся с добычей и сел на рукавицу сокольничему. С возгласами и смехом молодые всадники скрылись среди ив, я же продолжал мой путь в одиночестве.

Я предполагал, что к бывшей римской крепости Каэр-Камел должна вести дорога, и оказался прав. Действительно, дорога отходит от Инис-Витрина по невысокой насыпи, пересекающей озеро в узком месте, и поднимается на сухую столовую возвышенность, уходящую к востоку. Дальше она идет по этой возвышенности, а потом сворачивает на юг, к деревушке, расположенной у подножия Каэр-Камела. Когда-то это было кельтское поселение, потом – слободка при римской крепости, жители ее добывали себе пропитание, обрабатывая землю, а в случае опасности прятались наверху за крепостными стенами. С тех пор как крепость пришла в упадок, жизнь у них была несладкая. Мало того что с востока и юга им постоянно грозила опасность, но подчас еще приходилось обороняться от обитателей Летней страны: в тяжелые годы заболоченные земли вокруг Инис-Витрина не рождали вообще ничего, кроме рыбы да водяной дичи, и тамошние молодцы норовили попытать удачи в чужих пределах. Я ехал между убогими хижинами под полусгнившими тростниковыми крышами, и никто не попадался мне навстречу, лишь кое-где из черных дверей вслед мне смотрели чьи-то глаза да раздавался пронзительный голос матери, зовущей свое дитя. Конь мой, оскользаясь в грязи и навозе, спустился к берегу речки Камел, перешел ее вброд по колено; наконец я направил его вверх по склону – и рысью по крутой дороге, по которой скатывались некогда римляне в своих боевых колесницах.

Даже зная заранее, что увижу наверху, я все-таки был изумлен размерами плоской вершины. Через обрушенные юго-западные ворота я въехал на широкое поле, чуть покатое к югу и рассеченное почти пополам невысоким гребнем. Медленным шагом я подъехал к этому гребню. Широкое поле, вернее, целая равнина лежала передо мной, вся изрытая и всхолмленная остатками бывших строений, а по краю ее со всех сторон тянулся глубокий ров, кое-где еще выложенный каменными плитами, и над ним – развалины стен. Заросли дрека и куманики густо одели руины, кроты подрыли растрескавшиеся плиты. Камень, добрый римский строительный камень из ближних каменоломен, повсюду валялся в изобилии. А за обрушенными бастиянами склоны холма сразу круто уходили вниз, и на них густо росли деревья, когда-то срубленные под корень, а с тех пор снова разросшиеся и окруженные подлеском. Между стволами среди куманики и боярышника тут и там чернели каменные утесы. По склону, петляя в крапиве, от пролома в северной стене шла тропа. Проследив ее взглядом, я увидел на северном склоне родник, окруженный деревьями. Я понял, что это и есть знаменитый святой источник, испокон веку посвященный Великой Богине. Другой родник, который главным образом и снабжал крепость хорошей питьевой водой, находился на подъеме к северо-восточным воротам. Похоже было, что там и нынче поили скот: пока я стоял, снизу через пролом в стене наверх поднялось стадо и под тихое бряканье колокольцев разбрелось по полю, пощипывая траву.

Следом появился и пастух, я увидел издалека его тщедушную фигуру и подумал было, что это мальчик, но затем по тому, как он ходил и как опирался на посох, угадал в нем старика.

Я повернул коня в его сторону и поехал медленным шагом, петляя между обломками каменных стен. Сердито застрекотала, улетаая, вспугнутая сорока. Старик поднял голову. И застыл на месте с удивленным и, как мне показалось, встревоженным выражением. Я приветственно поднял руку. Верно, вид одинокого невооруженного всадника его успокоил, потому что он подошел к разрушенной каменной стене и уселся, греясь на солнце, ожидая, когда я подъеду.

Я спешился и отпустил коня пастись.

– Привет тебе, отец.

– Привет и тебе тоже. – Он произнес это на картавом местном диалекте, да еще невнятно, почти прошамкал. И при этом подозрительно взглянул на меня замутненными старческими глазами. – Ты ведь чужой в здешних краях?

– Да, я приехал с запада.

Это известие его не успокоило. Здешние жители привыкли воевать со всеми.

– Зачем же ты свернул с дороги? Чего тебе надобно здесь?

– Я прибыл по велению короля, дабы осмотреть крепостные стены.

– Опять?

Я удивленно взглянул на него, а он в сердцах вонзил посох в землю и голосом, дрожащим от гнева, произнес:

– Эта земля была нашей еще до короля и будет нашей, что бы он ни говорил! Почему он не хочет от нее отступиться?

– Мне кажется, что король не... – начал было я, но не договорил, осененный внезапной мыслью. – Ты говоришь – король? Но какой король?

– Мне его имя неведомо.

– Мельвас? Или Артур?

– А кто его знает. Говорю тебе, я не ведаю его имени. Чего тебе здесь надо?

– Я прибыл от короля. По его велению...

– Это мы знаем. Чтобы снова возвести стены крепости, а потом отнять наш скот, убить наших детей и похитить наших женщин.

– Нет. Чтобы построить здесь твердыню и защищать ваш скот, ваших детей и женщин.

– До сих пор от этих стен нам проку не было.

Стало тихо. Старческая рука, державшая посох, дрожала. Приятно грели солнечные лучи. Конь мой осторожно пощипывал травку вокруг низкого, ползучего куста чертополоха, похожего на лежащее колесо. На розовую головку клевера села, трепеща крылышками, ранняя бабочка. Высоко взмыл жаворонок, заливаясь песней.

– Старик, – мягко сказал я, – при тебе здесь не было крепости. И при твоём отце тоже. Какие же стены стояли тут над водами, обращенные на север, юг и запад? И какой король их штурмовал?

Он молча смотрел на меня, старая голова его тряслась.

– Это предание, господин, всего только предание. Дед рассказывал его мне. Что будто бы жили здесь люди, держали коров и коз, пасли их здесь на высоких тучных пастбищах, и ткали холсты, и пахали наверху свои пашни, а потом пришел король и согнал их вон по той дороге вниз, на дно долины, и там нашли они все могилу, широкую, как река, и глубокую, как пещера под холмом, куда вскоре и самого того короля положили на вечное упокоение, недолгим было его торжество.

– Под каким холмом его положили? На Инис-Витрине?

– Что ты! Разве перенесли бы они его туда? Там земля чужая. Летняя страна ей название, потому что это затопленная низина и просыхает только в разгар лета. Нет, они под этот

вот холм нашли проход и там в пещере его похоронили, а заодно и всех, кто с ним тогда утонул. – Он вдруг тоненько захихикал. – Утонули посреди озера, а народ на берегу смотрел, и ни один не бросился спасать. Потому как это Великая Богиня его к себе забрала и с ним всех его доблестных капитанов. Кто бы стал ей мешать? Говорили, что лишь на третьи сутки отдала она его тело, и выплыл он тогда нагой, без меча и без короны. – Он кивнул и снова засмеялся скрипучим смехом. – Так что твой король пусть лучше с ней сначала поладит, ты ему передай.

– Непременно. А когда это было?

– Сто лет назад. Или двести. Почему мне знать?

Мы оба помолчали. Я обдумывал то, что сейчас услышал. Этот рассказ, я знал, сохранила народная память, перекладывая его с языка на язык, повторяя зимними вечерами у крестьянского камелька. Но он подтверждал то, что мне и самому было известно. Этот холм был укреплен с незапамятных времен. А король, о котором говорится в предании, мог быть каким-то кельтским вождем, которого изгнали из крепости римляне, или же, наоборот, римским полководцем, расположившимся лагерем в стенах завоеванной твердыни.

– Где вход внутрь холма? – нарушил я молчание.

– Какой еще вход?

– Ну, отверстие, через которое внесли в пещеру тело умершего короля.

– Почему мне знать? Есть под холмом пещера – вот и все, что я знаю. И бывает, ночью они оттуда снова выезжают. Сам видел. Летом, как луна всходит, показываются, а чуть начинает светать, убираются обратно. А иной раз случается, в бурную ночь рассвет подберется незаметно, и один который-нибудь из них припозднится обратно, подъедет, а уж вход-то заперт. И до новой луны блуждает он тогда один по склонам холма, дожидается, пока... – Он осекся и испуганно покосился на меня, подняв плечи. – Ты, говоришь, человек короля?

Я засмеялся:

– Не бойся меня, отец. Я не из ночных всадников. Я человек короля, это правда, но прислан живым королем, который снова отстроит здесь крепость, и возьмет на себя заботу о вас, вашем скоте, и ваших детях, и о детях ваших детей, и защитит вас от саксонского врага на юге. А тучные пастбища останутся за вами, в том я тебе ручаюсь.

На это он ничего не ответил. Только сказал, помолчав, понежившись на солнышке и мелко трясая головой:

– А чего мне бояться? Короли всегда были и всегда будут. Экая диковина – король.

– Этот король еще будет всем в диковину.

Но он уже отвлекся. Он свистом подзывал к себе коров:

– Сюда, Черничка, сюда, Росинка! Чтобы король и приглядывал за нашей скотиной? За дурака, что ли, ты меня принимаешь? Ну да Великая Богиня позаботится о своих. А он пусть лучше ублажит Богиню. – И замолк, чертя землю посохом и что-то невнятно бормоча себе под нос.

Я дал ему серебряную монету, как вознаграждают певца, исполнившего прекрасную песнь, взял под уздцы своего коня и повел к невысокому гребню, пересекавшему плоскую вершину холма.

Глава 3

Через несколько дней прибыли первые строители, начались работы по обмерам и разметке, а старший мастер закрылся со мной в главной мастерской, которую наскоро сколотили прямо на месте.

Искусный строитель и механик Треморин, обучавший меня когда-то в Бретани тайнам своего ремесла, уже несколько лет как умер. Главным механиком у Артура был теперь Дервен, с которым мы познакомились еще при Амброзии, во время перестройки Каэрлеона. Был

он рыжебород и краснолиц, однако нрав имел совсем не в масть: он был молчалив до угрюмости и, если на него чересчур нажимать, мог выказать упрямство чисто ослиное. Но я знал его как многоопытного и умелого строителя, отличавшегося притом еще талантом управлять людьми: под его началом все работали споро и охотно. К тому же он и сам владел всеми строительными ремеслами и не гнушался при случае закатать рукава и выполнить, если требовалось срочно, любую тяжелую работу. Меня он признавал над собой, не ропща. Он относился к моему искусству с самым лестным для меня почтением. И заслужил я его почтение не на строительстве Каэрлеона или Сегонтиума – эти крепости были отстроены по римскому плану, для чего не требовалось от строителей особого таланта, – но Дервен служил подмастерьем в Ирландии, когда я переправлял через море огромный король-камень, что стоял на горе Киллар, а потом работал в Эймсбери, где был восстановлен Хоровод Великанов. Так что мы с ним вполне ладили и ценили мастерство друг друга.

Опасение Артура о неладах на севере сбылось, и в начале марта он уже отправился туда. Но перед тем, зимой, мы вдвоем с ним и с Дервеном немало часов провели над планами будущей крепости. Уступив моим убеждениям и пылу Артура, Дервен в конце концов принял мой план перестройки Каэр-Камела. Скорость и надежность – вот то, чего я добивался. Я хотел, чтобы крепость была готова к тому времени, когда завершится Артуров поход на север, но хотел я и того, чтобы она осталась стоять на века. Ее размеры и мощь укреплений должны были соответствовать его величию.

Размеры, впрочем, были заданы, так как плоская вершина холма была огромна, не менее восьми акров площадью. Но вот что до мощи... Я распорядился переписать все строительные материалы, имеющиеся на месте, и постарался проследить под руинами прежнюю планировку укреплений, римскую кладку, повторяющую рисунок более ранних кельтских сооружений: валов и рвов. Но, готовя планы новых работ, я держал в уме и крепости, которые доводилось мне видеть в путешествиях по чужим краям, цитадели, возведенные в таких же диких местах на таких же трудных участках. Строить здесь по римскому плану – это была бы задача исключительно трудная, а пожалуй что, и невозможная; даже если бы Дервеновы каменщики владели римскими секретами, при таких колоссальных размерах применить их было немыслимо. Но каменщики все отлично умели класть стены на здешний лад – сухой кладкой, и на месте было много тесаного камня, да и каменоломня под рукой. Поблизости имелись дубравы, и лесопильные дворы между Каэр-Камелом и озером всю зиму простояли забитые заготовленной древесиной. Все это определило мой окончательный план.

Что он был выполнен на славу, теперь всякий может убедиться. Крутые, перерезанные рвами склоны холма, который зовется теперь Камелот, стоят, увенчанные массивными стенами из камня и бревен. За зубцами стен и над воротами ходят дозорные. К северным воротам меж высоких откосов, петляя, подходит торговый большак, а к воротам в юго-восточном углу, за которыми закрепилось название Королевских, подымается в лоб военная дорога, по ней скачутся без заминки быстрые боевые колесницы и мчатся галопом целые шеренги всадников.

За этими стенами, по-прежнему исправными в нынешние мирные времена, как и в бурные годы, для которых я их предназначал, вырос целый город, блестя на солнце позолотой и пестрея флажками среди свежей зелени садов и рощ. По каменным террасам прогуливаются дамы в богатых нарядах, среди деревьев резвятся ребятишки. Улицы полны простым народом, звенят смехом и разговорами, на рыночной площади идет шумный торг, проносятся, дробно стуча копытами, быстроногие, гладкие Артуровы кони, слышатся звонкие молодые голоса и благовест церковных колоколов. Город Камелот разбогател на мирной торговле и расцвел, украшенный мирными искусствами. И дивный вид его знаком ныне путешественникам со всех четырех сторон света.

Но тогда, на голой вершине холма, среди останков давно разрушенных зданий, он был не более чем мечта, рожденная жестокой военной необходимостью. Начинать, понятно, надо было

с наружных стен, и для них я намеревался использовать валяющиеся кругом обломки: черепки римских отопительных труб, плиты мостовых и даже щебень, которым римляне засыпали фундаменты своих построек и подстилали проложенные в крепости дороги. Из всего этого мы сделали насыпь, которая подпирает наружные стены, а по ней за крепостными зубцами проходит широкая галерея. С внешней стороны стены крепости отвесно поднимаются над обрывистыми склонами холма, будто корона на голове у короля. Деревья на склонах мы все срубили и положили рвы, так что получились крутые скальные ступени, увенчанные сверху неприступной стеной. Класть стены решено было из туфовых плит, которых было много на месте бывшей крепости, не считая тех, что заготавливали наново каменотесы Мельваса и наши. А сверху во всю длину стен я решил сделать массивные бревенчатые наверхия, укрепленные на вбитых во внутреннюю насыпь столбах. К воротам подойдут дороги, заглубленные между каменными откосами, а сами ворота будут устроены как туннели в стене, и над ними, не прерываясь, протянется верхняя галерея. Эти туннели должны быть достаточно высоки и широки, чтобы пропустить любую повозку или колесницу или трех всадников в ряд, а тяжелые створки ворот будут отводиться назад и прилегать вплотную к дубовым бокам туннелей. Но чтобы получить необходимую высоту, придется еще более заглубить колеи.

Все это и еще многое другое я должен был втолковать Дервену. Он слушал поначалу недоверчиво и только из уважения ко мне, я чувствовал, не уперся сразу, как мул, и не отказался бесповоротно выполнять мои предначертания, и прежде всего касательно устройства ворот: ничего подобного он в жизни не слыхивал, а строители и механики, вполне естественно, предпочитают действовать в согласии с проверенными образцами, особенно в делах войны и обороны. Сначала он никак не мог взять в толк, чем плохи ворота старого образца – две башенки и будки для стражи. Но со временем, просидев много часов над моими планами и перечнями имеющихся на месте строительных материалов, он постепенно стал склоняться на сторону задуманного мною сочетания камня с деревом и даже, можно сказать, загорелся. Он слишком любил свое дело, чтобы оставаться равнодушным к новшествам, тем более что в случае неудачи спрос будет не с него, а с меня.

Впрочем, какой уж тут спрос. Артур принимал самое горячее участие в обсуждениях, хотя однажды заметил, когда по какому-то специальному вопросу мы обратились к его мнению, что он лично знает свое дело, а мы, как он надеется, знаем свое, замысел нам ясен, вот и надо приступать к работе. Пусть мы только возведем эту крепость (заклучил он с потрясающей, хотя и неосознанной самоуверенностью), а уж он сумеет ее отстоять.

С приходом ранней весны установилась ясная погода, и Дервен горячо и спорно взялся за работу уже на месте – и в первый же день к закату, когда старый пастух сзывал своих коров на вечернюю дойку, были забиты колышки, начали рыть канавы, и быки, напрягаясь, уже волокли снизу первый тяжело груженный воз.

Каэр-Камел возрождался к новой жизни. Ждали короля.

Он приехал теплым солнечным днем. Прискакал снизу от деревни на серой кобыле Амрей вместе с Бедуиром и своим названным братом Кеем в сопровождении дюжины конных командиров. Их теперь называли *eguites*¹, или рыцари, Артур же именовал их своими товарищами. Скакали все без доспехов, как на охоте. Артур спрыгнул с кобылы, бросил поводья Бедуиру и, пока остальные спешили и пускали коней пастись, один взошел, обдуваемый ветром, по травянистому склону.

Увидев меня, он поднял приветственно руку, но шагу не прибавил. Остановился и перекинулся словом с каменщиками, занятыми на кладке наружной стены, прошел по доске через канаву, – землекопы, распрямляя спины, отвечали на его вопросы. Я видел, как один из них

¹ Всадники (лат.).

вытянутой рукой указал ему на что-то; он оглянулся, посмотрел, потом обвел глазами все вокруг и наконец зашагал дальше к срединному гребню, где были вырыты канавы под основание королевского дома. Отсюда вся крепость окажется перед ним как на ладони и откроет ему свои будущие очертания под переплетением канав и фундаментов, под паутиной канатов и дощатых мостков.

Он медленно повернулся на месте, охватив взглядом весь широкий круг. Потом быстрыми шагами подошел туда, где стоял я с чертежами в руке.

– Да. – Вот все, что он сказал, но в голосе его звучало удовлетворение. А затем еще: – Когда?

– К зиме тут для тебя уже кое-что будет.

И снова его глаза обежали все кругом с выражением гордости и провидения, как будто это он, а не я королевский прорицатель. Я знал, что он сейчас видит вместе со мной готовые стены, гордые башни, весь этот летний золотой простор, замкнутый кольцом камня, дерева и железа, – свое первое создание. Но это был еще и взгляд воина, который получает в руки мощное оружие. Затем его глаза, сияющие неистовым удовлетворением, обратились ко мне.

– Я велел тебе сотворить чудо, и я вижу, ты это исполнил. Я именно о таком чуде и говорил. Хотя ты, наверно, как мастер своего дела, не считаешь чудом, что начертанное тобою на глине или даже просто задуманное в мыслях находит воплощение и начинает жить, ныне и на века?

– По-моему, всякий творец дивится чуду творения. Дивлюсь и я.

– А как скоро продвинулись работы! Ты колдовал музыкой, как тогда, когда переносил Хоровод Великанов.

– Да, здесь то же чудо, что было и там. Ты можешь увидеть его своими глазами. Это – люди.

Быстрый взгляд на меня, и сразу же Артур посмотрел через изрытое широкое поле туда, где один подле другого, как в старой ремесленной слободе, работали под своими навесами плотники, кузнецы и каменщики и стоял дружный звон, стук и гомон. Артур устремил взгляд вдаль и одновременно словно бы себе в душу. И сказал тихим голосом:

– Я запомню. Видит бог, это должен помнить каждый полководец. Ведь и мы прибегаем к тому же чуду. – А потом, будто вернувшись ко мне: – Ну а когда наступит зима?..

– Когда наступит зима, будут готовы военные постройки внутри крепости и возведены все стены и башни, чтобы встретить неприятеля. Место для крепости здесь очень удачное. Позже, когда отойдут войны, останется время и пространство для других построек, для удобства, изящества и великолепия, достойных тебя и твоих побед. Мы построим тебе настоящее орлиное гнездо на высокой вершине – оплот для боевых действий во время войны и дом, чтобы растить детей, когда настанет мир.

В эту минуту он отвернулся от меня, чтобы помахать Бедуиру с товарищами – они уже снова сидели на конях, – и Бедуир, по знаку Артура, повел к нему в поводу серую кобылу. Услышав мои последние слова, он резко обернулся ко мне, вздернув брови.

– Так ты знаешь? Как это я вообразил, что можно будет сохранить от тебя тайну?

– Тайну? Но я ничего не знаю. Какую тайну ты думал от меня сохранить?

– Да никакой. Разве это возможно? Я сказал бы тебе сразу, но вот это все было важнее... Хотя ей, конечно, неприятно было бы слышать, что я так говорю.

Я, верно, разинул рот от изумления. Он смотрел на меня смеющимися глазами:

– Да-да, я, право, сожалею, Мерлин. Я собирался сказать тебе. Я женюсь. Ну не сердись, прошу тебя. В этом деле мне не было нужды в твоём руководстве.

– Я не сержусь. У меня нет на то права. Уж тут-то ты должен был решать сам. И я вижу, что ты решил. Я рад. Сговор уже состоялся?

– Нет, что ты. Я должен был сначала поговорить с тобой. Покуда я еще только обменялся письмами с королевой Игрейной. Предложение исходило от нее. Но прежде, как я понимаю, нужно будет провести разные переговоры. Только имей в виду, – во взоре его блеснула сталь, – решение мое окончательное.

Тут подъехал Бедуир, спешил и передал Артуру поводья серой кобылы. На мой вопросительный взгляд Артур ответил, кивнув:

– Да, Бедуир знает.

– Тогда, может быть, ты скажешь мне, кто она?

– Ее отцом был Марч, вассал герцога Кадора Корнуэльского, убитый в сражении на Ирландском берегу. А мать умерла родами, и со смерти отца она росла под покровительством королевы Игрейны. Ты должен был ее видеть, только, наверно, не обратил внимания. Она была в свите королевы в Эймсбери и на коронации в Каэрлеоне тоже.

– Я ее помню. А имя ее мне называли? Запомнил.

– Гвиневера.

В вышине пролетела, трепеща на солнце крылышками, болотная ржанка, и тень ее пробежала по траве между нами. Что-то тронуло струны моей памяти, что-то из прошлой жизни, когда меня еще не покинула моя сила и посещали грозные, ясные видения. Но воспоминание ускользнуло. И тихое удовлетворение наполнило душу покоем, безмятежное, как гладкие воды озера.

– Ты что, Мерлин?

Голос его прозвучал робко, как голос мальчика, страшащегося упреков. Я поднял голову. Бедуир из-за плеча Артура тоже смотрел на меня с опаской.

– Ничего. Она прекрасна собой и носит красивое имя. Не сомневаюсь, что боги благословят этот брак, когда подойдет время.

Молодые лица просветлели. Бедуир сказал что-то веселое и насмешливое, потом выразил восхищение строительством, и вот уже они увлеклись разговором, забыв и думать о предстоящей женитьбе. Я увидел вдалеке у ворот Дервена, и мы двинулись туда, чтобы потолковать с ним. А потом Артур и Бедуир простились, вскочили в седла, и остальные всадники повернули и пустили коней вдогонку за королем напрямик по крутому склону.

Но далеко ускакать им не пришлось. Едва только маленькая кавалькада вынеслась на дорогу, как столкнулась нос к носу с Черничкой, Росинкой и их сестрами, медленно тащившимися в гору. Старый пастух, упрямый, как липучий подмаренник, по-прежнему цеплялся за свое право выпаса на вершине Каэр-Камела и каждый божий день пригонял свое малочисленное стадо на ту часть холма, где еще не начались земляные работы.

Мне было видно, как серая кобыла осела на круп и приготовилась к прыжку. Коровы, лениво жуя, топали мимо, мотая выменем. Из-за их раздутых боков внезапно, как дымок из-под земли, явился старый пастух с посохом. Серая кобыла взвилась на дыбы. Артур повернул ее, она опустила копыта чуть не на спину вороному жеребчику Бедуира, тот рванулся и едва не налетел на Росинку. Бедуир расхохотался, но Кей в сердцах заорал:

– Эй, дай дорогу, старый дурень! Не видишь, что ли, что едет король? Убирайся прочь со своими коровами. Им здесь больше нечего делать.

– У них тут дело, может, и поважнее твоего, молодой господин, – язвительно ответил старик. – Они питаются щедротами земли, которую вы и ваши дружки умеете только разорять! Так что это вы убирайтесь прочь со своими лошадьми и охотьтесь на угодьях Летней страны, а честных людей не замайте!

Кей никогда не умел обуздывать свой гнев, он даже промолчать, когда надо, был не способен. Он оттер Артурову кобылу и наклонил побагровевшее лицо к лицу старика.

– Ты что, глух, старый болван, или из ума выжил? Это не охота! Мы королевские боевые командиры, а это – сам король!

Артур возразил было со смехом:

– Да ладно тебе, Кей!

Но в это время старый оборотень очутился у него под локтем и заглянул ему в лицо подслеповатыми, тусклыми глазами.

– Король? Ну уж нет, вам меня не заморочить, лорды. Ведь он совсем юнец. А король – мужчина в летах. Да и время его еще не пришло. Он появится в летнее полнолуние. Видел я и его, и свиту его конных воинов. – Он взмахнул посохом, так что лошади снова вскинули в испуге головы. – Это вот они – боевые командиры? Юнцы – вот они кто! Королевские конники все в латах, с пиками высотой с тополь, и на шлемах хвосты развеваются, ну будто лошадиные. Я их всех видел, когда был тут один летней ночью. Так что короля я уж как-нибудь да узнаю.

Кей открыл было рот, но Артур остановил его, подняв руку. И спросил, словно был со стариком один на один в чистом поле:

– Отец, ты говоришь, король проезжает здесь летней ночью? Кто он? И что с ним за люди?

Такое обхождение, видно, тронуло старика. Он смягчился. Но, заметив меня, ткнул посохом в мою сторону:

– Вот ему я рассказывал. Все как есть. Человеком короля он назвался и говорил со мной ласково. Сказал, что придет король и позаботится о моих коровах и пастбища для них определит... – Он огляделся, только теперь заметив гладких коней, и богатую упряжь, и пестрые одежды, и смеющиеся гордые лица молодых всадников. Тут голос его пресекся. Он снова зашамкал что-то неразборчивое. Артур вопросительно взглянул на меня:

– Ты понимаешь, о чем он?

– Это старая легенда, призрачный король с призрачной свитой, выезжающие летней ночью из могилы под холмом. Можно предположить, что она основана на предании о кельтских вождях или о римлянах, а может, и о тех и о других. Тут нет причины тебе беспокоиться.

– Нет причины беспокоиться? – переспросил с сомнением один из всадников, помнится, это был Ламорак, храбрый, но нервный рыцарь, у которого в голове вечно были всякие предзнаменования, а сбруя его коня вся звенела талисманами и амулетами. – Призраки, а ты говоришь, не о чем беспокоиться.

– И он видел их своими глазами на этом самом месте, – заметил еще кто-то.

Другие голоса подхватили:

– Пики и на шлемах конские хвосты? Да ведь это похоже на саксов!

А Ламорак, теребя кусок коралла на груди, воскликнул:

– Призраки мертвецов, убитых на этом месте и погребенных под этим самым холмом, на котором ты собрался возвести крепость и город! Артур, ты знал об этом?

На свете нет людей суевернее, чем солдаты. Ведь они всю жизнь живут бок о бок со смертью. Смех смолк, как канул в воду, ясный день подернуло легкой оторопью, словно туча скрыла от нас приветливое солнце.

Артур нахмурил брови. Он тоже был солдат, но он был еще и король и, подобно своему отцу королю Утеру, ограничивался делами этого мира. Он ответил с подчеркнутой бодростью:

– Ну и что с того? Покажи мне хоть одну старую крепость, которая не стояла бы на костях своих храбрых защитников. Разве мы дети, чтобы страшиться теней тех, кто пролил здесь кровь в прежние времена, обороняя от врагов эту землю? Если они до сих пор являются людям, то будут на нашей стороне, я уверен! – А потом вновь наклонился к пастуху. – Поведай же нам всю историю, отец. Кто был тот король?

Старик немного смутился, замялся. Потом вдруг спросил:

– Слышал ты про волшебника Мерлина?

– Про Мерлина? – переспросил Бедуир. – Как, разве ты не знаешь...

Тут он встретился со мной взглядом и осекся. Остальные молчали. И среди молчания Артур, даже не покосившись в мою сторону, проговорил:

– Ну и что же Мерлин?

Старческие замутненные глаза обвели лица всадников, словно различали каждое с полной отчетливостью. Кони и те стояли смирно. Старый пастух расхрабрился среди общего внимания. И заговорил громко и внятно:

– Жил однажды король, и задумал он построить крепость. И как повелось в старину у королей, могучих и беспощадных властителей, стал он искать героя, чтобы убить его и зарыть под стенами, дабы высились твердо и неприступно. Схватили и привели к нему Мерлина, величайшего из мужей во всей Британии, и собрался он его убить, но Мерлин свистнул к себе своих драконов и унесся на них на край небес, а в Британию призвал нового короля, и тот испепелил старого в башне и с ним – его королеву. Ты слышал эту историю, господин?

– Да.

– А это правда, что ты король и это твои командиры?

– Да.

– Тогда спроси самого Мерлина. Говорят, он и поныне жив. Спроси его, должен ли король страшиться, если у него под порогом – могила героя? Ты знаешь, что сделал Мерлин? Он самого короля Дракона закопал под Висячими Камнями, вот он что сделал. И возвел крепчайший замок во всей Британии. Так, во всяком случае, люди говорят, только, может, врут.

– Нет, не врут, – сказал Артур.

Он обвел взглядом лица своих товарищей и увидел, что к ним возвращается спокойствие.

– Ну а могучий король, который спит со своими всадниками под этим холмом? – обратился он к старому пастуху.

Но больше он ничего не добился – пастух что-то снова забормотал, уклончиво и невнятно, по временам можно было разобрать какое-нибудь слово или два: оперенные шлемы, круглые щиты, низкорослые кони, и опять длинные пики, «как тополя», и плащи, развевающиеся за спинами, «когда нет и ветерка».

Я холодно произнес, желая пресечь эту цепь призрачных видений:

– Об этом тоже тебе лучше спросить Мерлина, государь. И мне кажется, я знаю, что он ответит.

Артур улыбнулся:

– Что же?

Я обратился к старцу:

– Ты рассказывал мне, что этого короля и его людей уничтожила Великая Богиня и что здесь, под холмом, их могила. И ты мне сказал, что новый молодой король должен поладить с Богиней, иначе она его отвергнет. Взгляни же на ее дела. Молодой король не знал этой истории, но он явился сюда, ибо это она его сюда привела. И он задумал возвести свою крепость на том самом месте, где Богиня умертвила отряд могучих бойцов и их вожака и похоронила, чтобы они легли под его порогом. Она же подарила ему меч и корону. Так и скажи своим людям, старик, передай им, что молодой король явился сюда с благословения Богини и строит здесь крепость, чтобы оборонять вас и ваших детей и чтобы ваш скот мог мирно пастись.

Ламорак судорожно вздохнул и воскликнул:

– Клянусь Богиней, ты прав, Мерлин!

– Мерлин? – повторил старик, будто только сейчас услышал это имя. – Да, он так бы и сказал... И еще мне говорили, что он добыл для короля меч из водных глубин...

Тут, окруженный смеющимися всадниками, он снова перешел на бормотание. Но постепенно до него дошел смысл неосторожно сказанных мною последних слов, и он, встрепенувшись, опять стал громогласно рассуждать о своих королях и о злодеях-королях, мешающих им пастись. Артур, бросив мне один быстрый взгляд, внимательно слушал, а товарищи его изо всех сил старались сдерживать смех, и последняя тень тревоги покинула их лица. Наконец король учтиво и ласково обещал старику, что ему будет позволено пасти коров на вершине

Каэр-Камела, покуда там растет трава; когда же травы больше не окажется, ему отведут для выпаса другое место.

– Даю тебе слово верховного короля, – заключил Артур.

Не знаю, поверил ли ему наконец старый пастух, но сказал он так:

– Король ты или не король, но для юных своих лет говоришь дело. Ты слушай совета тех, которые знают, а не таких, – сердитый взгляд на Кея, – что только шумят и пыжатыся. Ишь вояки какие нашлись. Кто понимает толк в ратном деле, скажет тебе, что на пустой желудок не воюют. Ты дай пастбища моим коровам, а мы дадим пищу вашим желудкам.

– Я же сказал, что пастбища вам будут.

– А когда твой строитель, – кивок в мою сторону, – разорит вершину холма, какую землю ты мне отведешь?

Артур, может быть, и не ожидал, что его так сразу поймают на слове, но замялся лишь на миг.

– Я видел пышные зеленые луга вдоль берега реки, вон там, за деревней. Если можно, я...

– Эти луга для коров негожи. Для козы еще куда ни шло, для гуся, а крупной скотине там трава не годится. Кислая она, и куриной слепоты в ней много. Для молока это отравя.

– Вот как? Я не знал. Какая же земля будет тебе впору?

– Вон та. За барсучьим холмом. Во-о-он там. – Он указал посохом. – Куриная слепота, хе-хе! Король или не король, молодой господин, но сколько человек ни знает, всегда найдется еще кто-нибудь, кто знает больше.

Артур серьезно ответил:

– Это я тоже постараюсь запомнить. Что ж, прекрасно. Если мы отвоюем барсучий холм, он будет твой.

Он натянул поводья, пропустил старика с его коровами и, махнув мне рукой, поскакал под гору, сопровождаемый своими рыцарями. У котлована под юго-западную башню меня дожидался Дервен. Я зашагал в ту сторону. И снова резвая ржанка, быть может та же, что и давеча, заметалась, закувыркалась на ветру, издавая свой тонкий крик. И ко мне пришло воспоминание, заставившее меня остановиться...

...Зеленая часовня в горах над Галавой. И те же два юных лица – Артура и Бедуира, жадно слушающих мои рассказы о давних сражениях и дальних странах. И проплывшая птичья тень, отброшенная светильником, тогда это была белая сова, обитавшая под кровлей, гвенхви-вар, белая тень, и при этом слове меня взяла оторопь и посетило мимолетное тревожное предчувствие, которого сейчас я даже и припомнить не мог, помнил только, что в имени Гвиневера содержалась для Артура какая-то угроза.

Сегодня такого предостережения мне дано не было. Но его и не могло быть. Я знал, как мало осталось от моей прежней силы, от моей былой способности предостерегать и ограждать. Сегодня я был всего лишь, как назвал меня старый пастух, строитель – и только.

«И только»? Я вспомнил, с какой гордостью и преклонением рассматривал король разметку на земле – план моего «чуда». Теперь я работал для него. Я взглянул на чертежи, которые держал в руках, и ощутил знакомое, чисто человеческое упоение творца. Тень уплыла, растаяла в лучах солнца, и я поспешил к Дервену. По крайней мере, у меня еще были силы построить моему мальчику надежную крепость.

Глава 4

Через три месяца Артур обвенчался с Гвиневерой в Каэрлеоне. До самой свадьбы он так больше и не виделся со своей невестой. По-моему, ему и поговорить-то с ней довелось только однажды, да и то это был обмен общепринятыми любезностями во время коронации. В начале июля ему пришлось снова срочно отправиться на север, так что съездить в Корнуолл

за невестой у него не было времени. Да оно так и полагалось: будучи верховным королем, не он должен был ехать к невесте, а она к нему. И потому он скрепя сердце отпустил на месяц Бедуира, чтобы тот отправился в Тинтагел и доставил ее со свитой в Каэрлеон.

Все лето то и дело вспыхивали схватки на севере, главным образом засады среди поросших лесами гор и набеги на одиноко расположенные селения, но на исходе июля Артур навязал противнику сражение у переправы через реку Бассас. И одержал такую решительную победу, что за ней последовала долгожданная передышка, перешедшая в перемирие на время жатвы, и тогда он позволил себе со спокойной душой отлучиться с севера и съездить в Каэрлеон. Но свадьба все же вышла походная: отложить надолго военное попечение он не мог, и обвенчали их, так сказать, между делом. Невеста, похоже, была к этому готова и радовалась, словно на больших лондонских празднествах, и все было устроено пышно и весело, несмотря на то что мужчины оставляли свои копья стоять за дверью пиршественного зала, а мечи клали подле себя под рукой, а сам король все время норовил улизнуть для совещаний со своими командирами, или на плац, или – иной раз за полночь – посидеть над военными картами, положив перед собой донесения разведчиков.

Я покинул Каэр-Камел в первую неделю сентября и отправился в Каэрлеон. Работа на строительстве крепости продвигалась хорошо, теперь можно было возложить руководство на Дервена. С легким сердцем пустился я в путь. Все, что мне удалось разузнать о молодой особе, свидетельствовало в ее пользу: молода, отменного здоровья и хорошего рода; да и пора было Артуру жениться и обзавестись сыновьями. Сверх того я о ней не думал.

Ко дню прибытия свадебного поезда я уже был в Каэрлеоне. Они не воспользовались переправой, а прискакали по дороге через Глевум. Лошади под кожаными чепраками с позолотой и пестрыми кистями, ярко выкрашенные паланкины для дам. Придворные дамы помоложе – в плащах всех цветов радуги, на лошадях с вплетенными в гривы цветами.

Сама невеста презрела паланкин; она ехала в седле на хорошенькой соловой лошадке – подарок из Артуровых конюшен. Слева у ее стремени постоянно держался Бедуир в новом темно-красном плаще, а по другую руку от него ехала принцесса Моргана, сестра Артура. Лошадь под ней была так же горяча, как смирна была лошадка под Гвиневерой, но она управлялась с ней без затруднений. Она была в превосходном расположении духа, радуясь, надо полагать, не только этой важной государственной свадьбе, но еще и собственному своему предстоящему замужеству. При этом она, как видно, нисколько не завидовала тому, что Гвиневера играет главную роль в празднествах и окружена всеобщим поклонением. Моргана и сама была на этой свадьбе важным лицом: в отсутствие Игрейны она представляла королеву-мать и в качестве посаженной матери должна была вместе с герцогом Корнуэльским вручить невесту верховному королю.

Артур, до сих пор не знавший, как серьезна болезнь Игрейны, ожидал, разумеется, что она прибудет на свадьбу. Но Бедуир по приезде сказал ему тихо несколько слов, и я увидел, как тень омрачила лицо короля. Впрочем, он скоро прогнал ее и поспешил навстречу Гвиневере. Приветствовал он ее церемонно, но с улыбкой, и в ответ у нее на щеках заиграли лукавые ямочки. Дамы восхищенно шелестели подолами и пожирали глазами короля, мужчины любовались невестой: мужи постарше – одобрительно глядя на ее молодость и свежесть (они уже подумывали о наследнике королевского престола), молодые – тоже с одобрением, к которому примешивалась простая зависть.

Гвиневере было пятнадцать лет. Она заметно выросла с той поры, что я ее видел, и округлилась, но, в сущности, осталась такой же резвой девочкой, со свежим личиком и веселым взглядом, и открыто радовалась судьбе, которая привела ее сюда из Корнуолла и предназначила в жены молодому королю Артуру – надежде всей Британии.

Она очень мило передала извинения госпожи своей королевы, дав понять, что Игрейну задержало не более как случайное недомогание; король выслушал ее благосклонно, а затем

предложил ей руку и сам проводил ее с Морганой к дому, отведенному для дам. То был лучший из городских домов вне крепостных стен, и там они могли отдохнуть и подготовиться к свадьбе.

Вскоре вслед за тем Артур возвратился в свои покои. Я еще из-за двери услышал, как он оживленно беседует с Бедуиром. И разговор шел не о дамах и свадьбах. На ходу Артур освобождался от богатого облачения, а Ульфин стоял наготове, чтобы поймать роскошный плащ, скинутый с плеч, и поднять с пола тяжелую перевязь с мечом. Артур весело приветствовал меня:

– Ну? Как ты ее нашел? Ведь какая красавица выросла, верно?

– Да, она очень хороша. Будет тебе достойной парой.

– И не ломака, не жеманница, слава тебе господи. Видеть таких не могу.

Я заметил, что Бедуир улыбается. Мы с ним оба понимали, что так оно и есть, в самом прямом смысле: он действительно не мог тратить время на жеманниц, ему было некогда любезничать и виться вокруг да около. Его цель – свадьба и брачное ложе, а затем, ублагодарив женитьбой лордов постарше и сам избавившись от этой заботы, он сможет вернуться на север, где его ждут недовершенные дела.

Он тут же и заговорил об этих делах, приглашая нас в передние покои, где стоял стол с рельефной картой.

– Сейчас мы об этом потолкуем, вот только соберутся остальные члены военного совета. Я уже за ними послал. Вчера вечером пришли новые вести. Я ведь говорил тебе, Мерлин, что решил вызвать сюда этого твоего молодого человека, Герейнта, из Оликаны. Он прибыл вчера вечером – ты его еще не видел? Нет? Он сейчас тоже придет. Весьма тебе благодарен: этот человек – находка, он уже трижды показал, чего стоит. Сейчас он привез известие из Элмета... Но об этом чуть позже. Пока они не собрались, я хочу услышать от тебя, что с королевой Игрейной. Бедуир сказал, что о ее поездке сюда не могло быть и речи. Ты знал о ее болезни?

– Я в Эймсбери увидел, что она хворает, но она не пожелала об этом говорить ни тогда, ни потом и совета моего не спрашивала. А каково ей теперь, Бедуир?

– Не мне судить, – ответил тот, – но, на мой взгляд, она в тяжелом недуге. Она сильно переменялась после коронации, стала худа, как призрак, и почти все время лежит в постели. Артуру она прислала письмо и хотела написать тебе тоже, но это уже было ей не под силу. Так что мне поручено передать тебе ее приветы и благодарить за письма и за то, что не оставляешь ее заботами. Твоих писем она всегда ждет с нетерпением.

Артур встревоженно взглянул на меня:

– Ты понимал, что дело примет такой оборот, когда видел ее последний раз? Это смертельно?

– Боюсь, что да. Когда я увидел ее в Эймсбери, семена болезни уже были посеяны. А потом, во время коронации, беседуя со мной, она уже, мне думается, чувствовала, что силы ее идут на убыль. Но угадать срок... Будь я даже ее собственным лекарем, и то едва ли я отважился бы на такую попытку.

Он мог бы спросить у меня, почему я не поделился с ним своими опасениями, но соображения мои были очевидны, и тут не о чем было разговаривать. Он только кивнул озабоченно:

– Не знаю... Я ведь должен буду возвратиться на север, как только покончу со здешними делами. – Он говорил о своей женитьбе так, словно это была битва или военный совет. – Ехать в Корнуолл мне никак невозможно. Может, следует послать тебя?

– Незачем. Ее врач – отличный знаток своего дела. Я знал его юным учеником в Пергаме.

– Ну что ж, – произнес Артур, покоряясь судьбе. И повторил еще раз: – Ну что ж...

Но смирно стоять он не мог, а двигался вокруг стола, переставляя колышки, которыми была утыкана глиняная карта.

– Беда в том, что всегда кажется: можно что-то еще предпринять. Я люблю решать сам, а не ждать решения. Знаю, знаю, ты сейчас скажешь, что мудрость в том и состоит, чтобы

знать, когда надо действовать, а когда всякое действие бесполезно. Только, боюсь, я никогда не достигну возраста мудрости.

– Наверно, лучшее, что ты сейчас можешь сделать для королевы Игрейны и для себя, – это осуществить задуманный ею брак, а также позаботиться о том, чтобы твоя сестра Моргана вошла на регедский престол, – сказал я.

Бедуир кивнул:

– Я тоже так думаю. Я понял из ее речей, что эти брачные союзы – единственная цель ее жизни.

– Да, так она и в письме написала, – подтвердил король. И прислушался, отвернув голову: из-за двери донесся приглушенный оклик и пароль-ответ. – Правду сказать, Мерлин, сейчас мне трудно было бы отпустить тебя в Корнуолл. Мне нужно, чтобы ты опять отправился на север. Можно оставить на Дервена работы в Каэр-Камеле?

– Разумеется, если таково твое желание. Он прекрасно управится, но я хотел бы к началу весны успеть туда возвратиться.

– Не вижу, что может тебе помешать в этом.

– Речь идет о свадьбе Морганы? Или опять Моргауза? Имей в виду, если надо плыть на Оркней, я отказываюсь...

Он засмеялся. Видно было, что он и думать забыл о Моргаузе и ее ребенке.

– Я бы никогда в жизни не послал тебя туда, где тебе будет угрожать опасность от Моргауза и от волн Северного моря. Нет. Ты поедешь с Морганой. Я хочу, чтобы ты сопровождал ее в Регед.

– С большим удовольствием.

И я действительно обрадовался. Годы, что провел я в Регеде, в Диком лесу, составляющем часть огромного Каледонского леса, были вершиной моей жизни, это были годы, когда я учил и наставлял мальчика Артура.

– Надеюсь, я смогу навестить Эктора?

– Отчего же, но после того, как проводишь к венцу Моргану. Признаюсь, у меня большой камень упадет с души, и у королевы тоже, когда Моргана станет королевой в Регеде. Ведь может статься, что к весне на севере снова вспыхнет война.

Странные, казалось бы, речи, но, если помнить, каким было положение в те годы, свой смысл в его словах был. То были времена зимних свадеб; с наступлением весны мужчины уходили воевать, и они, понятно, стремились оставить дома надежный тыл. Такому человеку, как Урбген Регедский, уже немолодому властителю обширных земель и отчаянному вояке, было бы крайне неразумно откладывать предстоящую свадьбу. Я сказал:

– Разумеется, я ее отвезу. Как скоро ехать?

– Как только со здешними делами будет покончено и прежде, чем зима вступит в свои права.

– А ты приедешь на ее свадьбу?

– Если смогу. Мы еще поговорим об этом. Я передам тебе письма и, конечно, мои подарки для Урбгена.

Он сделал знак Ульфину, тот пошел к дверям, навстречу входящим. Явились все: его рыцари, и члены совета, и кое-кто из малых королей, съехавшихся в Каэрлеон на свадебные торжества. Были здесь и Кадор, и Гвилим, и другие из Повиса, и Дифеда, и Думнонии, но никого из Элмета и с севера, что было вполне понятно. Я обрадовался, что среди входящих не оказалось Лота. Зато в толпе молодежи я увидел Герейнта. Он помахал мне и улыбнулся – разговаривать сейчас было некогда. Говорил король, и мы просидели на совете до заката, когда внесли яства, а после ужина гости ушли, и я вместе с ними.

Я возвращался к себе, когда меня нагнал Бедуир и с ним Герейнт. Молодые люди были, как видно, хорошо знакомы. Герейнт тепло приветствовал меня.

– Для меня был поистине счастливый день, – с улыбкой сказал он, – когда некий странствующий лекарь заехал в Оликану.

– И сдается мне, для Артура тоже, – ответил я. – Как продвигаются работы в Пеннинском проходе?

Он подробно ответил на мой вопрос. С востока в том году опасность нам не угрожала. Артур полностью очистил от врага земли под Линнуисом, и король Элмета остался там сторожить и управлять. Через проход отстроили заброшенную дорогу, прямо от Оликаны до берега Трибуита, и оба западных форта привели в боевую готовность. С фортов разговор перешел на Каэр-Камел, и они вдвоем с Бедуиром забросали меня вопросами. Но вот мы подошли к перекрестку, где пути наши расходились.

– Здесь я оставляю вас, – сказал Герейнт и, оглянувшись назад на королевские палаты, произнес: – «Лишь половину поведали мне». – Это звучало как строка из какого-то стихотворения, которого я не знал. – Сейчас славное время для всех нас.

– А будет еще славнее.

Мы простились и вдвоем с Бедуиром пошли дальше. Мальчик с факелом двигался в нескольких шагах впереди. Сначала, понизив голос, мы говорили об Игрейне. Бедуир описал мне ее состояние подробнее, чем при Артуре. Ее лекарь, опасаясь доверяться бумаге, на словах передал Бедуиру для меня кое-какие подробности, но они, впрочем, ничего нового мне не сообщили. Королева умирала, она ждала только – таково было мнение Бедуира, – пока обе ее подопечные девицы, обвенчанные и коронованные, займут подобающее им место в обществе, а после этого чудо будет (утверждал Мельхиор), если она протянет до Рождества. Мне она прислала поклон и фибулу для передачи после ее смерти Артуру – на память о матери. Фибула была тонкой работы, из золота и голубой эмали, с изображением христианской Богоматери и с именем Марии по краю. Дочь свою Моргану и воспитанницу Гвиневеру она уже прежде одарила драгоценностями в виде свадебных подарков. Впрочем, Моргане правда была известна, а вот Гвиневере, как видно, нет. Она была королеве не менее – если не более – дорога, чем родная дочь, и Бедуир получил строгие наставления не допустить, чтобы что-то омрачило свадебные торжества. Насчет горя Артура королева не обманывалась (Бедуир вообще почитал ее как женщину умнейшую); сердце сына она уступила королю Утеру, а также будущему родной страны, а сама примирилась с близкой смертью, находя поддержку в своей вере; но ей было известно, как горячо привязана к ней ее юная воспитанница.

– Ну а Гвиневера? – спросил я наконец. – За время пути сюда ты имел возможность близко ее узнать. А Артура никто лучше тебя не знает. Подойдут ли они друг другу? Какова она на самом деле?

– Прелестна. Полна жизни – по-своему не менее полна, чем Артур, – и умница. Засыпала меня вопросами о войне, и вопросы эти были вовсе не праздные. Она понимает его деятельность и интересуется каждым его шагом. Влюбилась по уши с первого взгляда еще тогда, в Эймсбери... Я-то думаю, что она была влюблена в него и раньше, как все девы Британии. Но она девица разумная и с юмором, а не какая-то там бледная немочь, мечтающая о короне и королевском ложе. Она понимает свой долг. Мне известно, что королева Игрейна давно задумала этот брак и уповала, что он совершится. И все это время учила и наставляла свою воспитанницу.

– Лучшей наставницы и быть не могло.

– Согласен. Но Гвиневера к тому же еще нежна и такая хохотушка. Я очень рад, – заключил Бедуир.

После этого мы заговорили о Моргане и о другой свадьбе.

– Будем надеяться, что и этот брак тоже будет удачным, – сказал я. – Он отвечает желаниям Артура. А что Морган? Она как будто бы тоже этого хочет и счастлива.

– О да, – подтвердил он и с улыбкой недоумения продолжил: – Можно подумать, что у них сговор по любви и никакого Лота на свете не было. Ты всегда говоришь, Мерлин, что не понимаешь женщин и в толк не возьмешь, что ими движет. Ну так вот, я тоже их не понимаю, хоть и не рожден отшельником, как ты. Скольких я знал и теперь чуть не целый месяц им всякий день прислуживал – а они для меня по-прежнему загадка. Каждая мечтает о замужестве, а ведь это для них в своем роде рабство, да еще сопряжено со смертельной опасностью. Можно бы понять тех, у кого за душой нет ничего, но взять, к примеру, Моргану: у нее и богатство, и знатность, и свобода, которую они ей обеспечивают, и покровительство верховного короля. А она все равно соглашалась пойти за Лота, хотя какая у него слава, ты знаешь, и вот теперь с радостью идет за Урбгена в Регед, а ведь Урбген в три раза ее старше, да она и не видела его толком никогда. Почему?

– Я подозреваю, что из-за Моргаузы.

Он искоса посмотрел на меня:

– Возможно. Я обсуждал это с Гвиневерой. Она говорит, что с тех пор, как прибыло известие о родах Моргаузы, а следом ее письма о том, какой пышный двор она содержит...

– На Оркнейских островах?

– Так она пишет. Что она сама управляет королевством, это похоже на правду. Кому же еще? Лот много времени при Артуре... Так вот, Гвиневера мне сказала, что в последние недели Моргана стала раздражительной и произносит имя Моргаузы только с ненавистью. И еще она снова вернулась к своему «черному искусству», как называет это королева Игрейна. Гвиневере даже страшно. – Он замаялся. – Их послушать, так Моргана занимается магией, но ведь в этом нет ничего похожего на твою силу, Мерлин? У нее это что-то мутное, скрытное.

– Если ее обучала Моргауза, то это, уж конечно, черное искусство. Ну что ж, стало быть, чем скорее Моргана станет королевой в Регеде и обзаведется своим семейством, тем будет лучше. А как же ты, Бедуир? Не подумываешь о женитьбе?

– Нет еще, – весело ответил он. – Мне недосуг.

Мы оба рассмеялись и разошлись спать.

А на следующий день при сиянии солнца, под музыку, среди пышности и ликования праздничной толпы Артур обвенчался с Гвиневерой. После пиршества, когда факелы зачались, выгорая, когда гости наелись, и напились, и насмеялись вдосталь, новобрачную увели, а вскоре вслед за тем и жених, окруженный своими рыцарями, удалился в опочивальню.

В ту ночь мне привиделся сон. Был он краток и неотчетлив – лишь промельк, быть может, вещего видения. Занавеси на окне раздувал ночной ветер, по углам теснились стылые тени. На ложе покоилась женщина. Лица ее я не видел, и кто она – не знал. Сначала я словно бы узнал в ней Игрейну, но ветер вздул пламя светильника, и тогда оказалось, что это, скорее всего, Гвиневера. Она лежала недвижно, словно бы мертвая – или истомленная ночью любви.

Глава 5

И снова я ехал на север, в этот раз западной дорогой, прямо на Лугуваллиум. То было воистину свадебное путешествие. Прекрасная погода держалась весь месяц – славный месяц сентябрь, лучшее в году время для путешественников, недаром он посвящен богу путников Гермесу.

Всю дорогу рука его вела нас. Большой западный тракт по распоряжению Артура был подновлен и содержался в отменном порядке, и даже вересковые равнины по сторонам стояли сухие, так что не приходилось размерять путешествие от селения до селения для удобного ночлега дам. Если закат солнца заставал нас вдали от жилых мест, мы разбивали лагерь там, где остановились, и ужинали у ручья, а кровом нам служили древесные кроны; в вересках,

засыпая, перекликались кулики, и цапли, возвращаясь с ловитвы на ночлег, хлопали крыльями над нашими головами. Я был бы совсем счастлив, если бы не два обстоятельства. Первым была память о моем прошлом путешествии. Как всякий разумный человек, я, казалось бы, отбросил все сожаления о прошлом, но однажды вечером, когда кто-то из спутников попросил меня спеть и слуга принес мою арфу, мне вдруг показалось, что вот сейчас я подниму глаза от струн и в кругу света от костра увижу улыбающегося Бельтана, золотых дел мастера, и Ниниана у него за спиной. И с той поры мальчик был постоянно со мной, в воспоминаниях и в снах, а с ним и горчайшая из печалей – сожаление о том, что могло бы быть, но чего нет и никогда не будет. Это было больше, чем просто печаль по утраченному ученику, который продолжил бы после меня мое дело. Я вдобавок еще мучительно корил себя за то, что так бездарно допустил его гибель. Должен же я был знать в ту минуту в Корбридже, когда все мое существо встрепенулось, – должен же я был догадаться, что именно заставило меня за него заступиться. Правда состояла в том, что, печалась о мальчике, который мог бы стать мне учеником и наследником, я печалился и о себе самом: Ниниан умер оттого, что я больше не был прежним Мерлином. А вторым шипом розы была сама Моргана. Я не был с ней близко знаком. Она родилась и выросла в Тинтагеле, когда я тайно жил в Регеде, где проходили детские годы Артура. После того я видел ее всего дважды: на коронации ее брата и на его свадьбе – и поговорить с нею мне не довелось ни в том, ни в другом случае.

Она походила на брата высоким для своих лет ростом, и черными волосами, и глазами – сказывалась, я полагаю, испанская кровь, привнесенная в род Амброзиев императором Максимом, но чертами пошла в Игрейну, тогда как Артур больше напоминал Утера. Она была белокожа и настолько же смирна, насколько Артур был буен. Но при всем том я чувал в ней ту же внутреннюю силу, ту же сдержанную душевную мощь, скрытый огонь под слоем серого пепла. И еще в ней было что-то от коварства ее единокровной сестры Моргаузы – вот уж чего совсем не было у ее брата Артура. Впрочем, это вообще черта женская, они все отличаются этим свойством в той или иной мере, подчас это их единственное оружие и в нападении, и в защите.

Моргана отказалась от паланкина и каждый день часть пути проезжала рядом со мною на лошади. Наверно, в обществе женщин и юношей разговоры велись о предстоящей свадьбе; но со мной она беседовала главным образом о прошлом. Снова и снова она побуждала меня рассказывать о моих прошлых делах, и все больше о тех, что вошли в легенды, – о драконах в Динас-Эмрисе, о король-камне на горе Киллар, о мече Максена в камне. Я отвечал на ее расспросы с охотой, но ограничивался лишь внешними событиями и, помня жалобы ее матери и Бедуира, старался внушить ей истинное понятие о магии.

Для юных дев магия – это ворожба и приворотные зелья, нашептывание в темном чулане и гадание о суженом в канун летнего солнцестояния. Вполне понятно, что дела любовные занимают их в первую голову: как забеременеть, как не беременеть, какими чарами отвести опасность при родах, как угадать заранее, кто родится, мальчик или девочка. Но Моргана, надо отдать ей справедливость, ни о чем таком со мной не говорила, верно, все эти секреты она уже успела узнать. Не выказывала она интереса, в отличие от своей сестры, и к искусству врачевания. Все ее вопросы были направлены в одну сторону – они касались моей силы, и главным образом в том, что имело отношение к Артуру. Она с жадностью расспрашивала о том, что и как было с первой встречи Утера и Игрейны и до поднятия Артуром великого меча Максена. Я отвечал ей учтиво и достаточно подробно, я полагал, она вправе знать внешнюю сторону дела, и притом старался растолковать ей (поскольку ей предстояло стать королевой Регеда, почти наверняка пережить своего мужа и воспитывать будущего короля этой богатой земли), какие планы были у Артура на послевоенные времена, и внушить ей те же устремления.

Насколько мне это удалось, сказать было трудно. Постепенно я стал замечать, что она все чаще возвращается к тому, как и при каких условиях действовала моя сила. От этого раз-

говора я уклонялся, но она проявляла настойчивость и под конец с самоуверенностью, напавшей мне ее брата Артура, преспокойно предложила мне продемонстрировать мою силу в действии – будто я старая бабка, смешивающая снадобья в котле над огнем, или гадалщица на рынке, всматривающаяся в «магический кристалл». Мой ответ на это ее бесцеремонное требование, боюсь, пришлось ей не по вкусу. Она стала натягивать поводья своей лошади, понемногу отстала от меня и всю последнюю часть пути ехала с молодежью.

Как и сестра ее Моргауза, Моргана редко довольствовалась дамским обществом. Ее неизменным спутником был молодой Акколон, разодетый молодой человек с оглушительным смехом и румянцем во всю щеку. Она никогда не оставалась с ним наедине долее, чем то допускалось приличием, но он своих чувств не скрывал: куда бы она ни направилась, провожал ее взглядом и при всякой возможности старался тронуть ее руку или соприкоснуться с ней коленом, подъехав к ней чуть ли не вплотную, так что спутывались гривы их лошадей. Но она словно бы ничего не замечала и ни разу у меня на глазах не подарила ему более теплого взгляда или более любезного ответа, чем другим. Долг повелевал мне доставить ее на ложе Урбгена невредимой и девственной (если таковой она была), но у меня не было причины опасаться за ее честь. Проникнуть к ней во время нашего путешествия любовнику было бы невозможно, даже если бы его поманили. Когда мы останавливались на ночь лагерем, дамы сопровождали Моргану в ее шатер, и там вместе с ней спали две престарелые фрейлины, не считая молодых. И она никогда не выказывала желания, чтоб было иначе. Она во всем вела себя, как положено суженой короля, с радостью едущей навстречу будущему супругу, и если румяное лицо и неотступные взгляды Акколона и производили на нее впечатление, она ничем этого не выдавала.

В последний раз мы остановились на отдых у самой границы земель, прилегающих к Каэрлуэлю, как зовется по-бриттски Лугуваллиум. Лошадей отпустили пастись, а слуги принялись начищать сбрую и смывать грязь с раскрашенных паланкинов, меж тем как женщины занялись нарядами, прическами, белилами и румянами. Потом все снова уселись на лошадей, и кавалькада двинулась навстречу королевскому отряду, с которым мы съехались, не доезжая городских ворот.

Во главе отряда ехал сам король Урбген верхом на полученном в подарок от Артура могучем гнедом жеребце под ало-золотым чепраком. Рядом слуга вел в поводу белую кобылу под серебряным седлом с голубыми кистями, предназначенную для принцессы. Урбген был прекрасен, как и его скакун, – статный, широкоплечий, могучий и ловкий, он казался вполтину моложе своих лет. В молодости имел он светло-рыжие волосы и бороду, теперь же они серебрились на солнце, как густая шелковистая белоснежная грива. От военных походов в летнюю пору, от зимних поездок по студеным границам северных владений лицо у него обветрилось и потемнело. Я знал его как мужа решительного и твердого, надежного союзника и мудрого правителя.

Он приветствовал меня так почтительно, будто я сам верховный король, а затем я представил ему Моргану. В бело-желтом наряде, с золотыми нитями в длинной черной косе, она дала ему руку, присела в низком поклоне и подставила для поцелуя прохладную нежную щеку. А потом уселась на белую кобылу и поехала подле короля, с совершенным самообладанием выдерживая любопытные взоры свиты и его собственный оценивающий взгляд. Слуги Урбгена окружили нас троих, Акколон отстал, бросив нам вслед исподлобья яростный взгляд, и мы мелкой рысью поехали туда, где на слиянии трех рек, среди рдеющих осенних лесов, стоит город Лугуваллиум.

Путешествие было счастливым, но кончилось оно скверно, оправдав мои худшие опасения. На свадьбу явилась Моргауза.

За три дня до начала брачных торжеств прискакал гонец с известием, что с моря в эстуарий зашел корабль под черными парусами и с оркнейским гербом. Король Урбген поехал

встречать его в гавань. Я же послал туда слугу, и тот поспешно возвратился с самыми свежими новостями, не успели еще гости с Оркнеев чин чином высадиться на берег. Короля Лота, сообщил он, среди них нет, а вот королева Моргауза прибыла, и притом с немалой пышностью. Я тут же отправил его на юг с предупреждением Артуру; тот без труда мог сыскать предлог для того, чтобы не присутствовать на свадьбе. Самому мне, к счастью, в таком предлоге не было нужды: я еще раньше собрался из города – осмотреть, по просьбе Урбгена, его береговые сигнальные посты. Немного поторопившись, быть может слегка в ущерб своему достоинству, я успел выехать до прибытия в город Моргаузы со свитой и возвратился только к вечеру накануне свадьбы. Моргана, как я узнал, тоже уклонилась от свидания с сестрой, что, впрочем, было естественно для невесты, выше головы занятой приготовлениями к торжественному бракосочетанию.

Так вышло, что я оказался свидетелем встречи сестер на паперти храма, где Моргана должна была венчаться по христианскому обряду. Обе, и королева и принцесса, были в роскошных одеждах, обеих окружали многолюдные свиты. Оказавшись лицом к лицу, они обменялись приветствиями и заключили друг дружку в объятия, при этом у обеих с губ не сходили сладкие, словно нарисованные улыбки. Выиграла в этой встрече, я считаю, Моргана; она была в блистательном подвенечном наряде, точно роскошная серебряная ваза посередине пиршественного стола: алое бархатное платье со шлейфом, шитым серебром, на темных волосах – корона, а среди богатых украшений, подарков Урбгена, я разглядел и несколько драгоценностей Игрейны, подаренных Утером на заре их любви. Тонкая и стройная, она держалась прямо под грузом всех этих сокровищ, и бледное, строгое лицо ее было прекрасно. Мне она привела на память Игрейну в молодости – воплощение силы и изящества. Я от всей души надеялся, что слухи о взаимной неприязни сестер верны и что Моргаузе не удастся втереться к ней в доверие теперь, когда она тоже становилась королевой. Но на душе у меня было беспокойно: я опасался, что именно это и было целью Моргаузы, иначе зачем бы этой ведьме являться сюда издалека и присутствовать при торжестве сестры, которая теперь затмевала ее и красотой, и положением?

Время не убавило золотисто-розовой красы Моргаузы, с годами она стала только еще роскошнее. Но было заметно, что она опять ждет ребенка, а с собой она привезла на руках у мамки недавно рожденного мальчика. Это был сын Лота, а не тот, первый, которого я надеялся – и опасался – увидеть.

Моргауза поймала мой испытующий взгляд, еле заметно усмехнулась, присев передо мной, и прошествовала в храм вместе со всей своей свитой. Я, замещающий на свадьбе Артура, ждал, когда подойдет мне черед вручить жениху невесту. Верховный король, получив мое донесение, послушно отыскал себе неожиданное дело в другом месте.

Но на свадебном пиру мне не удалось избежать беседы с Моргаузой. Как ближайшая родня невесты, мы с ней оказались бок о бок за столом для почетных гостей, установленным на возвышении в глубине зала. В этом зале когда-то Утер задал пир победы, кончившийся его смертью. А в одном из покоев этого самого замка Моргауза провела ночь в объятиях Артура, отчего появился на свет младенец Мордред, а потом, в беспощадном столкновении волей, я разрушил все ее расчеты и прогнал ее прочь от Артура. То была наша с ней последняя явная встреча – я надеялся, что ей неизвестно о моей поездке в Дунпелдир и тайном пребывании там.

Я увидел, как она искоса поглядывает на меня из-под опущенных бледных век. «Уж не догадывается ли она, что я теперь беспомощен перед нею?» – с опасением подумал я. При прошлой нашей встрече она испытала на мне свои ведьмовские чары, и я ощутил их липкую сладкую силу, опутывающую душу. Но тогда она могла запутать меня в свои тенета не больше, чем может паучиха изловить сокола. Я сокрушил ее чары и подавил своим могуществом ее злую волю. Теперь же моя сила оставила меня. Быть может, Моргауза сумела проведать об этом? Я всегда был достаточно высокого мнения о ее способностях и не склонен был недооценивать их теперь.

Я заговорил с ней весьма любезно:

– У тебя славный сын, Моргауза. Как его зовут?

– Гавейн.

– Он очень походит на отца.

Она опустила веки.

– Оба моих сына походят на отца, – томно произнесла она.

– Оба?

– Ну-ну, Мерлин, где твое искусство? Неужто ты поверил ужасному известию? Кто-кто, а уж ты-то должен был знать, что оно ложно.

– Я знал, что ложны слухи, будто Артур распорядился об избииении младенцев, которые ты распускала.

Она подняла на меня зеленые невинные глаза:

– Я?

– Да, ты. Избиение младенцев могло быть делом Лота, вспыльчивого глупца, во всяком случае, это его люди побросали младенцев в барку и пустили с отливом по волнам. Но кто толкнул его на это? Все это твои козни, ведь так, все, вплоть до гибели несчастного младенца в королевской колыбели? И не Лот зарезал Мачу, выхватил из кровавой лужи другого младенца и унес в укромное место. – Подражая ей, я заключил: – Ну-ну, Моргауза, где твое искусство? Кто-кто, а уж ты-то должна понимать, что со мной не выйдет прикидываться невинной простушкой.

При имени Мачи я увидел страх, зеленой искрой метнувшийся в ее глазах, но и только, черты ее остались невозмутимы. Она сидела прямая и неподвижная и лишь крутила в руке золотой кубок, так что на выпуклых его боках играл, переливаясь, свет факелов. И видно было, как на горле у нее быстро бьется маленькая жилка.

Я праздновал нерадостную победу. Стало быть, я был прав. Мордред жив и спрятан, надо полагать, на одном из островков, носящих общее наименование Оркнейских, где королевская воля Моргаузы – единственный закон, а я, лишенный дара провидения, бессилен его отыскать. И не имею полномочия его умертвить, даже если разыщу, напомнил я себе.

– Ты видел? – тихо спросила она.

– Разумеется, видел. Разве ты можешь скрыть что-нибудь от меня? Ты должна помнить, что мне все известно. И не забывай, верховному королю тоже.

Она сидела недвижно и с виду совершенно спокойно, не считая торопливого биения пульса на горле под сливочной кожей. Сумел ли я внушить ей, что меня по-прежнему следует страшиться? Ведь она не знает, что Линд доверилась мне, и, уж конечно, не помнит никакого Бельтана. Хотя ожерелье, которое он для нее смастерил, сейчас дрожало и переливалось у нее на шее. Она сглотнула и сказала тоненьким голоском, едва слышным в шуме пира:

– В таком случае тебе должно быть известно, что я уберегла его от Лота, однако где он теперь, не знаю. Или ты можешь мне это сообщить?

– И ты полагаешь, что я тебе поверю?

– Должен верить, ведь это правда. Я не знаю, где он. – Она повернулась, взглянула мне прямо в лицо. – А ты знаешь?

Я не ответил. Только улыбнулся, поднял кубок и отпил из него. Но и не глядя на нее, я услышал, ощутил ее вздох облегчения и, похолодев, подумал: неужели я промахнулся?

– Если б я и знала, – продолжала она, – я бы все равно не могла держать его при себе, раз он как две капли воды похож на своего отца. – Она выпила вино, поставила кубок и откинулась назад, сложив руки под животом, так что обозначилась ее беременность. И посмотрела на меня с улыбкой, в которой были злорадство и ненависть, но ни тени страха. – А раз так, волшебник Мерлин, ты уж лучше предскажи будущее вот этому моему отпрыску, коли не знаешь ничего о том. Будет ли у меня опять сын взамен того, которого я лишилась?

– Несомненно, – коротко ответил я, и она в голос рассмеялась:

– Очень рада. Девочки мне ни к чему.

Взгляд ее скользнул к новобрачной, неподвижно и прямо сидевшей подле Урбгена. Жених выпил много вина, темно-красным румянцем разлившегося по его лицу, но не утратил величавого достоинства, хоть и клонился к своей молодой жене, лаская ее глазами. Моргауза, посмотрев на них, презрительно сказала:

– Моя маленькая сестрица обзавелась наконец своим королем. А заодно и королевством, и стольным городом, и широкими землями. Только он не молод, под пятьдесят, и имеет уже сыновей... – Она огладила ладонью свой живот. – Лот, может, и вспыльчивый глупец, как ты его обозвал, но по крайней мере он мужчина.

Это была приманка, но я ее не схватил и не попался на крючок. А только спросил:

– Где же он сейчас, что не смог прибыть на королевскую свадьбу?

К моему удивлению, она ответила вполне миролюбиво, как видно оставив зловредную игру. Лот, оказывается, уехал с Уриеном, мужем его сестры, в Нортумбрию, где под их началом достраивался Черный вал. Я уже писал о нем раньше. Он тянется вглубь от берега Северного моря и предназначен для обороны от набегов с северо-востока. Обо всем этом Моргауза толковала со знанием дела, и я поневоле заслушался. Стало легче дышать, вражда уже больше не витала в воздухе. Кто-то спросил меня о свадьбе Артура и о молодой королеве, а Моргауза со смехом заметила вполне резонно:

– Что проку расспрашивать Мерлина? Ему, может, и известно все на свете, но попросите его описать бракосочетание – и увидите, что он не знает даже, какого цвета волосы у невесты и во что она была наряжена!

В разговор со смехом вмешались другие гости, и пили за здоровье молодых, и произносили речи, и я, должно быть, выпил много больше обычного, потому что хорошо помню, как светильники то вспыхивали, то меркли, то разгорались, то тускнели, а смех и разговоры взрывались и замирали и наплывало облако женских благовоний, густой сладкий аромат, как запах жимолости, в котором вязло сознание, точно пчела в меду. Сладкий аромат, замешанный на винных парах. Клонился золотой кувшин, и кубок у меня в руке наполнялся опять. И кто-то приглашал с улыбкой: «Выпей, господин». Вкус абрикоса у меня на губах, сладостный и терпкий; кожа была как пушистое брюшко шмеля, как оса, млеющая в солнечном свете на садовой ограде... И все время два глаза следили за мной с предвкушением и опасливой надеждой, с презрением, с торжеством... Возле меня оказались слуги, они помогли мне встать из-за стола, и я увидел, что новобрачная уже удалилась, а король Урбген, едва сдерживая нетерпение, поглядывает на двери в ожидании знака, чтобы последовать за нею на брачное ложе.

Кресло рядом с моим стояло пустое. Слуги, улыбаясь, окружили меня и проводили в мои покои.

Глава 6

Наутро у меня болела голова не менее жестоко, чем бывало после магического действия. Весь день я провел взаперти. А на следующий день простился с Урбгеном и королевой. Еще до прибытия Моргаузы мы успели обо всем договориться, и теперь я с радостью, как можно догадаться, покинул город и углубился в Дикий лес, в самом сердце которого стояла Галава – замок графа Эктора. С Моргаузой я не попрощался.

Приятно было вновь оказаться в пути под открытым небом. Теперь меня сопровождали лишь двое. Эскорт Морганы составляли главным образом ее же люди из Корнуолла, которые теперь остались с ней в Лугуваллиуме. А мои новые спутники принадлежали ко двору Урбгена: он их отрядил сопровождать меня до Галавы, откуда они должны были вернуться назад. Убеждать Урбгена, что мне много приятнее было бы ехать в одиночестве и что со мной ничего худого не может приключиться, был напрасный труд: король Урбген в ответ только улыбался

и говорил, что даже магия бессильна против волков и внезапного раннего снегопада, который в этих гористых местах может застигнуть путника на крутом перевале и обречь на неминуемую гибель. Его слова напомнили мне, что теперь, вооруженный одной лишь былой славой, но лишенный прежней моей силы, я мог в этих диких краях пасть жертвой лихих людей точно так же, как и любой другой одинокий путник. И потому я с благодарностью принял этот скромный эскорт, чем, как оказалось, спас свою жизнь.

Мы переехали через мост и неторопливо трусили по дороге, которая вьется по зеленой долине вместе с речкой, заросшей по берегам ивой и ольхой. Головная боль у меня прошла, и я чувствовал себя здоровым, но какая-то истома еще угнетала душу, и я с радостью вдыхал полной грудью знакомый лесной воздух, напоенный запахами сосен и папоротников.

У выезда из городских ворот произошло одно незначительное, как мне тогда показалось, событие. Переезжая по мосту, я услышал резкий крик, который поначалу счел за птичий: мне подумалось, что это надрывается одна из чаек, которые кормились отбросами на речном берегу. Но потом внимание мое привлекла женщина с ребенком на руках, проходившая по галечнику под мостом. Ребенок у нее кричал, она баюкала его и успокаивала. И вдруг, подняв голову, заметила меня. Она так и застыла на месте с задранной головой. Я узнал мамку Моргаузы. Но тут конь мой вынес меня, стуча копытами, на тот берег, и ивы скрыли женщину и ребенка.

Я не придал этой встрече никакого значения и вскоре забыл о ней. Мы ехали и ехали мимо деревень и хуторов, мимо выпасов, пестреющих стадами. Кроны ив золотились, в орешнике сновали по ветвям бесчисленные белки. На коньках крыш щебетали последние стайки отлетающих ласточек, а когда мы приблизились к озерному краю, откуда начинается Дикий лес, холмы внизу пламенели в солнечных лучах золотисто-бурыми осенними папоротниками меж каменистых отрогов. Редкие леса сквозили золотом дубов, темнели хвоей сосен. А потом начался знаменитый Дикий лес. Деревья по долинам росли так густо, что затмевали дневной свет. Вскоре мы пересекли тропу, которая вела вверх к Зеленой часовне. Мне захотелось побывать в этом памятном месте, но на поездку туда ушло бы несколько лишних часов, да к тому же из Галавы съездить в Зеленую часовню будет гораздо проще. Мы продолжали ехать по дороге и так добрались до Петриан.

Теперь Петрианы едва ли заслуживают названия города, но в римские времена это был процветающий торговый город. Рынок, правда, сохранился и в наши дни, и там понемножку торгуют скотом и товаром, но сами Петрианы представляют собой жалкое скопление глинобитных хижин под тростниковыми кровлями. Единственное святилище здесь – руины старого храма с полуразрушенным алтарем, посвященным Марсу, вернее, его ипостаси – местному богу Коцидию. Приношений у подножия алтаря я не увидел, только на замшелой каменной приступке лежала кожаная пастушья праща и к ней грудка камней-снарядов. Кто знает, в благодарность за спасение от какой беды, от волка или злого человека, принес неведомый пастух богу эту жертву?

После Петриан мы оставили дорогу и свернули на горные тропы, хорошо известные моим спутникам. Ехали не спеша, радуясь последнему теплу осеннего солнца. Все выше поднимались мы в горы, но воздух оставался прогретым, чистым и хрустким, что предвещало в недалеком будущем первые морозы.

В неглубокой ложине, где меж замшелых камней отсвечивало горное озерцо, мы остановились дать роздых лошадям, и здесь нам встретился пастух, коренастый и обветренный житель гор, из тех, что все лето проводят на склонах со своими сизыми регедскими овечками. Внизу могут бушевать войны, кипеть сражения, но они опасливо посматривают только на небо и при наступлении первых зимних холодов спешат укрыться в пещерах, где поддерживают существование скудной пищей, состоящей из ржаного хлеба и сухих плодов да еще пресных лепешек, которые пекут на торфяном огне. Стада свои они загоняют для безопасности в камен-

ные ограды на склонах гор. И подчас не слышат человеческого голоса от весеннего окота до стрижки и от стрижки до первых морозов.

Этот молодой пастух совсем отвык от человеческой речи и с трудом ворочал языком, при этом еще произнося слова с таким невнятным горским выговором, что сопровождавшие меня воины, оба местные, не могли ничего уразуметь и даже я, знающий многие языки, подчас слушал его с недоумением. Я понял, что он разговаривал с Древними и теперь жаждал пересказать полученные от них известия. Сведения были благоприятные: Артур, проведя после свадьбы без малого месяц в Каэрлеоне, отправился со своими рыцарями на север через Пеннинский проход, держа путь на Оликану и Йоркскую равнину, для встречи с королем Элмета. В этом не было для меня ничего неожиданного, но по крайней мере я получил подтверждение, что не произошло никаких событий, которые бы нарушили осеннее перемирие. Однако самую главную новость пастух приберег напоследок. Верховный король (пастух назвал его «юный Эмрис» так гордо и в то же время запросто, что было ясно: мальчишками они с Артуром знали) оставил свою королеву в тяжести. Оба сопровождавших меня воина выслушали эту новость с сомнением; оно, возможно, и так, рассудили они, да только кто же это может знать, за один-то месяц? Но я, когда обратился ко мне, выказал к сообщению пастуха больше доверия: Древние, как я уже говорил, умеют узнавать то, что для нас остается тайной, их пути нам неведомы, но заслуживают уважения. Если это идет от них, то...

Пастух подтвердил, что сведение получено от Древних. Больше ему ничего не известно. Юный Эмрис уехал в Элмет, а его милашка, с которой он обвенчался, осталась в тяжести. Он сказал «суягная», чем привел моих проводников в веселое расположение духа, но я все-таки поблагодарил его и одарил монеткой, и он, довольный, ушел к своим овцам, напоследок с сомнением задержав на мне взгляд — должно быть, узнавая и не узнавая во мне отшельника Зеленой часовни.

Ночь застала нас в стороне от дороги и вдаль от человеческого обиталища, и потому с наступлением ранних сумерек среди сырости и тумана мы устроили себе ночлег под высокими соснами на лесной опушке, развели костер, и мои проводники приготовили ужин. На протяжении всего путешествия я пил одну лишь воду, как всегда, когда оказывался в горах, где она чиста и свежа, но в тот вечер, празднуя известие, доставленное молодым пастухом, я пожелал откупорить одну из фляг с вином, которые были даны мне в дорогу из Урбгеновых погребов. Я думал разделить ее содержимое с обоими воинами, но они отказались, предпочтя свое слабое солдатское вино с привкусом мехов, в которых они его везли. И я ел и пил в одиночестве, а затем улегся спать.

О том, что произошло потом, я не могу писать. Это знают Древние, и, может быть, кто-нибудь еще сумеет описать то, что со мной было, но сам я сохранил лишь смутные воспоминания, словно то было видение в темном матовом кристалле.

Но это было не видение. Видения сохраняются в душе еще живее, ярче, чем память. Это было безумие, его навело на меня, как я знаю теперь, какое-то снадобье, добавленное в выпитое мною вино. Дважды до этого, когда я встречался с Моргаузой лицом к лицу, она испытывала на мне свои ведьмовские чары, но ее ученическое колдовство отскакивало от меня, как камешек, пущенный младенческой рукой, отскакивает от скалы. Но на этот раз... Пришлось мне припомнить, как на свадебном пиршестве разгорались и меркли вокруг меня огни и запах жимолости говорил о предательстве, а привкус абрикосов об убийстве. В ту ночь меня, всегда умеренного в еде и питье, пьяным отнесли на ложе. Вспомнил я и голос, произнесший: «Выпей, господин», вспомнил и внимательные зеленые глаза. Верно, она опять испытывала на мне свои чары и обнаружила, что теперь я бессилен против их липких, обволакивающих тенет. Быть может, семена моего безумия были посеяны уже тогда, на пиру, чтобы дать всходы позднее, когда я буду далеко, так что на нее не падет и тень подозрения. Ее служанка оказалась у моста

и видела своими глазами, как я благополучно выехал из города. Но к первоначальной отраве ведьма добавила другого адского зелья, она успела его нацедить в одну из фляг с вином, которые я вез с собой. Ей повезло: если бы не известие о беременности Гвиневеры, я бы мог так и не раскупорить фляги. Мы уже проехали, не отведав и глотка вина, большую часть пути. Ну а что до моих проводников, если бы и они разделили со мной отраву, тем хуже для них. Моргаузу это не остановило, она и сотню готова была уложить, чтобы только разделаться со своим врагом Мерлином. И можно было не искать иных причин ее появления на сестриной свадьбе.

Не ведаю, что это был за яд, но, привыкнув в еде и питье довольствоваться малым, я обманул ее ожидания и избегнул смерти. Что произошло после того, как я выпил вина и растянулся на земле, я могу только домыслить теперь по разрозненным рассказам других и по смутным выюжным обрывкам воспоминаний.

Ночью проводники, разбуженные громкими стонами, поспешили к моему ложу и увидели, что я в страшных мучениях в беспамятстве бьюсь в судорогах на земле. Они как могли оказали мне помощь, приняв меры самые простые, но именно они, наверное, и спасли мне в конечном счете жизнь, ибо один в безлюдной пустыне я бы, конечно, умер. Они вызвали у меня рвоту, а затем, прибавив к моему одеялу, плотно укутали меня и, разведя большой огонь, положили вблизи костра. После этого один остался со мной, а другой пошел вниз искать приют или помощь. Он должен был прислать за нами из долины людей, а сам, не возвращаясь, отправиться в Галаву с известием о моей болезни.

Оставшийся со мной солдат позаботился о том, чтобы я лежал в тепле и покое, и через час или два я стал погружаться в лихорадочный сон. Это ему не понравилось, однако, когда он попробовал на минуту отойти от меня и зашел за деревья облегчиться, я лежал тихо и не метался. Тогда он отважился спуститься к ручью за водой – всего каких-нибудь двадцать беззвучных шагов по обомшелым камням, но внизу он сообразил, что костер скоро прогорит, надо подсобрать дров, и, перейдя ручей, углубился еще шагов на тридцать – он клялся, что не больше, – под древесные своды. Валежника было много, и он набрал охапку всего за несколько минут. Однако, когда он поднялся обратно, меня около костра не оказалось, и сколько он ни шарил вокруг, не сумел обнаружить никаких следов. И нельзя его винить за то, что, пробродив вокруг целый час, напрасно будя призывами эхо ночного лесного безмолвия, он вскочил на коня и поскакал вдогонку за своим товарищем. Волшебник Мерлин столько раз исчезал прямо на глазах у людей, кто об этом не слышал? Простодушный воин не усомнился, что и ему выпало оказаться свидетелем такого происшествия.

Исчез волшебник, и все тут, а от них только требовалось доложить начальству и ждать, когда он соизволит возвратиться.

То был долгий-долгий сон. Начала его я совсем не помню; по-видимому обретя в бреду какие-то новые силы, я сполз со своего ложа и побрел в лес по бесшумным мхам, где-то свалился и прямо там остался лежать, то ли между кочек, то ли в чащобе, где солдату было меня не найти. Со временем я, должно быть, немного опомнился и сумел заползти в какое-то укрытие, где прятался от непогоды, сумел добывать пищу и даже, наверно, развел огонь, у которого обогревался, когда наступили холода, но этого я ничего не помню. В памяти у меня сохранились лишь отдельные последовательные картины, подобные ярким немым сновидениям, и я переплывал из одной в другую, точно бесплотный, невесомый дух, держащийся на воздухе, как держится на воде то, что имеет вес. Картины эти сохранились в памяти ясно, но как бы уменьшенные равнодушным расстоянием, словно принадлежащие иному, безразличному мне миру. Так, иногда представляется мне, глядят умершие на мир, который они покинули.

Я влачил существование в глубокой чаще леса, словно бестелесный клочок осеннего тумана. Теперь, напрягая память, я снова различаю отдельные образы. Вот редкие ряды буков, щедро унизанных орехами, у корней роются в земле вепри и барсуки, меж стволов сшибаются

рогами гордые олени, воинственно трубя и даже не взглядывая в мою сторону. И волки тоже: места там зовутся Волчьей тропой, но, хоть я и был бы легкой добычей, волки сыто прожили лето и меня не трогали. Потом настали первые зимние холода, по утреннему морозу засверкал иней, черный тростник хрупко топорщился из скованных льдом болот, и лес опустел, спрятался в норы барсук, олень спустился в долины, а дикие гуси улетели, и безмолвствовали небеса.

А потом – снег. Промелькнуло видение: вихрится белым глухой воздух, оттаяв после мороза; лес теряется в белой мгле, забранный туманной пеленой; из нее вылетают, кружась, отдельные пушистые серые хлопья; и – холод, немой, невыносимый...

Пещера, пещерные запахи, торфяное пламя, и пряный вкус настойки из каких-то трав, и грубые, сильные голоса, неразборчиво разговаривающие неподалеку на древнем языке. Кислый дух плохо выделанных волчьих шкур и жжение блошиных укусов под одеялами, а однажды мне примерещилось, будто я связан по рукам и ногам и сверху прижат чем-то тяжелым...

Здесь длинный темный разрыв, но по ту сторону – солнечный свет, свежая зелень, первая птичья песнь и яркая картина, как будто ребенок впервые видит весну: целый луг желтого первоцвета, как чеканное золотое блюдо. В лесу снова пробуждается жизнь, выходят на охоту оголодавшие лисы, дыбится почва над кротовыми ходами, изящно перебирая копытцами, бредут олени, безоружные и кроткие, и снова роет землю неутомимый вепрь. И несусветный, смутный сон – будто я нашел отбившегося от сородичей лесного поросенка с переломанной ножкой, еще полосатенького, покрытого вместо щетины шелковистой младенческой шерсткой.

А потом вдруг на серой заре весь лес наполнился звуками: дробь конских копыт, и звон мечей, и взмахи боевых топоров, рассекающих воздух, и клики, и вопли, и ржание раненых коней. Как прерывистый лихорадочный сон, целый день бушевало сражение, а когда оно кончилось, стало тихо – только стоны да запах крови и потоптанного папоротника.

И все это сменилось глубоким безмолвием и яблоневым духом, а вместе с тем и чувством горькой печали, которая приходит к человеку, когда он просыпается и вспоминает свою забытую во сне утрату.

Глава 7

– Мерлин! – позвал голос Артура у меня над ухом. – Мерлин!

Я открыл глаза. Я лежал в постели, надо мною уходили ввысь своды потолка. В окно сквозил яркий солнечный свет утра и падал на беленные каменные стены, которые выгибались округло, и это означало башню. За окном вровень с облаком качались верхушки деревьев. В стылых стенах сильно дуло, но вблизи моего ложа стояла горячая жаровня, и под несколькими одеялами, на тонком белье, пропитанном кедровым ароматом, мне было тепло и покойно. Угли в жаровне были присыпаны благовониями, тонкая струйка дыма пахла свежестью и смолой. Стены были голы, но пол устилали пышные темно-серые овчины, а над изножьем у меня висел простой крест, сбитый из двух оливковых прутьев. Я находился в христианском доме, и при этом зажиточном: у моего ложа на позолоченной деревянной подставке стоял самосский глиняный кувшин с кубком и таз чеканного серебра. А дальше был табурет на скрещенных ножках, предназначенный, как видно, для слуги, смотревшего за мною, но сейчас слуга не сидел, а стоял, прижавшись спиной к стене, и смотрел не на меня, его глаза были устремлены на короля.

Артур шумно перевел дух, румянец прихлынул к его лицу. Таким я его никогда не видел. Глаза затуманены усталостью, щеки провалились, выступили скулы. Последние следы юности сошли, на меня смотрел муж, закаленный в тяжелых походах и обладающий железной волей, которая стремится его самого и его присных вперед до предела и дальше.

Он стоял у моего ложа на коленях. Я скосил на него глаза, и его рука в быстром пожатии сдавила мне запястье. Я ощутил мозоли на его ладони.

– Мерлин! Ты узнаешь меня? Говорить можешь?

Я попытался произнести слово, но не смог. Губы пересохли, растрескались. Ум был ясен, но тело не подчинялось. Рука короля обвила мои плечи, приподняла меня, по знаку короля слуга приблизился и наполнил кубок. Артур взял кубок у него из рук и поднес к моим губам. Это была настойка, крепкая и сладкая. Король взял у слуги платок, отер мне губы, а затем бережно опустил меня обратно на подушки.

Я улыбнулся ему, а на самом деле, должно быть, лишь слабо скривил губы. Потом попробовал выговорить его имя: «Эмрис». Но звука слышно не было. Только слабый выдох, не более того.

Его рука снова прикрыла мою.

– Не пытайся ничего говорить. Это я по глупости. Ты жив, остальное не важно. Отдыхай.

Мой взгляд, скользнув мимо его плеча, упал на какой-то предмет. Арфа, моя арфа на стуле у стены. Я сказал все так же беззвучно: «Ты нашел мою арфу» – и ощутил облегчение и радость, словно каким-то образом удостоверился, что теперь все будет благополучно.

Он оглянулся, следуя за моим взглядом.

– Да, мы ее нашли. Она целехонька. Отдыхай, мой друг. Все хорошо. В самом деле все хорошо...

Я еще раз попытался выговорить его имя, опять не смог и снова погрузился во тьму. Смутно, как веяния того света, мне запомнились торопливые тихие распоряжения, бегущие слуги, легкие шаги и шелест женских платьев, прохладные ладони, приглушенные голоса. И утешительное забытие.

Когда я снова проснулся, сознание полностью ко мне вернулось, словно после долгого освежающего сна. Ум мой работал ясно, тело, еще очень слабое, стало послушным. Я с удовольствием ощутил голод. Попробовал двинуть головой, пошевелить руками. Тяжелые, негибкие кисти медленно подчинились. Где бы я ни блуждал все это время, теперь я возвратился обратно. Я покинул королевство снов.

Судя по освещению, был вечер. У дверей в выжидательной позе стоял слуга, уже другой. Но одно оставалось как раньше, в комнате по-прежнему находился Артур. Он пододвинул к кровати табурет и сидел рядом со мною. Вот он повернул голову, увидел, что я на него смотрю, и лицо его преобразилось. Порывисто вытянув руку, он накрыл ладонью мое запястье – нежно и вопросительно, как врач, нащупывающий пульс больного.

– Клянусь богом, – проговорил он, – ну и перепугал же ты нас! Что с тобой было? Нет-нет, не рассказывай, забудь. Потом когда-нибудь расскажешь, что помнишь. А пока довольно того, что ты жив и в безопасности. Вид у тебя уже лучше. А как ты себя чувствуешь?

– Мне снились сны, – произнес голос, который показался мне не моим, он точно пришел откуда-то извне, из воздуха, и мне почти не подчинялся. Был он такой слабый, как визг недавно рожденного лесного поросенка, когда я вправлял ему сломанную ножку. – Я был болен, должно быть.

– Болен? – Он засмеялся хриплым невеселым смехом. – Да ты был совершенно не в себе, мой дорогой королевский прорицатель! Я уж думал, что ты окончательно помешался и никогда больше к нам не вернешься.

– Верно, лихорадка какая-то. И я не помню почти ничего... – Я насупил брови, стараясь припомнить прошедшее. – Да. Я ехал в Галаву с двумя воинами Урбгена. Мы устроились на ночлег в лесу, у Волчьей тропы и... А где я сейчас?

– В Галаве. Это замок Эктора. Ты дома.

Это Артур был дома, а не я. Я из соображений безопасности сам никогда не жил у Эктора в замке, но все те тайные годы прожил на холмах в лесу, и домом моим была Зеленая часовня. Но когда я повернул голову к окну и вдохнул знакомые запахи хвои и озерной воды и густой

аромат возделанной тучной земли, идущий от огорода Друзиллы у подножия башни, я обрадовался им, как знакомому огоньку, забрезжившему в тумане.

– А сражение, которое я видел? – спросил я. – Оно в самом деле было или только помешлось мне?

– Да нет, сражение было настоящее. Только не будем пока о нем говорить. Поверь мне, все хорошо. А теперь отдыхай. Что ты сейчас чувствуешь?

– Голод.

Тут снова поднялась суматоха. Слуги принесли хлеб, и мясной отвар, и укрепляющие настойки, и сама графиня Друзилла кормила меня, а потом своими руками уложила обратно на подушки, и я с радостью погрузился в здоровый сон без сновидений.

Снова утро, и тот же яркий солнечный свет, что и при первом моем пробуждении. Я еще слаб, но во всем отдаю себе ясный отчет. Король распорядился, чтобы за ним послали, как только я очнусь, но я не велел его беспокоить, прежде чем меня не умыли, не побрили и не накормили.

Наконец он пришел, и вид у него был уже совсем другой. Из взгляда ушло напряжение, на щеках под смуглой обветренной кожей затеплился румянец. И вернулось что-то, что было в нем особенного, необыкновенного: молодая сила, от которой, как из живительного источника, пили другие.

Сначала понадобилось убедить его, что я действительно поправляюсь, но потом он устроился на табурете у моего ложа и приготовился отвечать на мои расспросы.

– Последнее, что я слышал о тебе, – это что ты направился в Элмет... Только, как я понимаю, это уже дело давнее. Что там было, они нарушили перемирие? Я видел какое-то сражение, должно быть где-то в здешних краях, в Каледонском лесу. Кто в нем участвовал?

Он посмотрел на меня, как мне показалось, с недоумением, но ответил:

– Меня призвал Урбген. Враги прорвались посуху в Стрэтклайд, и Кау не смог преградить им путь. Они стремились пробиться через лес на дорогу. Но я двинулся им навстречу, разбил их и отогнал обратно. Те, кто остался в живых, бежали. Я должен был их преследовать, но тут нашли тебя, и пришлось задержаться... Не мог же я тебя оставить, пока не убедился, что ты дома и окружен заботой.

– Стало быть, я действительно видел сражение? Я думал, может быть, это тоже сон.

– Ты, должно быть, наблюдал его от начала и до конца. Мы дрались, продвигаясь в лесных зарослях вдоль берега реки. Ты ведь знаешь, какие там места: хорошая открытая равнина и перелески, березняки и ольшаники, где так удобно устраивать конную засаду. У нас за спиной был склон холма, а их мы настигли у брода. Река там полноводная, наша кавалерия легко переправилась на тот берег, а их пешим ратникам пришлось плохо... Мы их гнали до вечера, а потом, когда вернулись, ко мне прибежали и говорят, что видели тебя. Ты бродил по полю битвы среди раненых и мертвых и давал наставления лекарям... Сначала никто тебя не узнал, но скоро пошли разговоры, что-де явился призрак Мерлина. – Он криво усмехнулся. – Однако наставления призрака, надо полагать, были довольно дельные. Но, понятно, разговоры породили страх, и какие-то глупцы вздумали отгонять тебя камнями. Потом уж один санитар по имени Павел признал тебя и положил конец всей этой болтовне о призраке. Он выследил, где ты жил, и послал сказать мне.

– Да-да, Павел. Помню. Толковый лекарь. Мне с ним не раз случалось работать бок о бок. А где же я жил?

– В разрушенной башне, окруженной одичавшим плодовым садом. Неужели ты не помнишь?

– Нет. Но что-то смутно всплывает. Бывшая башня, да-да, одни развалины, плющ и совы. И кажется, яблони?

– Да. Можно сказать, просто груда камней. Постель из папоротника, груда гнилых яблок, запасы орехов, какие-то тряпицы сушатся на яблоневых ветвях. – Он замолчал, что-то в горле мешало ему говорить. – Думали сначала, что ты пустынный, знаешь, из одичавших отшельников. И правду сказать, когда я тебя увидел... – губы его чуть покривились, – ты гораздо больше походил на настоящего лесного отшельника, чем в те времена, когда жил в Зеленой часовне.

– Представляю себе.

И действительно, борода моя, только сегодня наконец сбритая, отросла длинная, косматая и седая, руки, лежащие сейчас поверх цветного одеяла, выглядели старческими, высохшими – одни тонкие кости, связанные сетью узловатых жил.

– Мы привезли тебя сюда. Мне надо было скорее опять отправляться в поход. Мы настигли их под Каэр-Гвиннионом и завязали кровавую битву. Все шло хорошо, но потом прибыл гонец из Галавы с новыми известиями о тебе. Когда мы тебя нашли и доставили сюда, ты был еще достаточно силен, мог держаться на ногах, но рассудок у тебя помутился: ты никого не узнавал и говорил невесте что. Но, очутившись здесь, на руках у женщин, ты погрузился в безмолвие и сон. После битвы явился гонец и сообщил мне, что ты не просыпаешься. Сначала ты метался в жару, бормотал все какую-то дичь, но потом впал в беспамятство и так долго лежал безмолвный и недвижимый, что тебя уже сочли умершим и послали за мной. Я прискакал, как только смог.

Я смотрел на него, прищурив веки. Свет из окон был для меня слишком резок. Он это заметил и сделал знак слуге – тот задернул занавесь.

– Погоди, дай разобраться. Ты нашел меня в лесу и доставил в Галаву, после чего отправился на юг. И там произошла еще одна битва? Как давно я нахожусь здесь, Артур?

– Сюда тебя доставили три недели назад. Но с тех пор, как ты ушел в лес и потерялся, прошло полных семь месяцев. Ты пропадал всю зиму. Удивительно ли, что мы считали тебя погибшим?

Семь месяцев. Как врачу мне случалось давать подобные ответы больным, очнувшимся после долгой болезни, и всякий раз я наблюдал такое же недоверие и потрясение. Теперь я ощущал это сам. Представить себе, что целые полгода выпали из жизни, да еще такие полгода... Какие только беды не могли за это время обрушиться на мою раздираемую и осаждаемую родину! Что только не могло случиться с ее королем! Какие-то новые воспоминания, затерянные в тумане болезни, стали оживать у меня в голове.

Я снова увидел – и сердце мое сжалось, – как ввалились у Артура щеки, какими темными тенями легли под глазами бессонные ночи. Это Артур, который всегда ел, как молодой волк, и спал, как малое дитя, Артур – воплощенная сила и радость жизни. Он не понес поражения на поле брани, его боевая слава не затмилась. И беспокойство за меня тоже не могло произвести в нем столь разительной перемены. Значит, что-то не так в его доме.

– Эмрис, что у тебя случилось?

В здешних стенах его детское имя прозвучало и на этот раз вполне уместно. Я увидел, как лицо его исказилось болью воспоминания. Он потупил голову:

– Моя мать королева. Она умерла.

В памяти у меня что-то шевельнулось. Женщина на ложе, убранном богатыми полотнищами. Значит, я знал?

– Мне очень жаль, – сказал я.

– Я узнал об этом перед самой битвой у Каэр-Гвинниона. Известие принес Лукан, и заодно – знак, который ты ему оставил. Ты помнишь? Пряжку с христианским символом. Ее смерть не была неожиданной. Мы были подготовлены. Но горе, должно быть, ускорило ее приход.

– Горе? Значит, что-то произошло?..

Я не договорил. Все вдруг отчетливо вспомнилось: ночь в лесу и фляга с вином, которую я откупорил, чтобы распить с двумя солдатами. И повод к этому. И снова возникло смутное видение – комната, залитая лунным светом, и женщина, спящая мертвым сном. Сдавило горло. Я с трудом выговорил:

– Гвиневера?

Он кивнул, не поднимая глаз.

Я спросил, предугадывая ответ:

– А дитя?

Он вскинул на меня глаза:

– Так ты знал? Ну да, конечно, ты должен был знать... Дитя не родилось. Врачи объявили, что она в тягости, но перед самым Рождеством она начала истекать кровью и под Новый год в мучениях умерла. Вот если бы ты был там...

Он замолчал и сглотнул комок в горле.

– Мне очень жаль, – второй раз сказал я.

А он продолжил рассказ таким твердым голосом, как будто сердился:

– Тебя мы тоже полагали умершим. А потом, после битвы, ты объявился, старый, грязный и безумный, но армейские лекари сказали, что ты можешь поправиться. Хотя это одно удалось вырвать у страшной минувшей зимы... Но потом мне пришлось оставить тебя и отправиться под Каэр-Гвиннион. Битву я выиграл, это правда, но потерял немало хороших воинов. А тут еще, сразу после боя, прибыл человек от Эктора с известием, что ты тоже умер, так и не проснувшись. Вчера на заре, когда я ехал сюда, я думал, что твое тело уже сожгли или зарыли.

Он замолчал и резко опустил голову лбом на сжатый кулак. Слуга, стоящий наготове у окна, послушался моего взгляда и тихо вышел. Немного погодя Артур снова поднял голову и сказал уже своим обычным голосом:

– Прости. Все время, пока я сюда ехал, у меня из головы не выходили твои слова о бесславной смерти. Это трудно было вынести.

– Однако вот он я, вымытый и невредимый и в ясном уме, и только жду, чтобы ты мне рассказал обо всем, что произошло за последние полгода. Сделай-ка милость, налей мне вон того вина, и давай, если ты не против, вернемся к тому времени, когда ты отправился в Элмет.

Он выполнил мою просьбу, и вскоре беседа наша потекла веселее. Он рассказал, как проехал через Пеннинский проход в Оликану и что там увидел, рассказал о своей встрече с королем Элмета, о том, как вернулся в Каэрлеон, и о болезни и смерти королевы. Теперь он был в состоянии отвечать на мои вопросы, и я хотя бы смог утешить его уверением, что был бы бессилен помочь молодой королеве, даже если бы находился подле нее. Придворные лекари хорошо разбирались в сонных снадобьях и избавили ее от страданий, а дальше того не простиралось и мое искусство. Дитя было обречено, ничто не могло спасти его и его мать.

Выслушав мои объяснения, он поверил мне и сам переменял тему. Ему не терпелось узнать, что происходило со мной, и, когда оказалось, что после свадебного пира я почти ничего не помню, он с досадой воскликнул:

– Неужели ты совсем не помнишь, каким образом попал в ту башню, где тебя нашли?

– Почти ничего. Но какие-то обрывки воспоминаний возвращаются. До зимы я бродил в лесу и каким-то образом поддерживал свое существование. Но потом, сдастся мне, меня взяли к себе дикие жители горных лесов и ходили за мной. Иначе бы мне было не выжить среди снегов. Это могли быть люди Маба – древний народ гор, – но они бы дали знать тебе.

– Они и дали знать. Но когда весть дошла до меня, ты уже снова исчез. Древние, как обычно, просидели всю зиму в пещерах у себя в горах, отрезанные снегами от мира, и ты был у них. Но потом снега стаяли, и они вышли на охоту, а когда возвратились, тебя уже не было. Это от них до меня впервые дошло известие, что ты потерял рассудок. Они рассказывали, что

тебя приходилось связывать, но потом, после припадков, ты бывал спокоен и очень слаб. В таком состоянии они тебя и оставили, когда отправились на охоту. Вернулись – а тебя нет.

– Да, я помню, как лежал связанный. Значит, я спустился вниз и в конце концов поселился в старой башне у брода. Должно быть, я в беспамятстве все время стремился в Галаву. Была весна, что-то такое мне словно бы видится. Потом я, верно, попал туда, где шло сражение, и там вы меня отыскиали. Но этого я ничего не помню.

Он еще раз, с подробностями, рассказал, как меня, отощалого и грязного, с безумными речами, нашли в разрушенной башне, где у меня был сложен беличий запас желудей и буковых орехов, и лежала горка высушенной яблочной падалицы, и поросенок со щепкой, привязанной к ножке, делил со мной одиночество.

– Так это было в действительности! – улыбнулся я. – Помню только, как я его нашел и вправил ему ножку, а больше почти ничего. Если я так оголодал, как ты рассказываешь, с моей стороны было очень любезно не съесть господина поросенка. Что с ним случилось?

– Бегаёт у Эктора в свинарнике. – Он в первый раз весело усмехнулся. – И по-моему, на роду ему написана долгая и бесславная жизнь. Потому что ни один скотник не отважится тронуть личную свинью волшебника. Вырастет из него отличный боевой боров, король свинарника, как ему и подобает. Мерлин, ты рассказал мне все, что помнишь с того времени, как вы заночевали на Волчьей тропе, а вот что было раньше, до этого? Чем была вызвана твоя болезнь? Люди Урбгена говорили, что она накатила на тебя внезапно. Они подозревали отраву, и я того же мнения. Возможно ли, чтобы ведьма послала кого-то вслед за тобой после пира и ее пособники уволокли тебя в лес, как только твой проводник повернулся спиной? Хотя ведь тогда они бы тебя убили. Оба твоих проводника вне подозрений, это довереннейшие из людей Урбгена.

– Разумеется. Они хорошие ребята, и я обязан им жизнью.

– По их рассказу выходит, что в тот вечер ты пил вино из своей собственной фляги. А они его пить не стали. И еще они говорили, что будто бы на свадебном пиру ты был пьян. Это ты, который ни разу в жизни не испытал пьянящего воздействия вина. А рядом с тобой сидела Моргауза. Как ты полагаешь, она не всыпала тебе отравы в вино?

Я открыл было рот, чтобы ответить, я по сей день готов поклясться, что собирался сказать «да». Ибо такова, по моим понятиям, была правда. Но, как видно, тут вмешалось некое божество, ибо мои губы, послушавшись меня, произнесли вместо этого «нет».

Должно быть, я выговорил это слово как-то странно, потому что он взглянул на меня вопрошающе, прищурив глаза. Под его пронизывающим взглядом я поторопился добавить:

– Конечно, точно я сказать не могу. Но думаю, что нет. Тебе я признался, что сила моя меня покинула, однако откуда было ведьме это знать? Она меня по-прежнему боится. Дважды она уже пыталась уловить меня в свои женские сети. И оба раза потерпела неудачу. Не думаю, чтобы она отважилась на третью попытку.

Он помолчал. Потом хмуро сказал:

– Когда умерла моя королева, были разговоры об отраве. Я не знаю...

Тут я мог возразить, не кривя душой:

– Разговоры всегда бывают, но, прошу тебя, не прислушивайся к ним! Из твоего рассказа я вижу, что ничего такого не было. Да и каким образом она могла? – добавил я как мог убедительно. – Поверь мне, Артур. Разве я стал бы выгораживать перед тобой Моргаузу?

Он глядел с сомнением, но спорить дальше не стал.

– Ну что ж, – только сказал он. – Теперь у нее крылышки будут подрезаны. Она опять у себя на Оркнеях, и Лота нет больше в живых.

Я промолчал, не выразив ни словом своего изумления. Всего несколько месяцев – и столько перемен!

– Как это случилось? – поинтересовался я. – И когда?

– В лесном сражении. Не могу сказать, чтобы я оплакивал его, вот только жаль, некому теперь будет держать за горло этого негодяя Агвизеля, так что я жду теперь бед с той стороны.

Я медленно произнес:

– Я сейчас вспоминаю... Во время сражения в лесу я слышал, как ратники кричали друг другу: «Король убит!» И я ощутил тогда бесконечное горе. Потому что для меня король был только один... Но, должно быть, это говорилось о Лоте. Во всяком случае, Лот был известное зло. А теперь на северо-востоке будет заправлять Уриен и с ним его приспешник Агвизель... Впрочем, это потом. А пока – что Моргауза? На пиру в Лугуваллиуме она была в тягости и теперь должна была уже родить. Кто у нее, мальчик?

– Двое. Близнецы, родились в Дунпелдире. Она приехала туда к Лоту после свадьбы Моргану. Ведьма или не ведьма, – с легкой горечью заключил он, – но она безотказно производит на свет сыновей. Когда Лот присоединился к нам в Регеде, он похвалялся, что оставил свою королеву опять в ожидании. – Он поглядел себе на ладонь. – Ты беседовал с нею на пиру. Удалось тебе узнать что-нибудь о том ребенке?

О каком ребенке он говорит, не было нужды спрашивать. Он просто не мог произнести слова «мой сын».

– Только – что жив.

Он сразу поднял голову и взглянул мне в глаза. В его взгляде зажглось некое чувство, хотя он его тут же подавил. Но это была радость, я не мог ошибиться. А ведь еще недавно он искал ее ребенка только для того, чтобы убить.

Я сказал, стараясь не выдать голосом досаду:

– Она уверяла меня, что не знает его местонахождения. Может быть, лжет, я не знаю. Но что она спрятала его от Лотова гнева, я думаю, правда. Теперь она может и объявиться с ним. Со смертью Лота ей больше некого опасаться – кроме разве что тебя?

Он снова разглядывал свои ладони.

– По этому поводу ей нет нужды меня опасаться, – проговорил он глухо и твердо.

Вот и все, что я запомнил из того разговора. Чей-то голос шепотом произнес, и слова отразились эхом от округлых стен башни (или же они прозвучали только у меня в голове?): «Моргауза – лживейшая из живущих на земле женщин, но она должна вырастить четырех сыновей короля Оркнейского, и они будут твоими преданнейшими слугами и храбрейшими из твоего рыцарского братства».

Тут я, должно быть, смежил веки, ибо усталость захлестнула меня, как волна. Когда я вновь очнулся, было темно, Артура рядом не оказалось, а перед моим ложем стоял коленопреклоненный слуга, протягивая мне чашку супа.

Глава 8

У меня крепкое здоровье, на мне все заживает быстро. Вскоре я уже был на ногах, а еще недели через три счел себя достаточно окрепшим, чтобы последовать за Артуром на юг. Он назавтра после нашего разговора ускакал в Каэрлеон, а после его отъезда гонец сообщил, что в устье Северна появились ладьи саксов, и теперь можно было со дня на день ожидать новой битвы.

Мне хотелось побыть в Галаве подольше, может быть, остаться в этих знакомых местах на все лето, посетить свое прежнее лесное обиталище. Но, получив такие известия, я, несмотря на уговоры Эктора и Дружиллы, счел, что пришло время мне отправиться в путь. Предстоящее сражение должно было произойти вблизи от Каэрлеона, из донесений даже следовало, что вторгшийся враг попытается, накопив силы, разрушить этот главный оплот верховного короля. Я не сомневался, что Артур будет защищать Каэрлеон, и все-таки пора было побывать в Каэр-Камеле, посмотреть, как преуспел Дервен за время моего отсутствия.

Был уже разгар лета, когда я наконец увидел эту крепость на холме. Люди Дервена совершили чудеса. На крутых склонах древнего холма, как воплощенная мечта, вырос новый укрепленный город. Наружные постройки все были завершены – могучие стены из тесаного камня с бревенчатым наверху тянулись над самым обрывом, венчая холм, точно корона. В двух противоположных углах стояли готовые богатырские ворота, тяжелые, дубовые, окованные железом створы под башнями были распахнуты во всю ширь. Над воротами, позади зубцов, тянулись крытые проходы для стражи.

И стража уже была на месте. Дервен рассказал мне, что король еще зимой поставил здесь гарнизон, чтобы работы внутри крепости велись под прикрытием защищенных стен. Эти работы уже тоже подходили к концу. Артур прислал предупредить, что где-то в июле или в августе он думает прибыть сюда со своими рыцарями и всей конной ратью.

Дервен намерен был в первую голову отстроить королевские палаты, но я лучше его знал, чего хочет Артур. Я дал указание сначала возводить казармы, и конюшни, и кухни, и подсобные постройки, и все это было выполнено. Но и главные здания тоже продолжали строить; королю, правда, придется пока, как в походе, жить в шатре, под натянутыми на шесты шкурами, но стены главного зала уже подвели под крышу и настелили кровлю, и внутри стучали топорами плотники, сбивая длинные столы и скамьи.

Местные жители охотно оказывали Дервену помощь. Они были рады, что рядом с их угодьями возводится крепость-укрытие, и, когда только могли, являлись подсобить и поднести, а то и посостязаться искусством с нашими мастерами. Среди этих доброхотов приходили и такие, кто был слишком молод или слишком стар для тяжелой работы. Дервен склонен был отсылать их обратно, но я поручил им расчистить заросшие крапивой основания бывшего храма неподалеку от королевских палат. Какому богу он был посвящен, ни мне, ни им было неизвестно. Но я знал солдат. Каждому ратнику важно иметь алтарь со светильником, куда можно возлагать жертвы, чтобы божество снизошло к ним в минуту молитвы и одарило надеждой и силой в награду за веру.

Точно так же я отправлял женщин на расчистку источника на северном склоне холма. Они это исполняли с охотой, так как было известно, что в незапамятные времена источник принадлежал самой Богине. Он уже давно находился в запустении и весь зарос колючим кустарником, отчего женщины не могли класть подле него жертвы и возносить свои женские сокровенные молитвы. Теперь дровосеки вырубili колючие заросли, и я позволил женщинам устроить себе у источника святилище. Они работали и пели, верно, радовались тому, что это святое для них место не оказалось в собственности у мужской братии. Я объяснил им, что по планам короля, когда будет разбита саксонская сила, жители смогут свободно входить и выходить через ворота Каэр-Камела, потому что это будет не военный лагерь, а прекрасный город на холме.

И наконец, в стенах крепости у северных ворот мы расчистили место для окрестных крестьян и их скота, куда они смогут в минуту опасности прятаться и жить там, пока не минует угроза.

А затем в Каэр-Камел прибыл Артур. Ночью вдруг вспыхнул костер на горе Тор, позади нее мерцал огонь на вершине еще более отдаленного сигнального холма. А с первым утренним светом берегом озера прискакал и сам король во главе отряда своих рыцарей. По-прежнему его цвет был белый. Он ехал на белом боевом коне, над головой развевалось белое знамя, на плече висел гордый белый щит без всякого изображения, какими украшают свои щиты другие. Он выплыл из утреннего тумана, точно белый лебедь на жемчужных волнах озера. Потом кавалькада скрылась в лесу, у подножия холма Камел, и вот дробный стук копыт зазвучал, приближаясь по новой мощеной дороге к Королевским воротам.

Ворота были распахнуты ему навстречу. А под их сводами вдоль стен стояли те, кто построил для него эту крепость. Так Артур, вождь сражений, верховный король среди королей Британии, впервые въехал в свою новую твердыню, свой будущий стольный город Камелот.

Конечно, Артур остался очень доволен, и в тот вечер для всех, кто участвовал в строительных работах, будь то мужчина, женщина или ребенок, был задан богатый пир. Сам король со своими рыцарями, Дервен и я и еще некоторые пировали в главном зале за длинным столом, только что сколоченным и отполированным, так что песочная пыль висела в воздухе, окружая ореолами пламя факелов. Пировали весело, раскованно и непринужденно, как пируют по случаю победы на поле брани. Король произнес краткую приветственную речь – из которой я сейчас не помню ни единого слова, – повышая голос так, чтобы слышно было толпившимся за порогом. Потом, когда уже пир был в разгаре, он вышел из-за стола и, держа в одной руке баранью кость, а в другой – серебряный кубок, стал обходить всех своих гостей, присаживаясь то к тем, то к другим, угощаясь из одного горшка с каменщиками, давая плотникам наполнить свой кубок медом, расспрашивая, слушая, радуясь и воодушевляясь, как бывало раньше. Очень скоро люди перестали трепетать перед ним и забросали его вопросами. Как было дело под Каэрлеоном? А как у Линнуиса? Как в Регеде? Когда думает он обосноваться в Каэр-Камеле? Возможно ли, чтобы саксы дошли через холмы до этих мест? Велики ли силы у Эозы? Верно ли люди говорят – о том, об этом и вот еще о чем... И на все вопросы он терпеливо отвечал: ведь чего ожидаешь, против того выступишь, а вот боязнь неожиданности – страх стрелы в темноте – подрывает стойкость храбрейших.

Все это было так похоже на прежнего Артура, на юного короля, которого я знал. И с виду он тоже стал прежним. Ушли утомление и безнадежность, забылись печали; с нами опять был король, привлекавший к себе людские взоры, своей неисчерпаемой силой питавший силы тех, кто ослабевал. До наступления утра не останется никого, кто бы с радостью не отдал за него жизнь. И оттого, что он это знал и правильно оценивал свое воздействие на людей, он не утрачивал ни толики своего величия.

Как повелось у нас с ним исстари, перед сном мы побеседовали вдвоем. Он расположился на ночь без роскошества, но все же удобнее, чем в походном шатре. Между стропилами над недостроенной королевской опочивальней был натянут кожаный полог, пол устлан овчинами. У стены стояла его походная кровать, рядом стол, на нем лампа, при свете которой он работал, пара кресел, сундук с платьем и умывальник с кувшином и тазом из серебра.

Со времен Галавы мы не разговаривали с глазу на глаз. Он справился о моем здоровье, поблагодарил за работу, проделанную в Каэр-Камеле. Потом потолковали про то, что еще предстояло сделать. О ходе сражения под Каэрлеоном я уже слышал рассказы на пиру. Я сказал, что он сильно переменялся. Минуту или две он молча смотрел на меня, а потом словно принял решение:

– Мне надо тебе кое-что сказать, Мерлин. Не знаю, вправе ли я говорить, но все равно. Когда ты, больной и бессильный, увидел меня в Галаве, ты, должно быть, разглядел отчасти, что у меня на душе. Да и как было мне укрыться от твоих глаз? Я, как всегда, возложил на тебя мои беды, не сообразуясь с тем, по силам ли тебе такая ноша.

– Я этого не помню. Мы говорили с тобой, это так. Я спросил, что случилось, и ты рассказал мне.

– Вот именно. А теперь я прошу выслушать меня еще. На этот раз я, надеюсь, не взвалю тяжесть на твои плечи, однако...

Он помолчал, как видно собираясь с мыслями. Он словно все никак не мог решиться приступить к делу. А я не догадывался, к чему он клонит.

– Когда-то ты объяснил мне, что жизнь состоит из света и тьмы, как время – из дня и ночи. Это правда. Одна беда тянет за собой другую. Так случилось и со мной. На меня нашла полоса тьмы, впервые за мою жизнь. Тогда я приехал к одру твоей болезни, почти неживой от усталости, чуть не раздавленный горем утрат, случившихся одна вслед другой, словно весь мир ополчился против меня и удача навсегда от меня отвернулась. Смерть матери сама по себе

не могла быть для меня большим горем, ты ведь знаешь мои чувства, сказать по совести, я больше оплакивал бы смерть Друзиллы или Эктора. Но смерть моей маленькой Гвиневеры... Мы могли быть с ней счастливы, Мерлин. Мы бы, я верю, сумели полюбить друг друга. И особенно добавляли горечи утрата ребенка и муки, в которых она окончила свою молодую жизнь, да еще опасение, что, быть может, ее убили, и убили мои враги. А тут еще – и в этом я тебе признаюсь – мысли о том, что надо будет начинать сначала, искать подходящую невесту и опять устраивать все эти пышные брачные церемонии, когда у меня столько действительно важных дел...

Я поспешил сказать:

– Но теперь ты ведь уже не думаешь, что ее убили?

– Нет. На этот счет ты меня успокоил, как успокоил и насчет своего недуга. Я и за тебя тоже боялся, думая, что виноват и в твоей смерти. – Он замолчал, потом продолжал без выражения: – Это было самое ужасное, последний удар, который страшнее всего. – Он стыдливо и отрешенно развел руками. – Ты говорил, и не раз, что, когда ты мне будешь нужен, ты всегда окажешься к моим услугам. И до сих пор так всегда и было. И вдруг наступило темное время, а тебя нет. А нужно было еще так много сделать. Каэр-Камел только успели заложить, и не одна еще битва впереди, потом – договоры, и издание законов, и установление гражданских порядков... А тебя нет, ты убит. Из-за меня, полагал я, как и моя маленькая королева. Все мои мысли вертелись вокруг этого. Я не убивал младенцев в Дунпелдире, но, клянусь богом, я бы убил королеву Оркнейскую, встретиться она мне тогда на узкой дороге!

– Это я понимаю. Продолжай.

– Ты уже слышан о моих победах, одержанных на полях сражений за те месяцы. Другим могло казаться, что звезда моя приближается к зениту. Но сам я, главным образом из-за твоей гибели, чувствовал, что нахожусь на дне черной ямы. Я не только скорбел о том, что связывает тебя и меня: давняя дружба, покровительство, я бы сказал – любовь, но у моего горя была и другая причина, о которой мне нет нужды тебе снова напоминать: я привык руководствоваться твоим советом во всем, кроме ведения войны.

Я ждал, что он еще скажет. Но он молчал. Тогда я проговорил:

– Что ж, давать советы – это мое предназначение. В одиночку ни один человек, даже верховный король, не может справиться со всем. Ты еще молод, Артур. Но и мой отец Амброзий, когда у него за плечами была уже долгая жизнь, искал совета на каждом повороте. Это не признак слабости. Прости меня, но так думают только те, кто еще очень молод.

– Знаю. Да я и не думаю этого. Я хочу рассказать тебе другое. Один случай, который произошел, пока ты был болен. После битвы в Регеде я взял заложников. Саксы бежали и спрятались в густом лесу на холме, как раз позади той разрушенной башни, где мы потом обнаружили тебя. Мы окружили холм со всех сторон и двинулись вверх сразу по всем склонам, прокладывая себе дорогу мечами, разя направо и налево, покуда те немногие, кто остался жив, не сложили оружия. Может быть, они бы и раньше сдались, но мы им не предлагали. Я искал их смерти. Наконец оставшиеся побросали оружие и вышли. Мы повязали их. Среди них был ближайший помощник Колгрима – Синевульф. Я готов был зарубить его на месте, но он был безоружен. И я отпустил его, взяв с него слово, что он погрузится на корабли и уйдет восвояси. И взял заложников.

– Да. Это была мудрая попытка. Хотя мы знаем, что она не удалась.

Я говорил ровно, догадываясь, что последует дальше: мне уже рассказали, как было дело.

– Мерлин, когда я получил известие, что Синевульф не уплыл в Германию, а вернулся к нашим берегам и разоряет приморские поселения, я распорядился убить заложников.

– Выбор был за Синевульфом, он на это пошел. Сам он поступил бы на твоём месте точно так же.

– Синеульф – варвар и чужеземец. Не то что я. Это правда, он знал, на что идет, но он мог думать, что я не выполню своей угрозы. Среди них были подростки. Младший – тринадцати лет, моложе, чем я в год моей первой битвы. Их привели ко мне, и я отдал приказ.

– И правильно сделал. Теперь забудь об этом.

– Как забыть? Они храбро сражались. Но я сказал, что так будет, и должен был выполнить свое слово. Ты говорил, что я переменюсь. Это правда. Я уже не тот, кем был до этой зимы. Я впервые за всю войну совершил поступок, сознавая, что поступаю дурно.

Я подумал об Амброзии под Довардом, о себе у Тинтагела. И сказал:

– Мы все совершали поступки, которые были бы рады забыть. Возможно, все дело в том, что сама война – зло.

– Как это может быть? – нетерпеливо отозвался он. – Но рассказываю я тебе об этом теперь не потому, что ищу сочувствия или совета. – Я недоуменно ждал. Он продолжал, старательно подбирая слова: – Это самое злое дело, которое мне пришлось совершить. Но я его сделал – и не отказываюсь. А тебе я хотел сказать вот что: если бы ты был рядом, я бы, как всегда, обратился к тебе за советом. И хоть ты меня предупреждал, что сила провидения тебя покинула, я бы все-таки понадеялся – я бы твердо верил, – что тебе открыто будущее, что ты наставишь меня на правильный путь.

– Но твой пророк умер и тебе пришлось самому избирать путь?

– Именно так.

– Я понимаю. Ты рассказал это, чтобы утешить меня: отныне не только дело, но и решение можно, не опасаясь, предоставить тебе – даже несмотря на то, что я опять оказался рядом с тобой. Ведь мы оба знаем, что твой пророк и вправду как бы умер.

– Нет! – решительно возразил он. – Ты меня неправильно понял. Я действительно хотел тебя утешить, но не этим. Думаешь, я не понимаю, что с того дня, как я поднял меч Максена, для тебя тоже началась темная полоса? Прости меня, если я вмешиваюсь в дела, недоступные моему пониманию, но теперь, оглядываясь назад, я думаю... Мерлин, я хочу сказать тебе, что, по-моему, твой бог и сейчас не покинул тебя.

Стало тихо. Только слышно было, как трепещет огонь в бронзовом светильнике да снаружи, из лагеря, доносились обычные вечерние голоса. Мы смотрели друг на друга – он еще в расцвете молодого мужества, я в преклонном возрасте и обессиленный к тому же недавним недугом. И незаметно, исподволь, наши роли менялись, уже переменялись. Теперь уже он поддерживал меня и утешал: «Твой бог и сейчас не покинул тебя». Откуда такая мысль? Разве он не знал, что большая магия мне уже не дается, не помнил, как беспомощен я оказался против Моргаузы, как не сумел ничего узнать о Мордредке? Однако в его словах прозвучало не пылкое молодое сочувствие, но спокойное и твердое суждение зрелых лет.

Я стал перебирать прошлое, стараясь сбросить оцепенение, которое нашло на меня после болезни, сменив прежнее смиренное безропотное спокойствие. И мне стало понятно, о чем говорил Артур. То были речи военачальника, способного увидеть победу в планомерном отступлении своих войск. Или речи вождя, умеющего словом дать людям уверенность в своих делах.

«Твой бог и сейчас не покинул тебя». Значит, это бог был со мной в кубке с отравой и в недуге, растянувшемся на месяцы и разлучившем меня с Артуром, дабы король ощутил свою единоличную власть. Это он надоумил меня (неведомо для Артура) покривить душой и слабым голосом уверить его, что я не был отравлен, и тем спасти от королевского возмездия Моргаузу, мать тех четырех сыновей... Он был со мной, когда я потерял след Мордредки, и мальчик остался в живых, из-за чего в глазах у Артура вспыхнула мгновенная радость. Как пребудет он со мной и в тот час, когда я в конце сойду заживо в свою могилу и оставлю Артура одного в срединном мире лицом к лицу с его злым роком – Мордредом, которого я не сумел в свое время выследить.

Как истомившийся штилем, умирающий от голода и жажды мореплаватель при первом дыхании проснувшегося ветерка, я ощутил пробуждение надежды. Так, значит, мало просто безропотно ждать возвращения божества во всем его блеске и могуществе. В черную пору отлива, как и в прилив, равно ощущается беспредельная мощь океана.

Я склонил голову как человек, принимающий царский дар. Не было нужды говорить. Мы читали мысли друг друга. Он спросил, сразу изменив тон:

– Много ли еще времени уйдет, прежде чем крепость будет готова?

– Через месяц можно отбивать осаду. Все работы уже почти завершены.

– Я так и подумал. Стало быть, я могу перебираться из Каэрлеона с солдатами, конницей и всем имуществом?

– Хоть завтра.

– А потом? Что думаешь делать ты, покуда не потребуется твое участие в мирном строительстве?

– Я пока еще не думал об этом. Наверно, вернусь домой.

– Нет. Останься здесь.

Это прозвучало как приказание. Я удивленно поднял брови.

– В самом деле, Мерлин, я хочу видеть тебя здесь. Зачем прежде надобности раскалывать надвое силу верховного короля? Ты ведь меня понимаешь.

– Да.

– В таком случае не уезжай. Присмотри для себя здесь жилище и проживи еще немного вдали от своего чудесного валлийского грота.

– Хорошо, еще немного, – с улыбкой согласился я. – Но не в этих стенах, Артур. Я нуждаюсь в тишине и одиночестве, а этого не найдешь в городе, где устроил свою ставку верховный король. Позволь мне подыскать для себя место и построить дом. И прежде чем ты будешь готов повесить свой меч на стене над державным тронем, мой чудесный грот окажется здесь, поблизости, прямо вместе с отшельником, готовым принять участие в твоём совете. Если, конечно, ты к тому времени еще будешь нуждаться в его суждениях.

Он рассмеялся, довольный, и мы разошлись спать.

Глава 9

На следующий день Артур с сотоварищами поехал обратно на Инис-Витрин, и я отправился вместе с ними. По приглашению короля Мельваса и королевы-матери мы должны были участвовать в церемонии благодарения за недавние победы короля.

Хотя на Инис-Витрине имелись христианская церковь и монашеская обитель на холме близ святого колодца, верховным божеством этого древнего острова оставалась сама Великая Богиня, ее алтарь находится здесь с незапамятных времен, и служат ей жрицы-анциллы. Этот культ, как я понимаю, подобен поклонению Весте в старом Риме, только еще более древний. Король Мельвас, как и большинство его подданных, был приверженцем старой религии, и, что еще важнее, его мать, устрашающего вида старуха, почитала Богиню и была щедра к ее служительницам. Тогдашняя владычица святилища – этот титул носила верховная жрица, которая считалась воплощением Богини, – приходилась ей родственницей.

Артур был воспитан в христианском доме, но я не удивился, когда он принял приглашение короля Мельваса. Однако были и такие, для кого это было небезразлично. Когда мы, готовые к отъезду, собрались у Королевских ворот, я заметил, что кое-кто из рыцарей посматривает на короля со смущением.

Артур перехватил мой взгляд – мы ждали перед воротами, пока Бедуир разговаривал с привратниками, – и ухмыльнулся. И тихо произнес:

– Тебе, я надеюсь, не надо объяснять?

– Разумеется нет. Ты подумал о том, что Мельвас будет тут твоим ближайшим соседом и что он уже оказал тебе помощь при строительстве. К тому же ты сообразил, как важно расположить к себе старую королеву. Ну и понятно, вспомнил о Росинке и Черничке и о том, что Богиню следует умиловить.

– О Росинке и Черничке? Это еще кто? А-а, коровы старого пастуха! Ну конечно. Я знал, что ты сразу ухватишь главное. Кстати сказать, я получил приглашение еще и от владычицы алтаря. Жители острова желают принести благодарность за победы минувшего года и призвать благословение на Каэр-Камел. А я трепещу при мысли, как бы они не узнали от кого-нибудь, что в Каэр-Гвиннионе у меня был при себе значок Игрейны.

Он говорил о фибуле с выгравированным по краю именем Марии. Так зовется богиня христиан. Я ответил ему:

– По-моему, об этом ты можешь не беспокоиться. Святилище на Инис-Витрине такое же древнее, как и земля, на которой оно стоит. И через кого бы ты ни обращался там к божеству, услышит тебя одна и та же богиня. Потому что она всегда была и есть только одна. Так я, по крайней мере, полагаю... Но вот что скажут епископы?

– Я – верховный король, – сказал Артур и больше ничего не прибавил.

Подскакал Бедуир, и мы выехали через распахнутые ворота.

Был теплый пасмурный день, небо обещало летний дождь. Скоро мы выехали из леса и поскакали по низкому займищу. По обе стороны от дороги блестела серая водная гладь, морщась под кошачьими шажками легкого прибрежного ветерка. Тополя вскидывали кверху серебристой изнанкой свежую листву, ивы полоскали плакучие ветви в мелкой воде. Островки, купы ив, окна разлившейся воды – все словно плыло и дробилось в серебристом мареве. Дорога, поросшая, как всегда бывает в таких топких местах, мхами и папоротниками, вилась через тростники к невысокому гребню, который, словно рука, охватывал остров с одного бока. Вот под конскими копытами послышался камень, начался пологий подъем. Впереди блестело озеро, окружавшее остров, точно полноводный, разлившийся крепостной ров. Лишь в одном месте его пересекала насыпь, по которой пролегла дорога на остров, да там и сям на зеркале вод виднелись лодки и барки болотных жителей.

Прямо из воды огромным правильным конусом поднималась гора Тор, словно бы насыпанная человеческими руками. Рядом с ней – другая гора, пониже и округлее, а третьей в ряду лежала длинная невысокая гряда, протянутая по воде, будто большая рука, и у нее под мышкой пряталась пристань, из-за зеленого гребня, топорщась, как тростник, выглядывали мачты. А дальше, за этим трехвершинным островом, продолжались, блестя под небесами, затопленные низины, лишь кое-где на них зеленела осока, качались камыши да чернели среди ив тростниковые кровли, под которыми ютились болотные жители. Блестящее, переливающееся зеркало воды тянулось до самого моря. И было понятно, почему остров получил название Инис-Витрин, Стекланный остров. Теперь некоторые зовут его еще Авалон.

Инис-Витрин был весь покрыт яблоневыми садами. Кроны плодовых деревьев непроницаемым облаком одели берега бухты и нижние склоны Тора, так что лишь по струйкам дыма, поднимающимся к небу, угадывалось местоположение деревни (хоть в ней и жил король, но она никак не заслуживала звания города). Но выше по склону горы, где кончались деревья, виднелись жмушщиеся одна к другой хижины, точно ульи, – обиталище христианских отшельников и святых женщин. Король Мельвас не стеснял их свободы, у них даже была своя церковка, построенная вблизи святилища Богини, – низенькое, убогое сооружение из соломы и глины под тростниковой крышей, кажется, дунет ветер – и улетит.

Совсем иным был храм Богини. Говорят, за многие столетия земля вокруг него постепенно поднялась и поглотила святилище, так что оно превратилось теперь в подземелье. Я его до той поры никогда не видел – мужчины, как правило, туда не допускаются. Но в тот день сама владычица алтаря встречала верховного короля у входа. За спиной у нее толпились с цветами

в руках женщины и девочки в белых одеждах и под белыми покрывалами. А подле владычицы стояла величественная старуха в богатой мантии и монаршем венце на седых волосах – как можно было понять, мать Мельваса, старая королева. Здесь ее место было впереди сына. Сам Мельвас в окружении своих военачальников и слуг стоял чуть поодаль. Это был широкоплечий румяный здоровяк с шапкой курчавых каштановых волос и шелковистой бородой. Он жил холостяком. Злые языки говорили, что на свете не нашлось женщины, которую его придиричавая матушка признала бы достойной парой своему сыну.

Владычица алтаря приветствовала Артура, и две самые юные девы, приблизившись, убрали ему шею цветами. Слышалось хоровое пение – одни женские голоса, высокие и сладкозвучные. В какой-то миг серые облака, обложившие небо, чуть раздвинулись, и на землю упал одинокий солнечный луч. Это было воспринято как доброе знамение, собравшиеся стали оживленнее переглядываться, улыбаться друг другу, радостнее зазвучал хор. Владычица – и все женщины с нею – направилась ко входу в храм и по ступеням, уходящим глубоко под землю, стала спускаться внутрь. За ней последовала старая королева, а за королевой Артур и все мы. Последним спустился Мельвас со своей свитой. Простой люд остался снаружи. И все время, пока свершался ритуал, наверху слышались разговоры и шарканье многих ног – это люди толпились у входа, чтобы еще хоть одним глазком взглянуть на легендарного Артура, победителя в девяти битвах.

Подземное помещение было довольно тесное, мы набились в него до отказа. Справа и слева полдюжины ароматических светильников тускло освещали пространство под низкими сводами, уводящими к алтарю. В дымном полумраке призрачно белели одежды женщин. Белые покрывала, ниспадая до полу, окутывали их с головы до ног. Одна лишь владычица алтаря была отчетливо видна: с открытым лицом она стояла в лучах светильников, серебристая ткань одевала ей плечи, а на голове туманно поблескивала драгоценная диадема – величественная фигура, нетрудно было поверить, что она королевского рода.

Алтарь тоже скрывала плотная ткань, никому, кроме посвященных, – даже старой королеве – не позволялось заглянуть по ту сторону алтарной завесы. Ритуал, свидетелями которого мы оказались (описывать его здесь представляется мне неуместным), не был обычной службой, посвященной Богине. Он оказался довольно продолжителен, мы целых два часа простояли в тесноте под землей; я подозреваю, что владычица нарочно старалась произвести впечатление на короля, да и можно ли ее за это упрекнуть, даже если она и рассчитывала таким образом снискать королевское покровительство? Но вот наконец служба завершилась. Владычица приняла из рук Артура дары, с молитвами поместила их к подножию алтаря, и мы, соблюдая прежний порядок, вышли на свет дня, где нас встретили клики простого народа.

Это посещение древнего храма могло бы не сохраниться у меня в памяти, если бы не последующие события. Но вышло так, что я хорошо запомнил мягкий, рассеянный свет дня, первые дождевые капли, брызнувшие в лицо под открытым небом, и песню дрозда в терновом кусте среди высокой травы, из которой здесь и там торчали бледные шишаки ятрышника, а между ними густо желтели мелкие цветки, называемые венериными башмачками. Путь ко дворцу Мельваса вел через сад, где под редкими старыми яблонями цвели цветы, занесенные сюда не по воле природы и употребляемые, как мне хорошо было известно, в магии и медицине. Это анциллы занимались врачеванием и разводили целебные травы (ядовитых я не заметил, здесь молились не той Богине, чей окровавленный нож был некогда выброшен из Зеленой часовни). Что ж, думал я, если мне придется поселиться в здешних местах, по крайней мере на этих лугах мои растения приживутся лучше, чем на ветреных холмах моего родного Уэльса.

Но тут мы пришли во дворец Мельваса, и хозяин гостеприимно пригласил нас в пиршественный зал.

Пир был как все пиры, не считая естественного для этих мест великолепия и разнообразия рыбных блюд. Старая королева восседала на почетном месте за столом, установленным на

возвышении; по одну руку от нее сидел Артур, по другую Мельвас. Из служительниц Богини не присутствовала на пиру ни одна, не было даже владычицы алтаря. А дамы, принимавшие участие в пиршестве, были, я заметил, все как одна, отнюдь не красавицы и далеко не первой молодости. Похоже, что толки про королеву оказались справедливы. Я припомнил улыбку и взгляд, которыми укладкой обменялся Мельвас с какой-то девушкой в толпе: не могла же старуха денно и ночью держать сына под надзором. Прочие же его аппетиты удовлетворялись щедро: пища была изобильна и хорошо, хотя и без затей, состряпана, и на пиру присутствовал певец, у которого был приятный голос. Рекой лилось отличное вино, как нам сказали, с виноградников, расположенных в сорока милях от дворца на меловых возвышенностях, – недавно они были разорены во время одного из саксонских набегов, которые в то лето участились, саксы надвигались все ближе. А раз уж об этом заговорили, разговор неизбежно принял определенное направление. Так, обсуждая прошлое и сговариваясь о будущем, пировали Артур и Мельвас в дружеском согласии, что было добрым предзнаменованием.

К полуночи мы собрались восвояси. Полная луна изливала яркий свет. Она стояла невысоко над самой вершиной Тора, четко обрисовывая стены небольшой крепости, которую Мельвас возвел там на месте древнего разрушенного форта, чтобы укрываться в минуту опасности. А дворец, где мы только что пировали, находился внизу, у самой воды.

Нам надо было поторапливаться. С поверхности озера поднимался туман. Белые клочки клубились над травами, вились у древесных стволов, обвивали колени коней. Скоро узкая насыпь через затопленную равнину окажется скрытой от взоров. Мельвас с факельщиками провожал нас сквозь туман до края твердой земли и, когда под копытами зазвенел камень, простился и повернул обратно.

Я натянул поводья и оглянулся. Из трех вершин, слагающих остров, виден был один Тор. Он торчал из колышущегося облака, и лишь красные отсветы еще не погашенных факелов были заметны у его подножия на месте королевского дворца. Луна уже проскользнула из-за крепостных бастионов в открытое небо. А по спиральной дороге, поднимавшейся на вершину горы, к подножию сигнальной башни, двигался мерцающий огонек.

По спине у меня побежали мурашки, волосы зашевелились, как на загривке у пса, увидевшего призрак: вверх по горе сквозь туман шагала огромная великанская тень. Гора Тор издревле считалась входом в Потусторонний мир, и на какой-то миг мне показалось, что ко мне вернулся дар духовидения и я вижу призрачного хранителя этих мест, огненного стража заповедных врат. Но потом взгляд мой прояснился, и я понял, что это бежит человек с факелом, чтобы зажечь огонь на сигнальной башне.

Я дал шпоры коню, и в эту минуту прозвучал громкий приказ Артура. Один всадник отделился от кавалькады и широким галопом поскакал вперед. Остальные, сразу примолкнув, поехали следом, быстро и четко стучали копыта, и за спиной у нас в ночном небе разгорался сигнальный огонь, призывая Артура, победителя в девяти битвах, к новому сражению.

Глава 10

Переселение в Каэр-Камел совпало с началом новой военной кампании. Она отняла целых четыре года – четыре года штурмов и стычек, налетов и засад. Лишь в самые холодные зимние месяцы наступали недолгие передышки, а все остальное время Артур был занят ратными трудами и дважды сумел одержать над врагом крупные победы.

Первая победная битва произошла по призыву из Элмета. Сам Эоза приплыл из Германии и высадился со свежими саксонскими силами на нашем берегу, где к нему присоединились восточные саксы, давно уже осевшие севернее Темзы. Третьим острием атаки оказалась дружина Кердика, доставленная на ладьях из Рутупий. Это было грознейшее наступление со времен битвы под Лугуваллиумом. Вторгшиеся враги устремились вглубь по долине, угрожая, как

и опасался Артур, прорваться сквозь горный проход. Но, неожиданно наткнувшись на обновленную крепость Оликаны, они, очевидно, растерялись и промедлили под ее стенами, а тем временем по цепи сигнальных огней был передан на юг призыв к Артуру. Король Элмета вступил под Оликаной в сражение с восточными саксами, однако остальные их силы все же продвинулись через проход дальше на запад. Артур, поспешая по западной дороге, прежде саксов успел достигнуть форта на Трибуите, перестроился и вступил с ними в бой у переправы Наппа. Разбив врага в кровопролитной битве, Артур затем бросил свою быструю конницу через проход под Оликану и, сражаясь здесь бок о бок с королем Элмета, сумел отбросить саксов в долину. А оттуда единым сокрушительным напором потеснил их обратно, к югу и востоку, покуда они не оказались в прежних границах и саксонский «король», оглядев свои растаявшие, обескровленные рати, не признал поражение.

Поражение, как оказалось, почти окончательное. Слава Артура настолько приумножилась, что при одном звуке его имени враги обращались в бегство, а слова «Артурово пришествие» стали означать спасение. Когда в следующий раз призвали на помощь Артура – это было уже на исходе четырехлетней кампании, – стоило только грозной коннице с белым всадником во главе и с красным драконом на штандарте, реющим над светлыми шлемами, появиться на перевале Агнед, и ряды перепуганного противника смешались, вместо битвы получилось преследование, изгнание врага с отвоеванной земли. И все время, пока шли бои, вместе с Артуром сражался Герейнт, поставленный во главе дружины, достойной его доблести и таланта. Ибо такова была награда от Артура за верную службу.

Сам Эоза в сражении при Наппе был ранен и больше уже никогда не появлялся на поле брани. У Агнеда саксов возглавлял молодой Кердик Этелинг, который немало сделал, чтобы сдержать свое уstraшенное войско перед натиском Артура. В конце концов он все же отступил – соблюдая достоинство и порядок, – чтобы погрузиться на ладьи, и дал, как рассказывают, клятву, что в следующий раз, когда ему доведется ступить на британскую землю, он уже с нее никуда не уйдет и даже Артур ему в том не помеха.

Но уж с этим, мог бы я ему возразить, придется ему повременить, покуда Артура не станет.

В мои намерения не входит описывать с подробностями все события военных лет. Я пишу хронику иного рода. К тому же кто теперь не знает о войнах Артура за освобождение британской земли и очищение берегов ее от саксонской угрозы? Все это записано в Виндоланде рукою Блэза или рукою тихого, почтительного писца, его помощника. А я лишь повторю здесь, что ни разу за все годы, употребленные им на усмирение саксов, я не смог оказать ему помощь пророчеством или волшебством. Все, что было тогда сделано, было делом земного мужества, стойкости и самоотверженности. Двенадцать крупных сражений было выиграно, потребовалось семь лет тяжелого ратного труда, чтобы молодой король увидел наконец на своей земле свободу и расцвет мирного земледелия и ремесел.

Певцы и поэты изображают дело так, как будто бы он изгнал всех саксов из пределов Британии, но это неправда. Он убедился, как некогда Амброзий, что очистить многие мили гористого побережья, легкодоступного к тому же с моря, совершенно невозможно. Еще со времен Вортигерна, который первым пригласил саксов в Британию в качестве союзников, юго-восточный берег нашего острова считался саксонской землей, где были свои правители и свои законы. Так что у Эозы были все же основания присвоить себе титул короля. Если бы даже у Артура и достало военной силы очистить саксонский берег, ему пришлось бы изгонять поселенцев в третьем поколении, родившихся и выросших на этих землях, чтобы они на кораблях вернулись на родину праотцев, где им, быть может, был уготован еще менее радушный прием. А если людям угрожает опасность лишиться своих домов и остаться бездомными, они будут сражаться отчаянно, до последнего. Артур понимал, что одно дело – победить в великих

сражениях и совсем другое – прогнать людей с насиженных мест в леса, в горы, в безлюдные пустыни, откуда их не выживешь, где их не достанешь и не дашь им открытый бой. Это была бы война на долгие-долгие годы, война, не сулящая победы. У него перед глазами был пример Древнего народа. Римляне отгнали его с удобных земель в пустынные горные леса – и через четыреста лет он все еще обитал там, в своих недоступных горах, когда римлян на острове уже не стало. Поэтому Артур, смирившись с существованием саксонских королевств на британской земле, озабочился укрепить границы с ними, чтобы их короли из страха перед ним не смели высунуться из своих пределов.

Артуру исполнилось двадцать лет. В конце октября он возвратился в Камелот и сразу же собрал совет королей и пэров. Я присутствовал на этом совете, иногда, будучи спрошен, высказывал свое мнение, но в основном только слушал и смотрел; советы, которые давал ему я, говорились с глазу на глаз, за закрытыми дверями; в глазах же публики все его решения принимались самостоятельно. Он действительно многое решал по-своему, и я чем дальше, тем все охотнее предоставлял ему право действовать по собственному разумению. Подчас он горячился, высказывал недостаток опыта, не умел соразмерить главное и второстепенное, но судил, никогда не поддаваясь порыву, и при всей самоуверенности победителя строго придерживался правила сначала выслушивать, что скажут другие, а уж в заключение говорил сам, и каждому советнику казалось, что и он повлиял на решение короля.

Среди прочих обсуждавшихся вопросов зашла речь о новой женитьбе короля. Я видел, что для Артура это было неожиданностью, он внутренне встрепенулся, но промолчал, а потом, успокоившись, стал слушать, что говорят старшие мужи. Это были знатоки родословных таблиц, земельных владений и притязаний. А я, слушая их, думал о том, что тогда, когда Артура провозглашали королем, они не желали о нем слышать. Зато теперь даже его товарищи-рыцари не были ему преданы более. Победитель Артур сумел завоевать и сердца старцев. Теперь послушать их, так можно подумать, что каждый из них сам разыскал никому не известного Артура в чаще Дикого леса и лично вручил ему императорский меч.

И еще можно было подумать, что каждый из них печется о женитьбе своего любимейшего сына. Они гладили бороды и качали головами, перебирали и обсуждали имена, даже горячились, споря, но так и не достигли общего согласия, покуда один уроженец Гвинедда, родич самого короля Маэлгона, сражавшийся все эти годы вместе с Артуром, не поднялся и не произнес речь о своей родной стороне.

Если уж черноволосый валлиец, вскочив на ноги, разразился речью, то он, как бард на пиру, будет строить ее по всем законам просодии и декламации и доведет до конца ох как не скоро. Но этот говорил так необыкновенно цветисто и голос его гудел так изумительно красиво, что все откинулись в креслах и внимали ему с восхищением, как внимают пирующие торжественной песне.

А он превозносил свой родной край, живописные долины, и холмы, и синие озера, и пенный прибой у береговой черты, орлов, и оленей, и малых певчих птах, и храбрость мужей, и красоту женщин. Вслед за тем услышали мы про поэтов и певцов, про яблоневые сады и цветущие луга, про богатые стада овец и коров и рудные жилы в каменных породах. Отсюда последовала славная история его страны, битвы и победы, и доблесть в поражении, и горечь ранней смерти, и плодоносная сила юной любви.

Это уже было ближе к делу; Артур поднял голову.

Все богатства, вся красота страны, продолжал говорящий, все ее геройство сосредоточились в роду ее королей. Этот род (тут я перестал слушать с прежним вниманием: я наблюдал за Артуром в тусклом свете дымного светильника и у меня болела голова) имеет родословную блестящую и древнюю, идущую чуть не от праотца Ноя...

И есть, разумеется, принцесса. Юная, прелестная, в жилах ее течет кровь древних валлийских королей, смешанная с кровью старинного и славного римского рода. У самого Артура

происхождение не выше... Теперь становилось понятно, к чему клонил многословный оратор и что подразумевал его взгляд, вопросительно устремленный на молодого короля.

И зовут ее, оказывается, Гвиневера.

Я снова видел их вдвоем. Бедуир, смуглый, горячий, влюбленными глазами глядящий на другого, и Артур – Эмрис, в двенадцать лет уже командир, весь – пыл и высокий огонь жизни. Белая тень совы пролетела между ними, гвенхвивар, тень страсти и горя, высокого стремления и рыцарского странствия, которое увело Бедуира в мир призраков и оставило Артура одиноко дожидаться в лучах славы, когда придет срок самому ему стать легендой, святым Граалем...

Я опять оказался на совете. Жестоко болела голова. Резкий свет, то вспыхивая, то тускнея, нещадно бил по глазам. Под одеждой по спине и бокам сбегали струйки пота. Намокшие ладони соскальзывали с резных подлокотников. Я изо всех сил старался дышать размереннее и умирить колотящееся молотом сердце.

Никто ничего не замечал. Прошло много времени. Заседание королевского совета подошло к концу. Артур в окружении молодых людей разговаривал и смеялся. Старцы остались сидеть на прежних местах, но непринужденно, привольно беседовали между собой. Вошли слуги с подносами и кувшинами, потекло вино. Разговоры плескались вокруг меня, словно волны прилива. Звучала радость, слышалось всеобщее облегчение: дело сделано, быть новой королеве и наследникам. Кончились войны, Британию, единственную из бывших провинций Рима, под защитой королевских крепостей ожидало безопасное, солнечное будущее.

Артур оглянулся и встретился взглядом со мною. Я не пошевелился и не произнес ни слова, но смех замер на его губах. В одно мгновение король был уже на ногах и устремился ко мне, как брошенное в цель копьё, на ходу мановением руки повелевая всем держаться в отдалении.

– Мерлин, что с тобой? Это свадьба? Ты ведь не думаешь, что из-за нее...

Я покачал головой. Боль резанула, как пила. Кажется, я вскрикнул. Когда король вскочил, разговоры за столами зазвучали тише; теперь же воцарилась полная тишина. Тишина, и обращенные ко мне взгляды, и неровный, слепящий свет огней.

– Что с тобой, Мерлин? Ты болен? Ты можешь говорить?

Голос его зазвучал, набирая силу, отразился от стен и, постепенно завихряясь, стих. Но мне он был безразличен. Мне все было безразлично, кроме потребности говорить. Пламя факелов полыхало у меня в груди, горящее масло, пузырясь, разливалось по жилам. Воздух врывался в легкие, едкий и густой, как дым. Но когда я наконец нашел слова, они удивили меня самого. Мне помнилась только сцена из прошлого, внутренность Гиблой часовни, видение, которое могло что-то означать, но могло и не означать. Но то, что я произнес громким, надсадным голосом, заставившим Артура вздрогнуть и отпрянуть как от удара, а всех остальных, кто там был, вскочить из-за столов, было исполнено совсем иного значения.

– Война еще не кончена, король! Скорее на коня – и в путь! Они нарушили мир и скоро будут у Бадона! Мужчины и женщины испускают дух, захлебываясь в крови, дети плачут, умирая на копьё, как цыплята на вертеле. И нет рядом с ними короля, чтобы встать на их защиту. Поспешите же туда, о венценосный полководец! Никто, кроме тебя, не может их спасти, одного тебя призывает народ! Отправляйся туда со своими рыцарями и положи конец разбою! Ибо, как стоит земля и светит солнце, о король Артур Британский, это будет твой последний бой, твоя последняя победа! Спешите!

Безмолвно внимали все моим речам. Те из советников короля, кто никогда прежде не слышал, как я произношу пророчества, стояли белы как мел; все осенили себя охранительным знаменем. Я дышал громко и тяжело, точно старец, из последних сил отгоняющий смерть.

Но потом среди молодых раздались недоверчивые, даже насмешливые речи. Это было неудивительно. Рассказов о моих прошлых подвигах ходило много, а ведь иные из этих рассказов были откровенными измышлениями поэтов, и все успели войти в песни, оказались расцвечены в пестрые цвета легенд. Последний раз я прорицал под Лугуваллиумом, перед тем как Артур поднял заповедный меч; мои недоверчивые слушатели были тогда малыми детьми. Они знали меня только как строителя и врача и как тихого советника короля, к чьему мнению он прислушивается.

Ропот поднялся вокруг меня, словно ветер в древесных кронах:

– Никто не видел сигнальных огней, о чем же он толкует? Неужто верховному королю собираться в поход по одному его неподтвержденному слову? Ишь какие страсти наговорил. Разве мало Артур сделал, и мы с ним? Мир прочен, это ясно всякому. Бадон? Где это – Бадон? А-а, саксы теперь оттуда нипочем не нападут... М-да, если они двинутся туда, встретить их будет некому, в этом он прав... Да нет, вздор, просто старик опять ума лишился. Помните, тогда, в лесу, на кого он был похож? Совсем помешался, одно слово... Вот и теперь опять, видно, прежняя болезнь к нему вернулась.

Артур не сводил с меня глаз. А шепотки у него за спиной не стихали. Кто-то предложил послать за лекарем. Люди приходили, уходили. Но король ни на кого не обращал внимания. Мы с ним были словно одни. Вот он протянул руку и сжал мне запястье. Сквозь головную боль я ощутил его молодую силу, он бережно усадил меня в кресло. А ведь я и не заметил, как встал. Затем он вытянул другую руку, и кто-то вложил в нее кубок с вином. Он поднес вино к моим губам.

Но я отвернул голову:

– Нет. Оставь меня. Теперь ступай. Верь мне.

– Клянусь всеми богами на свете, – хрипло произнес он, – я тебе верю. – Он резко обернулся. – Ты, ты и ты, отдайте приказы. Мы выезжаем немедленно. Распорядитесь. – А потом снова обратился ко мне, но проговорил так, чтобы слышали все: – Ты сказал – победа?

– Победа. Неужели ты сомневаешься?

На миг, сквозь головную боль, я увидел его лицо – лицо мальчика, по слову моему протянувшего руку в белое пламя и поднявшего волшебный меч.

– Я ни в чем не сомневаюсь, – произнес Артур.

И, со смехом наклонясь, поцеловал меня в щеку и в сопровождении своих рыцарей быстро вышел вон.

Боль как рукой сняло. Я опять мог дышать и смотреть. Встав с кресла, я пошел следом за ним на воздух. Те, кто еще оставался в зале, сторонились, пропуская меня. Ни один не осмелился окликнуть, задать вопрос. Я взшел на стену и посмотрел вдаль. Дозорный при виде меня удалился, пятась задом и вытаращив глаза. Слухи уже разошлись по всей крепости. Я плотнее закутался в плащ и огляделся.

Они уже скакали по дороге – маленький отряд, который должен был противостоять саксонской силе в последней, решающей битве за Британию. Дробный стук копыт постепенно замер в ночи. К северу в этой непроглядной тьме высилась невидимая гора Тор. Ни огонька, ни отблеска на ее вершине. И за ней, до самого горизонта, тоже ни огня, ни отблеска. И к востоку не видно огней, и к югу – нигде не полыхают сигнальные костры. Один только знак беды – мое слово.

И вдруг из ветреной темноты донеслись какие-то звуки. Поначалу мне почудилось, что это эхо отдаленного галопа; потом, слыша словно бы клики и лязги битвы, я подумал, что ко мне вернулось давешнее видение. Но голова моя была ясна, и ночь вокруг, полная теней и звуков, оставалась земной ночью.

А звуки приближались и вот уже пронеслись в черном воздухе прямо над головой. То была стая диких гусей – свора небесных псов. Дикая охота бога Ллуда, владыки Потусторон-

него мира, которая носится по небу во время войн и бурь. Они снялись с озера и летели со стороны Тора, рассекая ночную тьму, описали дугу над Каэр-Камелом и устремились обратно, оставляя позади спящий остров, и дальше, дальше, покуда их трубные клики и гремящие крылья не смолкли за пределами ночи в той стороне, где находится гора Бадон.

А перед зарей по всей британской земле вспыхнули сигнальные костры. Предводитель саксов, чье имя еще оставалось неизвестно, едва успел ступить на окровавленную сушу, как из сумрака ночи быстрее, чем летят птицы в поднебесье, быстрее, чем бегут от горы к горе огненные сигналы, прискакал верховный король Артур со своими избранными рыцарями и разгромил их, уничтожил варварские силы, так что во все время, покуда жил он и его присные, не ведала более саксонской угрозы британская земля.

Так мой бог снова явился мне, слуге своему Мерлину. На завтра я оставил Каэр-Камел и поехал искать укромное место, чтобы построить там себе дом.

Часть третья Яблоневый сад

Глава 1

К востоку от Каэр-Камела тянутся лесистые зеленые холмы, и кое-где на их вершинах, в зарослях папоротников и кустов, прячутся остатки жилищ и укреплений, сохранившиеся от прежних времен.

Одно такое место я давно приметил; теперь, блуждая по холмам и долинам, я забрел туда опять и нашел, что оно мне вполне подходит. В укромном углублении между двумя травянистыми склонами бил ключ, маленький ручеек бойко сбегал вниз на дно долины, где протекала речка. Когда-то, в незапамятные времена, здесь было поселение людей, еще и теперь, когда низкое солнце косо освещало землю, под ней угадывались сглаженные очертания стен. Поселение это давным-давно исчезло, но потом, в более трудные времена, здесь обосновались другие люди и построили себе башню, нижняя половина которой стояла и по сию пору. Сложена была башня из римского камня, взятого с холма Камел. Ровно стесанные каменные грани проглядывали из-под корней молодых деревьев и в гуще являющих призраков, неизменно заступающих место ушедшего человека, – в зарослях крапивы. Но и крапива была здесь нелишняя: будучи высушена и подмешана к другим травам, она помогает от многих недугов, а я был намерен, устроив себе жилище, разбить сад и заняться выращиванием целебных трав, этим высшим из искусств мирного времени.

Ибо у нас наконец настало мирное время. Не успел я еще померить шагами основание моего будущего дома, как пришло известие о победе на горе Бадон. Из подробного письма Артура явствовало, что это было действительно решающее сражение, теперь верховный король мог диктовать свои условия, и прежде всего установить окончательно границы своего королевства. В обозримом будущем ожидать новых набегов и даже простого сопротивления со стороны врага не приходилось, писал Артур. Хоть я и не присутствовал на поле боя, но, зная то, что знал, приготовился строить себе мирный дом, где я смогу жить в одиночестве, которого мне все это время так не хватало, и в то же время недалеко от шумного города, где будет находиться Артур.

Пока еще не началось большое строительство в городе, можно было и мне воспользоваться услугами Артуровых каменщиков и плотников. Я созвал мастеров, они выслушали мои пожелания, покачали головами и бодро принялись за дело.

А задумал я небольшой, можно сказать деревенский, дом в распадке между двумя холмами, окнами на юг и на запад, так чтобы открывался вид на дальние взгорья. С севера и востока его ограждали склоны холмов, а небольшой пригорок прятал от редких путников, которые двигались вниз по дороге. Я восстановил башню и пристроил к ней одноэтажное здание с квадратным внутренним двориком на римский лад. В одном его углу, образованном жилым строением и кухней, возвышалась башня, напротив стояли мастерская, кладовые и амбары. С северной стороны двор загораживала каменная стена с черепичным навершием, у этой стены я намеревался посадить самые нежные мои растения. У меня давно было задумано то, что теперь, покачивая головами, осуществили каменщики: стену выложили внутри полую, туда по глиняным трубкам будет подниматься из подклети дома теплый воздух, так что даже зимой винограду и персикам можно не опасаться холода, да и по всему саду распространится тепло, не говоря уж о солнечных лучах, которые тоже будут нагревать северную стену. Это был первый известный мне опыт такого рода в строительстве, но позднее так строили в Камелоте и

в другом дворце Артура – в Каэрлеоне. Маленький акведук отводил воду из ручья в бассейн посреди двора.

Строители, которым прискучило столько лет возводить одни военные сооружения, работали весело и споро. Зима в тот год стояла мягкая. Я съездил в Брин-Мирддин, проследил за отправкой моих книг и наиболее ценных лечебных запасов, потом провел Рождество с Артуром в Камелоте. После Нового года в мой новый дом пришли столяры, и к весне все было готово, мастера освободились и могли приступить к большим строительным работам в городе.

У меня до сих пор не было своего слуги, и теперь я начал искать себе подходящего помощника – задача не из легких, мало кто приспособлен для моего затворнического, необычного образа жизни. Я ложусь и встаю не тогда, когда другие хозяева, ем и сплю мало и подолгу пребываю в молчании. Можно было бы, конечно, купить раба, который поневоле терпел бы все мои прихоти, но я никогда не любил купленной преданности. И снова, как прежде, на помощь пришла удача. У одного из местных каменщиков был дядя садовник; услышав рассказ про стену с подогревом, он неодобрительно покачал головой и пробурчал что-то про новомодную иноземную чушь, однако с тех пор всегда с живейшим интересом расспрашивал о ходе строительства. Имя его было Варрон. Он с радостью поступит ко мне в услужение, сообщил его племянник, да еще приведет с собой дочку, чтобы было кому убирать и стряпать.

На том и порешили. Варрон немедленно приступил к расчистке земли и вскапыванию гряд, его дочь Мора принялась мыть и проветривать, и вот в один прекрасный погожий день ранней весной, когда под зазеленевшими кустами боярышника только-только проглянули светло-желтые первоцветы, а в ложбинках, окруженных золотистым дроком, жались под теплый бок маток новорожденные ягнята, – в такой славный денек я привязал под навесом своего коня, распаковал большую арфу и поселился у себя дома.

А вскоре меня навестил Артур. Я сидел на скамье между колоннами моей маленькой галереи и в ярком свете солнца сортировал семена, которые собрал прошлым летом и хранил в пергаментных пакетиках. Вдруг снаружи послышался конский топот и звон доспехов; однако ко мне король вошел один, без свиты. Варрон, выпучив глаза и кланяясь, попятился, прижав к груди лопату; я встал, а Артур приветственно вскинул руку.

– Совсем маленький, – были его первые слова, после того как он огляделся.

– Ничего. Ведь он только для меня.

– Только! – Король засмеялся и еще раз обернулся вокруг. – Мм-да... если кому нравятся собачьи конурки, а это, по-видимому, твой вкус, то надо признать, он очень мил. А там – твоя знаменитая стена? Я слышал о ней от каменщиков. Что ты возле нее посадишь?

Я ответил и провел его по всему саду. Артур, смысливший в садах не больше, чем я в битвах, но ко всему новому относившийся с неизменным интересом, смотрел, расспрашивал, трогал, надолго задержался у стены с обогревом, вникал в устройство маленького акведука, проводившего воду в бассейн посреди двора.

– «Вербена», «Ромашка», «Окопник», «Календула», – читал он, перебирая пакетики с семенами на скамье. – Помню, Друзилла выращивала календулу. И заваривала ее для меня, когда у меня болели зубы. – Он еще раз огляделся вокруг. – А знаешь, тут уже чувствуется покой, точно в Галаве. Не знаю, как для тебя, а для меня очень хорошо, что ты не поселился в Камелоте. Я буду знать, что всегда смогу, устав, найти здесь тихое убежище.

– Надеюсь. Ну, вот пока и весь сад. Здесь я разобью цветник, а снаружи насажу фруктовые деревья. Там сохранилось несколько старых яблонь, они неплохо плодоносят. Не хочешь ли теперь войти и осмотреть дом?

– Душевно рад, – ответил он с неожиданной галантностью.

Я удивленно посмотрел на него: его любезный тон, оказывается, предназначался не мне, а Море, которая вышла на порог, чтобы вытрясти на ветру какое-то полотнище. Ветер обтя-

нул платье вокруг ее ног и живописно разметал ее золотистые волосы. Она перестала трясти полотнище, подняла руку, чтобы отвести их от лица, но, увидев Артура, зарделась, хихикнула и бросилась обратно в дом. Из-за двери блеснул влажный глаз, но тут она заметила меня и пропала. Дверь затворилась. Девушка, конечно, даже не подозревала, кто этот заглядевшийся на нее молодой человек.

Он усмехнулся.

– Через месяц я женюсь, – сказал он мне. – Так что перестань меня сторожить. Я буду идеальным мужем.

– Не сомневаюсь. Разве я тебя сторожил? Это не мое дело, я только должен предупредить тебя, что садовник, которого ты видел, ее отец.

– И дюжий малый, сдастся мне. Ну хорошо, постараюсь сдержать свой пыл до начала мая. Свидетель бог, я уже натерпелся бед из-за своей пылкости и еще небось натерплюсь.

– Как идеальный муж?

– Я о прошлом. Ты же сам предрек, что оно дотянется за мною в будущее.

Он говорил шутя, чувствовалось, что прошлое от него сейчас далеко. Едва ли воспоминания о Моргаузе мешали ему теперь спокойно спать. Он последовал за мною в дом и, пока я доставал вино и наполнял кубки, обследовал и здесь все углы.

В моем доме было только две комнаты. Большая двухсветная комната занимала две трети от длины дома и всю его ширину, окна выходили во внутренний двор и на холмы. Дверь из нее открывалась под своды маленькой галереи. Сегодня дверь впервые была распахнута по случаю теплой погоды, и солнечный квадрат лежал на терракотовых плитах пола. В дальнем конце комнаты был расположен очаг, над ним широкий дымоход. В Британии нельзя обойтись обогреваемыми полами, нужны еще и печи в доме. Очаг в этой комнате был выложен плитами серого сланца, а на стенах из тесаного камня висели дорогие ковры, привезенные мною с Востока. Стол и скамьи были дубовые, из одного ствола, а большое кресло, как и сундук под окном, содержащий все мои книги, – из вяза. Низкая дверь вела в просто убранную спальню, где стояли лишь кровать да шкаф для платья. За окном, побуждаемый, быть может, смутными воспоминаниями детства, я посадил одинокое грушевое дерево.

Все это я показал Артуру, а потом повел его в башню. Вход в нее был со двора, в углу галереи. В нижнем ярусе находилась рабочая комната, она же кладовая, где я сушил травы и готовил снадобья. Здесь стояли только большой стол, табуреты и шкафы, а в углу была сложенная из камня плита с духовкой и печью для обжига углей. Каменная лестница у стены вела на верхний ярус. Я предполагал оборудовать себе здесь кабинет для занятий. Пока же в голых стенах было пусто – только письменный стол, одно кресло и ящики с таблицами и астрономическими инструментами, которые я привез из Антиохии. В углу – жаровня на треноге. Я распорядился пробить в стене башни окно на юг, и оно было не забрано роговой пластиной и не занавешено: я не очень-то чувствителен к холоду.

Артур обошел круглую комнату, пригнулся, повсюду заглядывал, приоткрывал ящики и шкафы, высунулся боком из узкого оконца – он наполнял тесное помещение своей неукротимой жизненной силой, так что даже мощные, римской кладки стены, казалось, не в силах были сдержать его напор.

Когда мы возвратились вниз, он поднял кубок с вином и обратился ко мне:

– За твое новое жилище. Как ты его назовешь?

– Яблоневого Сада.

– Мне нравится. Подходящее название. Так за Яблоневый Сад и за то, чтобы ты жил в нем долго-долго.

– Спасибо. И за моего первого гостя.

– Вот как? Значит, я у тебя первый? Пусть же их будет еще много, и пусть они все приходят с миром. – Он поставил на стол пустой кубок и опять огляделся. – Здесь уже царит покой.

Да, мне понятен твой выбор... Но уверен ли ты, что сверх этого тебе ничего не надо? Ты знаешь, как знаю и я, что все мое королевство по праву принадлежит тебе, половину я отдам тебе сразу, только молви слово, клянусь!

– Да нет уж, пока не надо. У меня и так с этим королевством было слишком много хлопот, чтобы еще зариться на место монарха. Ты можешь побыть здесь немного? Не хочешь ли поесть? С Морой со страху случится припадок, ведь она, уж конечно, успела сбегать к отцу и узнать, что за молодой гость к нам заехал, но не сомневаюсь, у нее что-нибудь найдется.

– Нет, спасибо, я не голоден. У тебя что же, только эти двое слуг? А кто же тебе стряпает?

– Мора.

– И как, хорошо ли?

– Что? Ах да, неплохо.

– Как я понимаю, ты просто не заметил. Ну, знаешь ли! Позволь, я пришлю тебе повара. Мне неприятно думать, что ты тут живешь на крестьянской пище.

– Прошу тебя, не надо. Общество двоих в течение целого дня – это самое большее, что я способен выдержать. По счастью, они уходят на ночь к себе. И все получается как нельзя лучше, поверь.

– Что ж, ладно. Но позволь мне сделать для тебя что-нибудь, преподнести тебе какой-нибудь подарок.

– Когда у меня возникнет в чем-нибудь нужда, я непременно обращусь к тебе с просьбой, обещаю. А теперь расскажи, как продвигается строительство. Боюсь, я был тут слишком поглощен своей собачьей конурой и ничего не знаю. Успеют ли кончить работы к свадьбе?

Он покачал головой:

– Разве что к лету можно будет привезти туда королеву. А на свадебные торжества я поеду в Каэрлеон. Они назначены на май. Ты приедешь?

– Если я тебе там не буду нужен, я предпочел бы не ездить. Мне слишком много пришлось путешествовать в последние годы, и это начало сказываться на моих силах.

– Воля твоя. Нет, больше вина не надо, благодарю. Еще одну вещь я хотел у тебя спросить. Помнишь, когда зашла речь о моей женитьбе – о моей первой женитьбе, – ты как-то сомневался. Насколько я понял, у тебя тогда было предчувствие несчастья. Если так, оно оправдалось. Скажи мне, а теперь, на этот раз, ты не испытываешь сомнений?

Мне говорили, что, если я захочу, лицо мое становится непроницаемым. Я посмотрел ему прямо в глаза и ответил:

– Ни малейших. А почему ты спрашиваешь? Ты что, сам сомневаешься?

– Нисколько. – Быстрая улыбка. – Пока, во всяком случае. Ведь мне сообщают, что она – само совершенство. Все рассказывают, что она хороша, словно майское утро, все наперебой твердят то, се, пятое и десятое. Это уж как заведено. Однако довольно будет, если у нее чистое дыхание и покладистый нрав... Ах да, и приятный голос. Мне, знаешь ли, нравятся благозвучные голоса. И коли так, мне не найти себе лучшей пары. Как валлиец, Мерлин, ты должен это подтвердить.

– Да, я подтверждаю. Я согласен со всем, о чем тогда толковал Гвил. Когда же ты отправляешься в Уэльс, чтобы привезти невесту в Каэрлеон?

– Я не смогу поехать сам. Мне через неделю надо отправляться на север. А за ней я посылаю Бедуира и с ним Герейнта и – чтобы оказать ей почести, раз я не смогу прибыть сам, – короля Мельваса из Летней страны.

Я кивнул, и разговор перешел на цели предстоящей ему поездки на север. Он ехал осматривать оборонительные сооружения на северо-востоке. Лотов родич Тидваль держал теперь Дунпелдир якобы от королевы Моргаузы и от Лотова первородного сына Гавейна, но на самом деле королева со своим семейством прочно обосновалась на Оркнеях и не собиралась их покидать.

– Что лично мне очень даже по душе, – равнодушно заключил Артур. – Однако из-за этого на северо-востоке возникли кое-какие затруднения.

Он объяснил мне, о чем идет речь. Все дело было в герцоге Агвизеле, владельце неприступного замка Бремениюм, что расположен среди холмов Нортумбрии, где проходит, поднимаясь к Чевиотским горам, Дерийский тракт. Пока на севере правил Лот, Агвизель готов был действовать под его началом, «как шакал», по презрительному замечанию Артура, заодно с Тидвалем и Уриеном.

– Но теперь, когда на место Лота сел Тидваль, – разъяснял Артур, – Агвизель считает, что он и сам ничем не хуже. До меня дошли слухи – правда, у меня нет доказательств, – что, когда в последний раз англы высадились в устье реки Алауны, их там встретил Агвизель, и не с войной, а для переговоров с их главарем. Ну а куда он, туда и Уриен, два брата-шакала, строящие из себя львов. Они, может быть, думают, что я далеко и ничего не узнаю, но я их разуверю и явлюсь к ним в гости как снег на голову. Явлюсь якобы для того, чтобы осмотреть состояние Черного вала. Насколько я понимаю, Агвизеля необходимо под тем или иным предлогом лишить власти, но меры принимать надо осторожно, чтобы не возбудить противодействия со стороны Тидваля и Уриена. Покуда я еще не заручился союзом с западными саксами, допускать, чтобы отпали короли севера, никак нельзя. Если придется убирать Тидваля, это может привести к возвращению в Дунпелдир Моргаузы – мелочь, в общем-то, по сравнению с главным, однако день, когда она снова сядет в замке на Большой земле, не будет для меня радостным днем.

– В таком случае лучше, чтобы он никогда не настал.

– Вот именно. И я постараюсь, чтобы так и было. – Он поднялся и осмотрелся в последний раз. – Приятно у тебя тут. Но боюсь, до отъезда я больше не успею с тобой повидаться, Мерлин.

– Пусть же пребудут с тобою боги, мой милый. В этой поездке и во время твоего бракосочетания. Ну а когда-нибудь, когда сможешь, приезжай ко мне опять.

Он вышел. Комната стала опять просторной, воздух в ней взволновался и снова наполнился покоем.

Глава 2

Покоем была исполнена вся та весна. Вскоре после отъезда Артура на север я побывал в Камелоте, посмотрел, как там продвигаются строительные работы, и, убедившись, что все идет хорошо, оставил их завершение на Дервена, а сам с радостью возвратился в свое новое убежище, словно к себе домой в Брин-Мирддин. Остальное время до наступления лета я был занят своими делами, проводил посадки в саду, писал письма Блэзу и по мере зацветания трав собирал по окрестностям целебные растения.

Артура я до свадьбы больше не видел. Гонец принес мне однажды краткую, но благоприятную весть: Артур получил доказательства измены Агвизеля и напал на него в Бремениюме. Подробности не сообщались, но Артур завладел замком и казнил Агвизеля, однако так, что не возбудил против себя ни Тидваля, ни Уриена и никого из их родичей. Более того, Тидваль даже принимал участие вместе с Артуром в штурме Бремениюма. Как Артуру удалось этого достигнуть, он не писал, но со смертью Агвизеля в мире стало чище, а поскольку наследников после Агвизеля не осталось, Артур мог посадить в замок, охраняющий Чевиотский перевал, человека по своему выбору. Он выбрал Бревина, на которого мог полностью положиться, и, довольный, возвратился в Каэрлеон.

В назначенное время прибыла в Каэрлеон леди Гвиневера в сопровождении королевского эскорта: Мельваса, Бедуира и отряда рыцарей Артура. Кей с ними не поехал, ему, как королевскому сенешалю, долг предписывал находиться в замке, где шли приготовления к пышному празднеству. Позднее мне рассказывали, что отец невесты предложил назначить свадьбу на

начало мая, а Артур, мгновение поколебавшись, ответил «нет», притом с такой решительностью, что все просто подняли брови. Только и всего. Других разногласий не возникло. Все остальное прошло без сучка без задоринки. Ясным солнечным днем на исходе мая молодые сочетались браком, и Артур второй раз возвел новобрачную на королевское ложе, только теперь в их распоряжении было вдоволь дней и ночей. Потом, в первые недели лета, они приехали в Камелот, и тогда я смог увидеть своими глазами вторую Гвиневеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.